

СКОРБНЫЙ ПУТЬ
МИХАИЛА
РОМАНОВА:
ОТ ПРЕСТОЛА
ДО ГОЛГОФЫ

ВРЕМЯ И СУДЬБЫ

**СКОРБНЫЙ ПУТЬ
МИХАИЛА
РОМАНОВА:
ОТ ПРЕСТОЛА
ДО ГОЛГОФЫ**

СКОРБНЫЙ ПУТЬ МИХАИЛА РОМАНОВА: ОТ ПРЕСТОЛА ДО ГОЛГОФЫ

ДОКУМЕНТЫ
МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ
ДНЕВНИКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

Пермь
Издательство «Пушка»
1996

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ

Книга, которую мы предлагаем вашему вниманию, увлекает и захватывает больше иного детектива. Между тем, это всего лишь сборник архивных материалов — официальных документов, газетных сообщений, воспоминаний современников, писем, дневников, свидетельских показаний, многие из которых публикуются впервые. Одни документы читаются как авантюрно-приключенческий роман, от других веет любовной мелодрамой, третьи, может показаться, созданы пером пародиста-сатирика; большинство же — просто бесстрастные свидетельства страшной и мятежной эпохи двух революций — Февральской и Октябрьской. Но все они, такие разные, рисуют единую картину исторической трагедии, главным действующим лицом которой является Михаил Романов. Младший брат последнего российского императора Николая II великий князь Михаил Александрович, тайно убитый в Перми летом 1918 г., стал первой жертвой из членов императорской фамилии, принесенной большевиками на «алтарь мировой революции».

Пролистайте же страницы этого сборника, примерьте к себе тот страшный крест, который пришлось завалить на свои плечи Михаилу Романову на его собственном пути на Голгофу.

Составители В. М. Хрусталева, Л. А. Лыкова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 1917 года в России в считанные дни совершились события, вошедшие в историю как Февральская революция. В течение двух суток, 2 и 3 марта, один за другим отреклись от престола сначала император Николай II, а затем его брат великий князь Михаил Александрович. Так пала династия Романовых, незадолго до этого, в 1913 году, торжественно отметившая 300-летие своего правления великой державой.

Интерес к событиям крушения монархии в России и последующей гибели царской семьи и ряда представителей императорской фамилии возрастает пропорционально растущему числу публикаций на эту тему в наши дни. Однако в них довольно часто содержатся отрывочные и порой противоречивые сведения, базирующиеся в некоторых случаях не на документальных фактах, а на предположениях и логических умозаключениях.

Предлагаемый читателю сборник содержит не только официальные документы, сообщения средств массовой информации, воспоминания современников и политических деятелей, но и частные письма, дневники, свидетельские показания и другие архивные материалы, освещающие малоизвестные эпизоды жизни младшего брата императора Николая II — великого князя Михаила Александровича — от мятежных дней Февральской революции до тайного похищения и убийства его в ночь с 12 на 13 июня 1918 года под Пермью. По всем обстоятельствам это было убийство, совершенное по политическим мотивам. Михаил Романов, отрекшийся в феврале 1917 года от «восприятия верховной власти» еще до решения Учредительного собрания (т. е. до проявления воли народа), стал первой жертвой из членов императорской фамилии, принесенной большевиками на «алтарь мировой революции».

Последствия этого преступления, совершенного не только против династии Романовых, но и, в конечном итоге, против мировой державы, очевидны всем, и сегодня предпринимаются первые шаги в искуплении многочисленных грехов, содеянных перед нашей многострадальной Родиной. Один из таких шагов — это издание, главная цель которого — попытаться заполнить еще одно белое пятно российской истории*.

Публикуемые в сборнике документы дают возможность уточнить некоторые исторические факты, развеять ложные мифы и легенды, возникшие вокруг Михаила Романова, по-новому переосмыслить версию советской историографии о гибели великого князя, показать на основе многих неизвестных архивных источников объективную картину трагических событий, положивших начало братоубийственной гражданской войне; имевшей далеко идущие пагубные последствия для нашей страны. К сожалению, многие документы, проливающие свет на трагические события, связанные с уничтожением династии Романовых в 1918—1919 годах, хранятся все еще за семью печатями от посторонних глаз, в так называемом Президентском архиве и бывших архивах КГБ и МИД СССР. Только некоторые из них стали достоянием широкой общественности. Будем надеяться, что наступит тот час, когда документы оставшихся последних спецхранов позволят до конца раскрыть эту «кровавую тайну века».

Книгу открывает историко-публицистический очерк о жизненном пути и особенностях характера Михаила Романова, что должно помочь читателю более глубоко понять всю сложность событий тех лет и степень участия в них великого князя.

Документы и материалы в сборнике разделены по нескольким хронологическо-тематическим разделам, тесно связанным с главными этапами истории России. В конце каждого из разделов помещены фрагменты воспоминаний и мемуаров известных государственных деятелей и рядовых очевидцев событий, помогающих нам, наряду с документами, воссоздать исторический фон того времени, понять взаимосвязь исторического процесса с общественной и частной жизнью великого князя Михаила Алек-

* В основу этого издания положен сборник *Самосуд: Убийство великого князя Михаила Романова в Перми в июне 1918 г.: Документы и публикации* / Сост. Т. И. Быстрых. — Пермь, 1992.

сандровнича. Однако необходимо помнить, что воспоминания, как, впрочем, и другие документы, часто несут в себе черты тенденциозности и субъективности взглядов их автора. Поэтому залог объективности — в сопоставлении данных различных документов, в критическом анализе их содержания. Не случайно данное издание выносит на суд читателя самые разнообразные материалы, принадлежащие представителям различных слоев общества, расколотого революцией и гражданской войной на непримиримые лагеря.

Вошедшие в сборник документы и материалы выявлены главным образом в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ, бывший ЦГАОР СССР) и Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ, бывший ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС), а также в архивах Пермской и Свердловской областей. Выявление и археографическая обработка документов произведены профессиональными историками, кандидатами исторических наук Л. А. Лыковой и В. М. Хрустальвым и пермскими архивистами Т. И. Быстрых, В. Г. Светлаковым и Т. С. Волюнской. За основу публикации взяты подлинники документов, при их отсутствии — отпуски и копии. Археографическая обработка текста осуществлена в соответствии с действующими правилами публикации исторических документов. Часть материалов сборника печатается в извлечениях, что обозначено отточиями в тексте. Опущены те части текста, которые носили частный характер и не представляли интереса для раскрытия темы. Заголовки к документам, как правило, даны составителями. Все документы и материалы имеют общую нумерацию. Стилиевые особенности текста сохранены. Ошибки и описки устранены без оговорок, если они не характеризуют с какой-либо отличительной стороны их авторов. Недописанные слова и частично утраченные фрагменты текста документов восстановлены в квадратных скобках. Документы до 1 (14) февраля 1918 года датированы по старому стилю, в необходимых случаях дана пояснительная сноска либо в круглых скобках проставлена дата по новому стилю. Документы после 14 февраля датированы по новому стилю без пояснений.

Для облегчения ориентации в массе исторических фактов сборник оснащен научно-справочным аппаратом. Публикуемые материалы снабжены подстрочными примечаниями и комментариями-персоналиями, последние

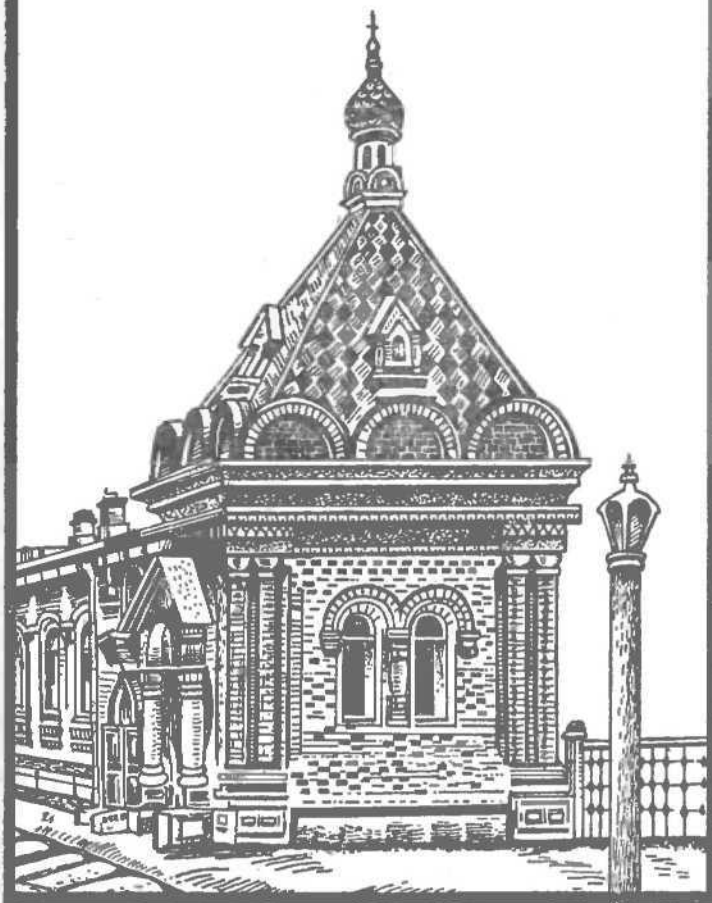
имеют общую порядковую нумерацию и помещены в конце сборника.

Составители сборника стремились к тому, чтобы изложение материала было доступно не только для ученых и специалистов, но и для массового читателя.

Всем, принимавшим участие в работе по подготовке к изданию данного сборника, составители приносят глубокую благодарность.

**СУДЬБА ПРЕТЕНДЕНТА
НА РОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
МИХАИЛА РОМАНОВА**

ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Судьба младшего брата Николая II великого князя Михаила Александровича, более чем кого-либо из многочисленного семейства Романовых, овеяна романтизмом и таинственностью. Тем не менее она мало известна современникам. Волей случая Михаил Александрович оказался последним императором на Российском престоле, если считать временем его «царствования» неполные сутки со 2 на 3 марта 1917 года. Даже после отречения от «восприятия верховной власти» он сохранял реальные шансы на таковую, что, очевидно, и послужило главной причиной его похищения и тайного убийства в ночь с 12 на 13 июня 1918 года под Пермью. Чтобы разобраться в сложном переплетении событий тех лет, обратимся к документам и историческим фактам.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

По всеобщему мнению, любимцем императора Александра III из трех его сыновей был младший сын Михаил, краснощекий здоровяк с веселым и живым характером. Старшие братья не переставали удивляться тому, сколь многие шалости строгий к ним отец прощал Мише. Как бы им досталось за подобные вольности!

Вот одна из таких сцен жизни царской семьи (вспоминает греческий принц Георгий):

«Взрослые сидят на террасе, возле которой внизу в песке копается Миша. Бывший в хорошем настроении духа, Александр III взял лейку с водой и, подзвав Мишу, сверху широкой струей забрызгал мальчика. Смелся Миша, весело грохотал грузный отец, почтительно заливались присутствующие.

— Ступай, Миша, переодеться. Весь, гляди, мокрый.

Но Миша заупрямился:

— Ты меня поливал, теперь моя очередь, становись на мое место.— И вот Миша уже на террасе, с лейкой до

верху полной водой, теребит: — Скорее, папа, скорее... Александр, как был в мундире, спускается вниз, становится на место Миши и терпеливо ждет, пока Миша не выльет всего содержимого лейки на лысину отца. Довольные друг другом, возбужденные оба, отец с сыном идут переодеваться.

А вот как описываются детство и юные годы великого князя в книге «Великие князья» Давида Чавчавадзе (Нью-Йорк, 1990):

«Он любил совершать длительные прогулки со своим отцом, который учил его разжигать костер и выслеживать зверя по следам. Они, бывало, забирались в дикий парк с фонариком, лопатами, прихватив с собой несколько яблок, и там разводили костер, пекли яблоки, возвращаясь домой уже затемно. (...)

Младшая сестра Михаила великая княгиня Ольга много времени проводила с Михаилом (...). В детстве их никак не выделяли, не делали дорогих подарков. Большую часть времени они проводили в Гатчине, в окрестностях С.-Петербурга. (Няня-англичанка) воспитывала их в чисто английской манере. Дети соблюдали диету: овсянка на завтрак; бараньи котлеты, горох и печеный картофель на обед; ветчина, хлеб, масло и английские бисквиты к чаю. Кекс подавался как великая награда только по большим случаям.

Михаил был на четыре года старше Ольги, но выглядели они одинаково, их вкусы во многом сходились, и они никогда не ссорились. (...)

Одним из самых любимых событий для всех детей Александра III, и особенно для Михаила, были ежегодные посещения их дедушки датского короля Христиана IX. В Копенгагене они могли свободно гулять, ходить в магазины, что было немисливо в С.-Петербурге, при плотном кольце охраны. (...)

Наконец великий князь Михаил вырос и превратился в молодого человека весьма приятной наружности. Он был всегда гладко выбрит, но носил небольшие усы. Ростом он не был таким высоким, как его многочисленные двоюродные братья или дяди, но он был выше, чем брат Николай. (...)

Оценка великого князя Михаила Александровича как личности в отзывах его современников неоднозначна. Он был на 10 лет моложе своего брата Николая II (Михаил

Романов родился 22 ноября 1878 года). Многие отмечали его воспитанность, доступность и сходились на том, что по своей природе это был чрезвычайно скромный и застенчивый человек, тяготившийся собственным высоким положением. Что, впрочем, не помешало ему стать блестящим офицером, отличным наездником и спортсменом. Он мечтал управлять аэропланом, слыл театралом и заядлым автолюбителем.

Полковник А. А. Мордвинов, многие годы состоявший адъютантом при великом князе Михаиле Александровиче, в своих воспоминаниях писал:

«Многим Михаил Александрович казался безвольным, легко попадающим под чужое влияние. По натуре он действительно был очень мягок, хотя и вспыльчив, но умел сдерживаться и быстро остывать. Как большинство, он был также равнодушен к ласке и излияниям, которые ему всегда казались искренними. Он действительно не любил (главным образом из деликатности) настаивать на своем мнении, которое у него всегда все же было, и из этого же чувства такта стеснялся и противоречить. Но в тех поступках, которые он считал — правильно или нет — исполнением своего нравственного долга, он проявлял обычно настойчивость, меня поражавшую».

Несмотря на покладистый характер, Михаил Александрович был способен на поступок и самопожертвование, что неоднократно доказывал в своей жизни. Он исправно нес службу, повышал свою военную подготовку и успешно продвигался по ступеням гвардейской офицерской карьеры. О всех значительных событиях в жизни Михаил Александрович делал записи в своем дневнике на протяжении многих лет.

Послужной список Михаила Александровича был внушителен. Кроме обычных государственных учреждений, куда он входил по своему положению, великий князь являлся шефом нескольких военных частей гвардии и флота, как российских, так и иностранных, состоял почетным председателем и покровителем бесчисленных благотворительных, научных и просветительных обществ и т. д.

Среди великих князей дома Романовых Михаил Александрович, по свидетельству Мордвинова, был самым богатым, но и самым непритязательным: «Деньгам для себя лично он не придавал никакого значения, совсем плохо разбирался в относительной стоимости различных

вещей и оставался совершенно безучастным ко всем докладам, говорившим об увеличении его материальных средств».

Согласно закону, он впервые стал наследником престола в 1898 году после смерти от туберкулеза среднего сына Александра III, Георгия Александровича, от которого наследовал и значительную долю имущества, в том числе обширное имение Брасово. После рождения цесаревича Алексея Михаил Романов носил звание «правителя государства».

Среди других великих князей Михаил Александрович особенно ничем не выделялся. Пожалуй, всеобщее внимание он привлек к себе лишь тайным вступлением против воли Николая II в мorganатический брак с дважды разведенной дочерью московского адвоката Наталией Сергеевной Шереметьевской. Графиня Л. Воронцова-Дашкова писала:

«Браку великого князя предшествовал длительный роман... В 1908 году он командовал эскадром кирасирского Ее Величества полка, шефом которого состояла мать великого князя, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Полк стоял в Гатчине, под Петербургом. Там на одном из полковых праздников великому князю в числе других жен офицеров была представлена Наталья Сергеевна Вульферт.

Это, казалось бы, мимолетное знакомство перешло в длительный роман, закончившийся браком и отречением великого князя от всех присущих ему по положению прав.

Наталья Сергеевна Вульферт была женщиной красивой и образованной, происходила она из очень интеллигентной семьи. Ее отец, С. Шереметьевский, был известным адвокатом. Первым браком Наталья Сергеевна вышла за музыканта С. Мамонтова, вторым — за кирасирского офицера В. Вульфerta.

Брака великого князя и Н. С. Вульферт не желали ни император Николай II, ни мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Когда император узнал о намерении великого князя все-таки жениться на Н. С. Вульферт, он вызвал его во дворец и отдал краткий приказ:

— Черниговские гусары!

Великий князь назначался командиром Черниговского гусарского полка, стоявшего в Орле, куда он должен был немедленно отправиться.

Гатчина, кирасиры, Н. С. Вульферт — все было покинуто. Но, мягкий по своему характеру, великий князь в данном случае проявил непреклонную волю, решив жениться на любимой женщине, даже несмотря на противодействие императора.

Великий князь уехал в Орел. Но роман продолжался. По настоянию великого князя ротмистр В. Вульферт согласился на развод с женой».

Это дошло до царской семьи. «Михаил и Наталия решили, что будет лучше, если она на время уедет из России, пока не уляжется скандал, связанный с ее разводом, — писал в своей книге Д. Чавчавадзе. — (...) Наталия уехала в Европу. Это произошло в июне 1909 г. (...) В то время международной телефонной связи еще не существовало, поэтому Наталия и Михаил пользовались телеграфом. Только она одна послала 377 телеграмм. Некоторые из них сохранились и являются собственностью внучки падчерицы великого князя Михаила — Паулины Грэй. (...)»

Михаил тоже тяжело переживал разлуку. Он писал Натальи:

«Копенгаген. 13 августа 1909 года.

Моя дорогая, красивая Наташа, у меня нет слов, которыми я бы мог выразить свою благодарность за все, что ты дала мне в моей жизни. (...) Не печалься, с Божьей помощью мы скоро опять встретимся. Пожалуйста, верь всегда моим словам и моей нежной любви к тебе, к моей самой дорогой и блестящей звезде, которую я никогда, никогда не оставляю и не покину. Я обнимаю и целую всю тебя... Пожалуйста, верь, что я весь твой. Миша».

Следует заметить, что летом 1910 года в жизни Михаила Александровича произошло значительное событие. Наталия Сергеевна после развода с ротмистром Вульфертом родила великому князю сына Георгия. 13 ноября 1910 года император Николай II подписал Указ Правительствующему Сенату, который не подлежал обнародованию; в нем предписывалось: «Сына состоявшей в разводе Натальи Сергеевны Вульферт, Георгия, родившегося 24 июля 1910 года, Всемилостивейше возводим в потомственное дворянское Российской Империи достоинство, с предоставлением ему фамилии Брасов и отчества Михайлович.

Однако такое двойственное состояние и долг чести не давали покоя Михайлу Александровичу, и он решил действовать против воли царя. Осуществить свое намерение по заключению церковного брака с Наталией Сергеевной великий князь мог только за границей. Тем более, что такие примеры уже были в многочисленной императорской фамилии. И в 1912 году Михаил Александрович и Наталия Сергеевна покинули Россию, уехав за границу, в Вену, где великий князь в строгой тайне предполагал совершить обряд венчания.

Николай II, узнав о намерении брата, предпринял ряд шагов, чтобы помешать этому. За Михаилом Романовым был учрежден строжайший надзор. Чтобы не допустить заключения мorganатического брака госпожи Вульферт с великим князем Михаилом Александровичем, за границу был специально командирован генерал-майор корпуса жандармов А. В. Герасимов. При этом всем российским посольствам, миссиям и консульствам предписывалось оказывать ему всяческое содействие вплоть до «ареста лиц» по его указанию.

Однако Михаил Александрович проявил незаурядные способности конспиратора, оставив своим попечителям возможность наполнить надзорное досье лишь обвинительными документами о провале порученного им дела. Великий князь действовал с крайней осторожностью. В Вене он нашел сербского православного священника, чтобы заключенный брак не подлежал расторжению Святейшим синодом. Несомненно, это был брак по любви, в противном случае Михаил Романов не пошел бы против воли царя и на нарушение законов, сознательно лишая себя права на Российский престол.

Гнев Его Величества вылился в запрещение «своевольному брату» въезда в Россию. Шифрованная жандармская телеграмма свидетельствовала: «Граф Брасов (великий князь Михаил Александрович.— *Прим. авт.*) очень удручен и никуда не выходит». 15 декабря 1912 года царь подписал указ Правительствующему Сенату о передаче в опеку имущества Михаила Романова, а 30 декабря с него было снято звание «правителя государства». Великий князь был вынужден жить за границей как частное лицо. Из Австрии в 1913 году он вместе с женой и сыном Георгием переехал в Англию и поселился в замке Неборт, недалеко от Лондона.

В конечном итоге, благодаря вмешательству матери

отношение Николая II к поступку брата смягчилось. В 1914 году после начала 1-й мировой войны великокняжеская чета вернулась в Петербург, опека с имущества была снята. Вскоре Наталии Сергеевне царем был пожалован титул графини Брасовой.

НА ПЕРЕЛОМНОМ РУБЕЖЕ ИСТОРИИ РОССИИ

В годы 1-й мировой войны Михаил Романов в звании генерал-майора был на фронте, получил Георгиевский крест, командуя так называемой «дикой дивизией», позднее — 2-м кавалерийским корпусом. Он не участвовал в интригах царского двора, но многие опасались влияния его властной и энергичной супруги. В частности, об этом свидетельствуют дневниковые записки обер-гофмейстерны княгини Е. А. Нарышкиной. 21 февраля 1917 года она написала:

«Грустные мысли: императрицу ненавидят. Думаю, что опасность придет с той стороны, с которой не ожидают: от Михаила. Его жена очень интеллигентна (...). В театре ее ложа полна великих князей, сговорятся вместе с Марией Павловной. Добьется быть принятой императрицей-матерью и императором. Чувствую, что они составляют заговор. Бедный Миша будет в него вовлечен, вопреки себе, будет сперва регентом, потом императором. Достигнут всего».

Февральская революция застала Михаила Романова в Гатчине. Документы свидетельствуют, что он делал все возможное, чтобы избежать кровопролития, спасти монархию, но отнюдь не для того, чтобы занять престол. 27 февраля 1917 года по настоятельной просьбе председателя Государственной Думы М. В. Родзянко Михаил Александрович связался по прямому проводу со Ставкой, где находился царь, прося его уступить «оппозиции» и создать «правительство доверия». Ответив через начальника штаба генерала Алексеева, Николай II отказался последовать его совету.

Безуспешно попытавшись вернуться в Гатчину, Михаил Романов вынужден был укрыться на квартире князя П. П. Путятина (Миллионная, 12), поддерживая тесную связь с М. В. Родзянко. Именно сюда 1 марта явился присяжный поверенный Н. Н. Иванов с просьбой подписать так называемый «Манифест великих князей».

Документ этот, появившийся в окружении великого князя Павла Александровича, был очередной попыткой спасти трон, уступив требованиям Государственной Думы. От имени Николая II предполагалось провозгласить следующую: «Поручаем председателю Государственной Думы немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской Империи». Рядом с подписями великих князей Павла Александровича (дядя царя) и Кирилла Владимировича (двоюродный брат царя) поставил свою и Михаил Александрович. Однако манифест запоздал. Революционные события развивались настолько стремительно, что уже на следующий день, 2 марта 1917 года, М. В. Родзянко поставил вопрос об отречении Николая II в пользу наследника Алексея, при регентстве Михаила Романова.

Поползший слух о том, что Михаил добивается престола, переполошил остальных членов императорской фамилии. Великий князь Павел Александрович незамедлительно обратился за разъяснениями к третьему участнику манифеста. В письме к Кириллу Владимировичу он писал, что ему «ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом» и что все это, вероятно, интриги Н. С. Брасовой. Очевидно, Михаил Александрович, зная мнение своих родственников, нашел возможность успокоить их. Во всяком случае, Кирилл Владимирович, бывший в курсе событий и знавший, где находится Михаил, в ответном письме Павлу Александровичу ответил, что «Миша работает ясно и единомышленно с нашим семейством».

Создается впечатление, что Родзянко скорее ставил в известность Михаила Романова о варианте отречения Николая II, чем просил его согласия. По крайней мере, нет документальных подтверждений, что Михаил Александрович дал свое согласие на регентство.

Отречение Николая II от престола за себя и за несовершеннолетнего наследника сына Алексея в пользу брата Михаила явилось для всех полной неожиданностью. К тому же это было нарушением закона о престолонаследии. С дороги в Могилев Николай II посылает телеграмму брату, которая, однако, так до него и не до-

шла: «Петроград, Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники».

3 марта в 10 часов утра в квартире князя Путятина открылось совещание по обсуждению вопроса, объявлять ли возложение на себя Михаилом Романовым императорских обязанностей или не объявлять. Многие советовали Михаилу Александровичу власть на себя не брать. Например, А. Ф. Керенский заявил: «Я не вправе скрыть здесь, каким опасностям Вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Я не ручаюсь за жизнь Вашего Высочества». Наоборот, в противовес большинству П. Н. Милюков и А. И. Гучков убеждали, что Михаил Александрович не только может, но и обязан взойти на трон. Однако Михаил Романов после совещания, трезво оценив ситуацию в стране, подписал акт своего отречения от престола до решения Учредительного собрания.

Акты об отречении Николая II и Михаила Романова были обнародованы одновременно, 5 марта 1917 года, в «Вестнике Временного правительства». Принимая историческое решение, Михаил Александрович не знал, может ли он опереться на поддержку армии и народа или встретит оппозицию. Решение о выборе формы правления страной откладывалось до Учредительного собрания. По сути дела, в эти дни выбор был уже предрешен в пользу республики. Михаил Александрович считал, что выполнил свой долг так, как он его понимал.

Уже на второй день после отречения царя Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, учитывая требования, выдвинутые на многочисленных митингах и собраниях, постановил арестовать царскую семью. В этом же постановлении специально подчеркивалось: «По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутому фактическому надзору революционной армии».

Если Петросовет опасался угрозы восстановления прежних порядков, то представители дома Романовых беспокоились, и не напрасно, за безопасность своих близких. 5 марта 1917 года на заседании Временного правительства рассматривалось письмо великого князя Михаи-

ла Александровича о принятии мер к охране членов императорской фамилии. В вынесенном по этому поводу решении правительства было записано: «Поручить военному министру установить, по соглашению с министром внутренних дел, охрану лиц императорского дома».

С весны 1917 года великий князь Михаил Александрович продолжал жить сравнительно неприметно возле Гатчины, не принимая участия в политической жизни страны. Накануне отъезда Николая II и его семьи в Тобольск Михаил Александрович получил разрешение проститься с братом.

Граф П. К. Бенкендорф, находившийся в это время при царской семье, рассказывал о встрече двух братьев:

«(...) Министр устроил это свидание, чтобы братья могли проститься. Я передал об этом царю, который был тронут и удивлен. Когда великий князь приехал, то Керенский вместе с ним и ординарцем первым вошел в кабинет Его Величества. Он сел за стол и рассматривал альбомы. Офицер оставался у двери. Свидание длилось 10 минут.

Братья были так взволнованы тем, что приходится говорить при свидетелях, что почти не находили слов. Великий князь, весь в слезах, сказал мне, что не рассмотрел даже как следует лица царя».

Сам император Николай II был также растроган этим свиданием, о чем свидетельствует запись в его дневнике:

«Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 10½ [ч.] милый Миша вошел в сопровождении Керенского и караульн[ого] нач[альника]. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно».

Бурные события не обходили Михаила Романова стороной. Так случилось и в дни корниловского мятежа. Роковую роль в судьбе ряда великих князей сыграли попытки монархических кругов связаться с высланным в Тобольск Николаем II.

Дело фрейлины Маргариты Хитрово, так до конца и не выясненное, но якобы свидетельствующее о контрреволюционном заговоре, подтолкнуло Временное правительство к принятию постановления об аресте великого князя Михаила Александровича и его супруги графини Н. С. Брасовой, а также великого князя Павла Александровича, его жены княгини О. В. Палей и их сына

князя Владимира Палея. В газетах подробно описывались аресты, произведенные 21 августа 1917 года:

«В седьмом часу вечера из Петрограда был отправлен в Гатчину и Царское Село наряд воинских частей в составе одной роты. Вслед за тем выехал в Гатчину министр-председатель А. Ф. Керенский в сопровождении помощника главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Козьмина и адъютанта.

По приезде на место А. Ф. Керенский проследовал на дачу, занимаемую Михаилом Александровичем, и в тот же момент дача была окружена войсками. А. Ф. Керенский лично объявил Михаилу Александровичу о мотивах, побуждающих Временное правительство применить по отношению как к самому великому князю, так и к его супруге, домашний арест.

Михаил Александрович выразил некоторое удивление по поводу изложенных соображений, но вместе с тем указал, что он, конечно, готов подчиниться постановлению Временного правительства. (...)

В ту же ночь, как передают, были произведены аресты некоторых других великих князей (...).

Однако, как выяснилось позднее, предположение о монархическом заговоре оказалось несостоятельным. Дело было прекращено.

После Октябрьского переворота Петроградский ВРК 13 ноября 1917 года рассмотрел вопрос об аресте и переводе Михаила Александровича из Петрограда в Гатчину или Финляндию. В протоколе было записано:

«Комиссар Гатчины Рошаль удостоверил, что Гатчина и линия железной дороги всецело в наших руках. **П о с т а н о в и л и:** Военно-революционный комитет возражений против перевода его под домашний арест в Гатчину [не имеет]».

Известно, что в ноябре 1917 года Михаил Александрович добровольно еще раз явился в Смольный и обратился к управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой каким-либо образом узаконить его положение в Советской России, чтобы заранее исключить возможные недоразумения. Бонч-Бруевич на официальном бланке оформил разрешение о «свободном проживании» Михаила Романова как рядового гражданина республики. В конце 1917 года состоялась беседа В. И. Ленина с зам. наркома Госконтроля Э. Э. Эссенем, который сообщил о просьбе, поданной в Совнарком бывшим ве-

ликим князем Михаилом Романовым о перемене его фамилии на фамилию его жены — Брасов (чтобы перейти на положение гражданина Российской Советской Республики). Ленин ответил, что этим вопросом он заниматься не будет.

ПОХИЩЕНИЕ И УБИЙСТВО МИХАИЛА РОМАНОВА

В феврале 1918 года, в связи с германским наступлением на Петроград, бунтарскими настроениями масс и другими событиями, общая ситуация в стране резко ухудшилась. Нахождение Михаила Романова и других великих князей вблизи границы представлялось опасным. Это послужило поводом для рассмотрения вопроса о судьбе Михаила Александровича на заседании Совнаркома 9 марта 1918 года. В протоколе Совнаркома записано: «Слушали: О высылке [великого] князя М. А. Романова и других лиц в Пермскую губ[ернию]. (Докладчик — Урицкий.) Постановили: Принять проект постановления с внесенными поправками. Высылку М. А. Романова поручить т. Урицкому».

На этом же заседании Совнаркома было принято решение, подписанное В. И. Лениным: «Бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона (...) выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения. Местожительство в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим великим князем Михаилом Романовым».

Управляющий и личный секретарь великого князя англичанин Брайан (Николай Николаевич) Джонсон остался в нашей стране добровольно. Английский посол в Петрограде Бьюкенен рекомендовал Джонсону покинуть Россию, но тот ответил: «Я не оставлю великого князя в такой тяжелый момент».

Михаил Романов предчувствовал все испытания ссылки и потому взял с собой деньги, личный багаж, много книг, аптечку и автомобиль «роллс-ройс». За своим господином в Пермь добровольно последовали камердинер В. Ф. Челышев и шофер П. Я. Борунов. На все просьбы графини Н. С. Брасовой, желавшей разделить участь му-

жа, великий князь отвечал ей отказом и, наконец, уговорил остаться в Гатчине и ждать исхода событий.

В Перми ссыльных встретили негостеприимно, о чем можно судить по телеграмме Михаила Романова, направленной Бонч-Бруевичу и Урицкому: «Сегодня двадцатого [марта] объявлено распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех [в] одиночное заключение [в] пермскую тюремную больницу, вопреки заверению Урицкого о жительстве [в] Перми [на] свободе, но разлучно с Джонсоном, который телеграфировал Ленину, прося Совет [Народных Комиссаров] не разлучать [нас] ввиду моей болезни и одиночества. Ответа нет. Местная власть, не имея никаких директив центральной [власти], затрудняется, как иначе поступить. Настоятельно прошу незамедлительно дать таковые. Михаил Романов».

Две телеграммы в адрес Пермского Совета депутатов — из Совнаркома за подписью Бонч-Бруевича и из Петроградской ЧК за подписью Урицкого — указывали: «В силу постановления, Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной Советской власти».

Пермский Совет принял указание к руководству, но со своей стороны предупредил Михаила Романова, что тот освобождается без всякой гарантии и исполком не берет на себя ответственность за последствия.

На некоторое время великий князь поселился в номерах гостиницы при бывшем Благородном собрании. Об этом, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях В. Ф. Сивков, член Президиума Пермского губисполкома:

«Осталась в памяти встреча с Михаилом Романовым, который жил в номере напротив моего, до того, как его перевели в бывшие Королевские номера. Произошло это утром. Когда я уходил на работу, одновременно со мною в коридор вышел высокий стройный блондин с военной выправкой, в сером свободном плаще, в фуражке военного образца и начищенных сапогах. При виде его невольно возникло представление о гвардейце.

Заинтересовавшись этим человеком явно не нашей среды, я пошел за ним, и так мы дошли до губчека. Там он зашел в комнату дежурного коменданта, а я прошел к Малкову и, рассказав о встрече, спросил, кто это такой.

Павел Иванович, улыбаясь, спокойно ответил мне, что это калиф на час Михаил Романов, в пользу которого Ни-

колай II отказался от престола. Он здесь в ссылке и обязан утром и вечером регистрироваться в нашей комендантуре. За ним установлено наблюдение».

Когда Пермский губисполком связался с центром и, указывая на создавшееся положение, снял с себя ответственность за «целость» Романова, то, по предложению Петрограда, надзор был поручен местной ЧК. Об этом событии Михаил Александрович 8/21 мая 1918 года сделал следующую запись в своем дневнике: «В 11 час. Дж[онсон], Васялий [Челышев] и я отправились в Пермскую окружную Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Я получил бумагу, в которой мне предлагается являться туда ежедневно в 11 час. (Люди добрые, скажите, что это такое.) После этой явки я отправился домой (...)».

Сохранились воспоминания некоего господина Крумниса, написанные им в эмиграции (он проживал в Королевских номерах в то время, когда там же находился великий князь):

«Сначала я опасался останавливаться здесь, ибо полагал, что пребывание великого князя привлечет к гостинице внимание Советской власти, но меня успокоили, сказав, что великий князь пользуется полной свободой, ходит сам по городу (...). Я жил во втором этаже Королевских номеров, великий князь жил на третьем этаже, занимая с Джонсоном две небольшие комнаты. Я видел великого князя несколько раз в коридоре гостиницы и на улице. Он носил серый костюм и мягкую шляпу и палку. Всегда был в сопровождении Джонсона. Бросался в глаза контраст высокого роста великого князя и низкого г. Джонсона. (...) Великий князь часто заходил в магазин Добрина, что на Сибирской улице, где беседовал с его доверенным о разных делах. Однажды доверенный Доб[рина] спросил его, почему он, пользуясь свободой, не принимает мер к побегу. На это великий князь ответил: «Куда я денусь со своим огромным ростом. Меня немедленно же обнаружат». При этом он всегда улыбался».

Живя «на свободе», Михаил Романов имел возможность скрыться, но этим поступком он опасался усложнить положение своих родственников.

Поводов для беспокойства было более чем достаточно. В прессе публиковались материалы о переводе Николая II в Екатеринбург и предстоящем судебном процессе над ним.

Находясь под надзором, великий князь был связан с друзьями и некоторыми родственниками перепиской, существовала и непосредственная живая связь между Пермью и Петроградом. В начале мая в Пермь приезжала его жена. Этому событию посвящены многие строки в дневнике:

«Пермь, 25 [апреля]/8 мая. Среда. Утром читали, после завтрака я познакомился с инженером Эльжановским. Около 3³/₄ часа Наташа, Джо[нсон] и я на извозчиках поехали к Тупициным, где пили чай и ели много вкусных вещей. В 7 час. простились с ними. Наташа поехала, а Дж[онсон] и я пошли до дома пешком. Вечером к чаю пришел Петр Нилович Второв. Погода была отвратительная (...).

Пермь, 26 [апреля]/9 мая. Четверг. Утром читали, днем прошлись по Торговой, Монастырской, а обратно — вдоль реки. После чая Наташа и я легли отдохнуть. К обеду пришли Знамеровские и остались до 11¹/₂. Погода была полусолнечная, 2°.

Пермь, 27 [апреля]/10 мая. Пятница. Около 11¹/₂ Борунов и я переехали на лодке на другую сторону Камы (поселение Средняя Курья), там мы пошли налево вдоль опушки леса, затем, выйдя к реке, переехали обратно. После завтрака был у нас датский вице-консул Рее с секретарем австрийцем — мы угостили их кофе. В 5¹/₂ Наташа, Дж[онсон] и я отправились в Петропавловский собор, где служил пасхальную вечерню архиепископ Андроник, — служит он очень хорошо. Вечером я играл на гитаре. (...)

Жизнь Михаила Романова шла своим чередом, но Брасова не хотела мириться с высылкой мужа. Поняв, что его судьбу могут решить только высшие советские власти, она решила ехать в Москву. По сведениям представителя английской миссии Р. Вильтона, графиня Брасова встречалась с председателем Совнаркома В. И. Лениным и ходатайствовала о разрешении Михаилу Романову выезда из России, но безрезультатно.

В стране разгоралась гражданская война. С захватом белочехами 26 мая Челябинска и 7 июня Омска движение поездов на Сибирь прекратилось, и в Перми скопилось около 10 тысяч пассажиров, пытавшихся проехать на восток. Среди них было много военных, в том числе сочувствующих белому движению. Властям повсюду мерещились контрреволюционные заговоры и перевороты. Трагикомич-

ческое дело В. Кулеш, молодой психически неуравновешенной особы, выдававшей себя за княжну Голицыну и обвиняемой ЧК в тайном сговоре с Михаилом Романовым с целью его побега, ярко рисует атмосферу той эпохи — как на бытовом, так и на государственном уровне.

Последняя запись в дневнике Михаила Романова была сделана 11 июня, т. е. за день до трагической развязки, и ничего особенного не предвещала: «Сегодня были боли послабее и менее продолжительные (в этот период у великого князя началось обострение давней болезни.— *Прим. авт.*). Утром читал. Днем я на час прилег. К чаю пришел Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы, после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицин зашел около 8½. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь, 13½°, вечером тоже. Около 10 зашел мой крестник правовед Нагорский проститься, он сегодня же уезжает в Петроград».

Следует заметить, что Михаил Александрович регулярно и аккуратно заполнял дневник, и отсутствие последней записи 12 июня 1918 года наводит на определенные размышления. Возможно, он просто не успел заполнить дневник, а возможно, последняя запись была изъята после обыска помещения чекистами. Во всяком случае, Михаил Романов перед арестом был поднят из постели, о чем имеются несколько свидетельств очевидцев.

15 июня 1918 года газеты опубликовали сообщение «Похищение Михаила Романова»:

«В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы

конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуну и в Уральский областной Совет. Проводятся энергичные розыски».

В этих же номерах газет давалась информация о ложности слухов о расстреле Николая II, что невольно навредило читателя на мысль о возможности побега и бывшего царя.

До появления газетных сообщений события развивались следующим образом. 13 июня 1918 года Пермской ЧК была послана тревожная телеграмма одновременно в несколько адресов:

«Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна. Зиновьеву. Копия: Екатеринбург. Облсовдеп. Чрезком.

Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры. Пермский округ. Чрезком».

Трудно сказать, насколько эти события оказались неожиданными для советских органов, но председатель Уральского облсовета Белобородов срочно направил телеграфный запрос в Пермскую ЧК: «Немедленно телеграфно сообщите: когда был привезен [в] Пермь Михаил, кому сдан, каковы были указания [о] режиме, от кого они исходили, какие меры принимал губсовдеп [по] усилению режима, кем было отменено содержание его [в] тюрьме? Что дало следствие, кто арестован, их фамилии, [а] также показания?»

Так называемый «побег» Михаила Романова был использован властями для ужесточения режима содержания царской семьи в Екатеринбурге и великих князей в Алапаевске и Вологде. Одновременно Пермская ЧК начала фиктивное следствие по делу исчезновения великого князя Михаила Александровича и его секретаря Джонсона. Были арестованы все, находившиеся в близких отношениях с ними. Но следствие не завершилось, а арестованные в большинстве своем были расстреляны.

Описания обстоятельств ареста Михаила Романова и его секретаря в основном совпадают по показаниям очевидцев; они соответствуют цитируемой выше газетной

официальной публикации. Позднее белогвардейский следователь Н. А. Соколов частично опубликовал их в книге «Убийство царской семьи» (Берлин, 1925). При допросе у него А. А. Волков, камердинер государыни, показал, что он сидел в одной тюрьме с В. Ф. Чельшевым, камердинером великого князя, и тот рассказывал ему, как он попал в тюрьму:

«Ночью, часов в 12, пришли в Королевские номера какие-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них у всех были револьверы. Они разбудили Чельшева и спросили, где находится Михаил Александрович. Чельшев указал им номер и сам пошел туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеваться. Он стал одеваться, но сказал: «Я не пойду никуда. Вы позовите вот такого-то. (Он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал.) Я его знаю, а вас не знаю». Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: «А, вы, Романовы! Надоели вы нам все!» После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их. (...) Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезен), Чельшев сам отправился в Совдеп, как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича. (...) На другой же день после этого Чельшев был арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян».

А вот что можно прочесть в одной из автобиографий старого большевика П. И. Малкова, датированной 13 октября 1954 года:

«В марте 1918 года Пермским губкомом и губисполкомом я был назначен для организации губернской Чрезвычайной Комиссии. Работая в должности председателя коллегии, я по поручению Пермского городского комитета партии большевиков вместе с товарищами Марковым А. В. и Трофимовым А. В. был организатором похищения из номеров гостиницы Михаила Романова (брата Николая II) и его расстрела».

Однако наиболее полно операцию по уничтожению претендента на Российский престол раскрывают воспоминания А. В. Маркова, непосредственного исполнителя ареста Михаила Романова и его расстрела:

«Надвигалось бурное время, приближался фронт белых банд Колчака, бушевала буржуазия, шла национа-

лизация имущества, бушевали попы, а мы, большевики, тогда были не так сильны. (...) И вот все это, взятое вместе, и то, чтобы не удрал бы как из Перми куда-либо, или не украли бы, или не скрыли где Михаила Романова, мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова изъять из обращения путем похищения его (...). Первая мысль об этом зародилась у тов. Мясникова Г. И. Об этом он сказал в управлении милиции тов. Иванченко, который был комиссаром по охране гор. Перми (...). Но трюм нам, конечно, это сделать было невозможно, и мы тут же решили пригласить, по рекомендации тов. Иванченко, тов. Жужгова Николая, а по моей — тов. Қолпащикова Ивана (...).

В Перми лошадей поставили во дворе губчека, посвятили в это дело председателя губчека тов. Малкова и помощника Иванченко тов. Дрокина В. А. Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так: явиться около 11 часов вечера в номера, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный тов. Малковым, о срочном его выезде. Если он будет брыкаться и откажется следовать, то взять силой. Документ этот я сел за пишущую машинку и напечатал, поставили не особенно ясно печать, а тов. Малков неразборчиво подписал (...).

Нигде, однако, не упоминается один из участников ареста левый эсер А. И. Плешков — начальник милиции Мотовилихи. Между тем, в следственных материалах Н. А. Соколова имеются показания А. С. Ребухина: «Я стал спрашивать Плешкова: «Как было дело? Расскажи», — говорю. Он мне начал рассказывать, что ночью они приехали в номера, где помещался великий князь, забрали его и увезли на Сибирский тракт, а там свернули в сторону и велели ему выйти. Далее он рассказывал мне, что Жужгов хотел выстрелить в него, но у него сделалась осечка, то есть револьвер не выстрелил, и в это время великий князь взял его за шиворот и повалил под себя, — «и когда, говорит, я выстрелил в князя, тогда только Жужгов освободился» (...).

Воспоминания А. В. Маркова дают такую интерпретацию событий: «Проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 верст от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши еще с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100—120, Жужгов кричит: «Приехали —

вылезай!» Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок (Джонсон.— *Прим. авт.*) то же самое сделал. И только он стал выходить из фаэтона — я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпащиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у тов. Жужгова застрял барабан нагана (...). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, от чего он свалился тотчас же (...).

Мотивы замалчивания участия в событиях эсера Плешкова вполне понятны, так как воспоминания Маркова написаны в 1924 году и бывшие соратники по революционной борьбе уже были преданы забвению. Явно принижалась и роль Г. И. Мясникова, который проведение этой акции в свое время ставил себе в актив. В ответе на письмо В. И. Ленина в 1921 году (по поводу рабочей оппозиции), указывая на преследование инакомыслия, Мясников отмечал: «Был бы я просто слесарь, коммунист того же завода, то где же я был бы? В чека или, более того, меня бы «бежали», как я некогда «бежал» Михаила Романова...»

Устранение претендента на Российский престол, а по сути дела, уголовное убийство, дало обратный эффект. Появились многочисленные газетные сообщения, подобные следующему: «Распространились слухи, что великий князь Михаил Романов находится в Омске и принял главенство сибирскими повстанцами. Им якобы издан манифест к народу с призывом к свержению Советской власти и обещанием созвать Земские соборы для решения вопроса, какая власть необходима России».

Очевидно, чтобы сбить эту волну, готовилось к печати фальсифицированное объявление о задержании Михаила Романова. Но в самый последний момент по какой-то причине оно было снято с газетных полос, где вместо него остались зиять черные (заштампованные) или белые (снятый набор гранок) квадраты. Под заштамповкой в пермских газетах от 18 сентября 1918 года в лабораторных условиях читается следующий текст:

«Задержание Михаила Романова.

После побега бывшего великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской губернской Чрезвычай-

ной Комиссии были разосланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила Романова. 12 сентября в [10] верстах от Чусовского завода, по Па[шийскому] тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на двух проходящих по направлению к Пашийскому заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них, высокого роста, с русой бородой «буланже», особенно обратил на себя внимание. Агент потребовал от этих лиц предъявления документов. Последние оказались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности.

После ряда сбивчивых показаний при допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были загримированы), им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим (...). После снятия грима нами были опознаны в них бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, каковые тотчас были заключены под сильную охрану.

По делу побега ведется в спешном порядке следствие, результаты допроса будут опубликованы».

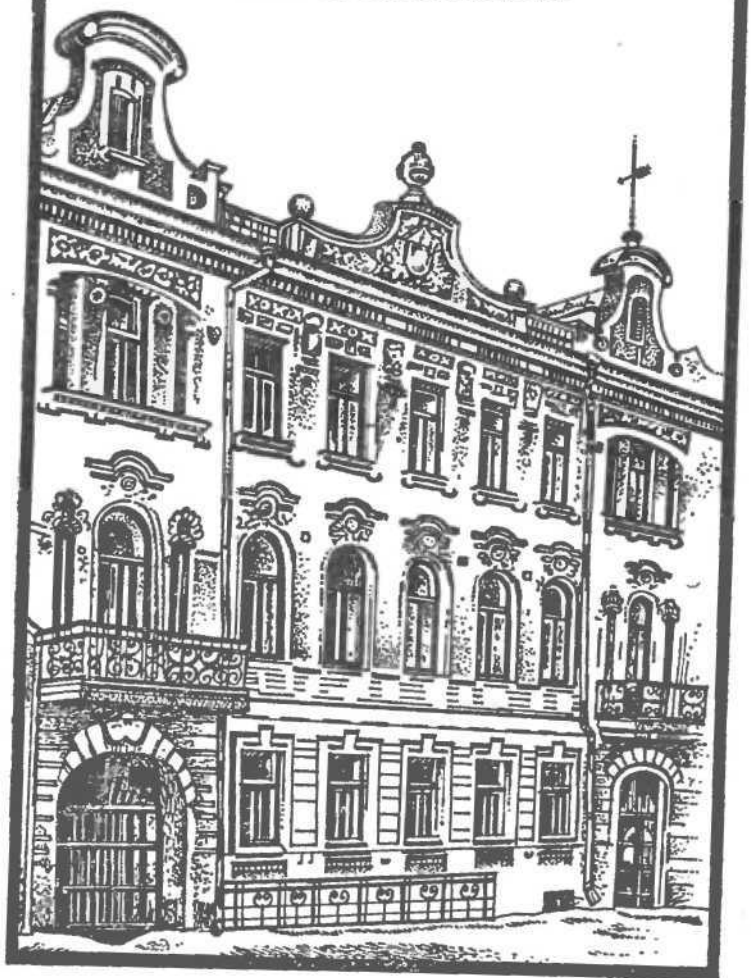
Несмотря на то, что фальшивку не решились запустить в ход, все же утечка дезинформации произошла. Так, сохранилась телеграмма РОСТА, переданная 20 сентября 1918 года по прямому проводу из Москвы в Киев (бывший в то время центром монархического движения). Текст телеграммы лаконичен: «Пермь, 18 сентября. В 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского губчрезкома задержаны Михаил Романов и его секретарь. Они препровождены в Пермь».

Перед нами звенья одной цепи — сложной, далеко идущей операции по уничтожению династии Романовых, включая широкую дезинформацию общественности. Несомненно одно: расправа над Михаилом Романовым была лишь генеральной репетицией драмы, главные акты которой были разыграны вскоре в Екатеринбургe, Алапаевске, Ташкенте и Петрограде.

Супруга Михаила Романова графиня Н. С. Брасова на тридцать четыре года переживет мужа. Ей предстоит похоронить сына Георгия Михайловича, погибшего в автотрагедии в 1930 году. Она испытывает немало горя и лишений. Лишь картины художника С. А. Жуковского,

написанные в 1916 году по заказу графини,— «Комната в имени Брасово» и «Малая гостиная», ныне хранящиеся в Третьяковской галерее,— напоминают нам о былом величии княжеской семьи.

ДОКУМЕНТЫ
МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ
ДНЕВНИКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

ИСПЫТАНИЕ ТРОНОМ

1. Переговоры по прямому проводу великого князя Михаила Александровича¹ с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым² о необходимости создания «правительства доверия»

27 февраля 1917 г.

Около 22¼ час.

— У аппарата великий князь Михаил Александрович. Прошу Вас доложить от моего имени Государю Императору нижеследующее: для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения, по моему глубокому убеждению, необходимо увольнение всего состава Совета Министров, что подтвердил мне и князь Голицын³. В случае увольнения кабинета необходимо одновременно назначить заместителя. При теперешних условиях полагаю единственно остановить выбор на лице, облеченном доверием Вашего Императорского Величества и пользующемся уважением в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности Председателя Совета Министров, ответственного единственно перед Вашим Императорским Величеством. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению. (...) С своей стороны, полагаю, что таким лицом в настоящий момент мог бы быть князь Львов⁴. Генерал-адъютант Михаил.

— Сейчас доложу Его Императорскому Величеству телеграмму Вашего Императорского Высочества. Завтра Государь Император выезжает в Царское Село. Генерал Алексеев. (...)

— Я буду ожидать Ваш ответ в доме военного министра и прошу Вас передать его по прямому проводу. Вместе с тем прошу доложить Его Императорскому Величеству, что, по моему убеждению, приезд Государя Императора в Царское Село, может быть, желательнее отложить на несколько дней. Генерал-адъютант Михаил.

— У аппарата Его Императорское Высочество великий князь Михаил Александрович? Государь Император повелел мне от его имени благодарить Ваше Императорское Высочество и доложить Вам следующее. Первое. Ввиду чрезвычайных обстоятельств Государь Император не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает завтра в два с половиною часа дня. Второе. Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, Его Императорское Величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село. Третье. Завтра отправляется в Петроград генерал-адъютант Иванов⁵ в качестве главнокомандующего Петроградского округа, имея с собой надежный батальон. Четвертое. С завтрашнего числа с Северного и Западного фронтов начнут отправляться в Петроград, из наиболее надежных частей, четыре пехотных и четыре кавалерийских полка. Позвольте закончить личную просьбою о том, чтобы высказанные Вашим Императорским Высочеством мысли в предшествовавшем сообщении Вы изволили настойчиво поддержать при личных докладах Его Императорскому Величеству как относительно замены современных деятелей Совета Министров, так и относительно способа выбора нового Совета, и да поможет Вашему Императорскому Высочеству Господь Бог в этом важном деле. Генерал Алексеев. (...)

— Благодарю Вас, Михаил Васильевич, за принятый на себя труд. Желаю Вам полного успеха. Генерал-адъютант Михаил.

— Завтра при утреннем докладе еще раз доложу Его Императорскому Величеству желательность теперь же принять некоторые меры, так как вполне сознаю, что в таких положениях упущенное время бывает невознаградиво. Желаю здоровья Вашему Императорскому Высочеству и успеха в той помощи, которую Вы желаете оказать Государю Императору в переживаемые нами решительные минуты, от которых зависит судьба и дальнейшего хода войны, и жизни государства. Генерал Алексеев.

2. Из «Манифеста великих князей»

1 марта 1917 г.

Великие князья решили представить к подписанию Его Императорского Величества Государя Императора сей акт, ими вполне одобренный.

Божией милостью

Мы, Николай Второй⁶,

Император и Самодержец Всероссийский, дарь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным нашим подданным:

В твердом намерении переустроить государственное управление империи на началах широкого народного представительства, Мы предполагали приурочить введение нового государственного строя ко дню окончания войны. (...)

Велика наша скорбь, что в дни, когда на поле брани решаются судьбы России, внутренняя смута постигла столицу и отвлекла от работ на оборону, столь необходимых для победоносного окончания войны. (...)

Осняя себя крестным знамением, Мы предоставляем Государству Российскому конституционный строй и повелеваем продолжать прерванные указом нашим занятия Государственного Совета и Государственной Думы* и поручаем председателю Государственной Думы немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской Империи.

Да послужит новый государственный строй к высшему преуспеванию, славе и счастью дорогой нам России. (...)

Подписали:

Великий князь Михаил Александрович.

Великий князь Кирилл Владимирович⁶.

Великий князь Павел Александрович⁹.

ГА РФ, ф. 5631, оп. 1, д. 367, л. 10—11. Копия.

* Имеется в виду перерыв заседаний IV Гос. Думы с 26 февраля по апрель 1917 г. Указом Николая II Гос. Дума IV созыва начала свою работу 15 ноября 1912 г., и ее полномочия заканчивались в 1917 г.; на заседаниях Думы рассматривались законопроекты, кото-

3. Письмо великого князя Михаила Александровича к супруге графине Н. С. Брасовой¹⁰ о положении дел в Петрограде

1 марта 1917 г.

Моя дорогая Наташа,

сердечно благодарю тебя за письмо. События развиваются с ужасающей быстротой. Мне необходимо быть здесь эти дни, и будь совершенно спокойна за меня. Недавно приходила депутация, в состав которой входили военные. Представил мне эту депутацию директор-распорядитель общественных металлических заводов. Я подписал манифест, который должен быть подписан государем. На нем уже подписи Павла А[лександровича] и Кирилла, и теперь моя, как старших вел[иких] князей. Этим манифестом начнется новое существование России. Возможно, что поеду в Г[осударственную] Думу сегодня же, а может быть завтра. Сегодня пришли Алеша и Воронцовы. Ужасно грущу, что мы не вместе, люблю тебя всем сердцем.

Да хранит тебя Бог, моя нежная Наташа.

Весь твой Миша.

ГА РФ. ф. 622, оп. 1, д. 22, л. 87—87 об. Автограф.

4. Письмо великого князя Павла Александровича к великому князю Кириллу Владимировичу об отношении к регентству*

2 марта 1917 г.

Дорогой Кирилл, ты знаешь, что я через Ник[олая] Никиф[оровича] Иванова¹² все время в контакте с Государственной Думой. Вчера вечером мне ужасно не по-

рые затем передавались в Гос. Совет и после одобрения утверждались царем. Председателем Думы являлся октябрист М. В. Родзянко⁷. Всего в Думу было избрано 442 депутата. 6 октября 1917 г. Временное правительство надало акт о роспуске Гос. Думы.

* Черновик письма написан рукою жены великого князя Павла Александровича княгиней О. В. Палей¹¹.

правилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом. Это недопустимо, и возможно, что это только происки Брасовой. М[ожет] б[ыть], это только сплетни, но мы должны быть начеку и всячески сохранить Ники престол. Если Ники подпишет манифест нами утвержденный о конституции, то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного правительства *. Переговори с Родзянко и покажи ему мое письмо. Очень надеюсь на твою помощь и крепко тебя и Дяску ** обнимаю.

Твой дядя П[авел].

ГА РФ, ф. 644, оп. 1, д. 174, л. 1—1 об. Рукопись. Черновик.

5. Письмо великого князя Михаила Александровича к великой княгине Ксении Александровне¹⁴ о местонахождении Николая II

2 марта 1917 г.

Дорогая Ксения,
спасибо большое за письмо. Много думал и думаю о тебе. Одной оставаться, конечно, очень тяжело, трудно и жутко (...).

За всех страдаю душой. Надеюсь, что Бог поможет с честью выйти из посланного испытания. Никаких сведений не имею от Ники, но знаю по словам других, что он в Пскове. Бедная Мамá ***,— я послал ей сегодня телеграмму, в которой сказал, что мы оба здоровы.

Да хранит тебя Бог. Целую крепко.

Твой Миша.

ГА РФ, ф. 662, оп. 1, д. 196, л. 59—60. Автограф.

* Речь идет о первом Временном правительстве — Временном комитете Гос. Думы, избранном 27 февраля 1917 г. членами IV Гос. Думы. До 2 марта комитет выполнял функции правительства, пытался контролировать обстановку в воинских частях Петроградского гарнизона, назначил комиссаров в гос. учреждения. Им было достигнуто соглашение с исполкомом Петросовета о создании Временного правительства. Издавал «Известия Временного комитета». Упразднен 6 октября 1917 г.

** Имеется в виду великая княгиня Виктория Федоровна¹⁵.

*** Имеется в виду вдовствующая императрица Марья Федоровна¹⁵.

6. Манифест отречения Николая II

Ставка.
Начальнику Штаба.
Псков.
2 марта 1917 г.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было испослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном * нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновению царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 2101 (6), л. 1. Подлинник.

* Имеется в виду цесаревич Алексей Николаевич¹⁶.

7. Из дневника императора Николая II

2-го марта [1917 г.]. Четверг. Утром пришел Рузский¹⁷ и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц.-дем. партия в лице рабочего комитета *. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2½ [ч.] пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков¹⁸ и Шульгин¹⁹, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!

Дневники императора Николая II.— М., 1991.— С. 625.

8. Телеграмма Николая II великому князю Михаилу Александровичу о передаче ему Российского престола

3 марта 1917 г.

Петроград.

Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине.

Ники.

Дневник А. И. Очерки Русской смуты.— Париж, 1922.— С. 255.

* Петроградский Совет рабочих депутатов (Петросовет) был образован 27 февраля 1917 г. В составе исполкома Петросовета большинство принадлежало меньшевикам и эсерам. 1 марта в исполком были избраны представители от солдат и матросов; образовался единый Совет рабочих и солдатских депутатов.

9. Телеграмма генерала А. Е. Эверта²⁰ Председателю Государственной Думы М. В. Родзянко с приветствием Временного правительства и императора Михаила

3 марта 1917 г.

Объявив войскам армий вверенного мне Западного фронта манифест Государя Императора Николая II и вознеся вместе с ними молитвы Всевышнему о здравии Государя Императора Михаила Александровича, о благоденствии Родины и даровании победы, приветствую вместе с вверенными мне войсками в Вашем лице Государственную Думу, новое правительство и новый государственный строй, в твердом уповании, что с Божиею помощью, в общем единении всего народа Родина найдет новые силы на пути к победе, славе и процветанию.

Генерал-лейтенант Эверт.

Красный архив.—1927.—№ 3 (22).—С. 31.

10. Телеграмма А. И. Гучкова и В. В. Шульгина из Пскова на имя начальника главного штаба в Петроград об отречении Николая II в пользу великого князя Михаила Александровича

3 марта 1917 г.

Просим передать Председателю Государственной Думы Родзянко: Государь дал согласие на отречение от престола в пользу вел[икого] кн[язя] Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу конституции.

Поручение образовать новое правительство дается кн[язю] Львову. Одновременно Верховным главнокомандующим назначается вел[икий] кн[язь] Николай Николаевич²¹. Манифест следует немедленно в Пскове. Как положение в Петрограде?

Гучков. Шульгин.

Шляпников А. Г. Семнадцатый год. Кн. 2.—М.—Л., 1925.—С. 207.

11. Манифест Михаила Романова об отказе от восприятия верховной власти до созыва Учредительного собрания *

3 марта 1917 г.
Петроград

Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне Императорский Всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и обеспеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего прямого равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Михаил.

ГА РФ, ф. 601, оп. 1, л. 2101 (б), л. 2. Подлинник.

* Учредительное собрание — представительское учреждение, созданное на основе всеобщего избирательного права, предназначенное для установления формы правления и выработки конституции в России. Временное правительство, главной задачей которого формально считался созыв Учредительного собрания, приняло постановление о назначении выборов на 30 сентября, а затем перенесло их на 25 ноября. Выборы состоялись после Октябрьского переворота в установленный срок; большинство голосов в составе Учредительного собрания получили представители партии эсеров. На его первом заседании, открывшемся 18 января 1918 г. в Петрограде, было отвергнуто предложение ВЦИК о принятии «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и признании Советской власти. В ночь с 19 на 20 января ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания.

12. Из дневника императора Николая II

3-го марта [1917 г.]. Пятница. Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 [ч.] прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9½ [ч.] перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше.

Дневники императора Николая II. — М., 1991. — С. 625.

13. Из дневника великого князя Андрея Владимировича²²

4 марта 1917 г. Кисловодск. Сегодня, как громом, нас обдало известие об отречении государя за себя и Алексея от престола в пользу Михаила Александровича. Второе отречение — в[еликого] кн[язя] Михаила Алекс[андровича] — от престола еще того ужаснее. Писать эти строки, при переживании таких тяжелых моментов, слишком тяжело и трудно. В один день все прошлое величие России рухнуло. И рухнуло бесповоротно, но куда мы пойдём! Призыв Мих[аила] Ал[ександровича] к всеобщим выборам ужаснее всего. Что может быть создано да еще в такое время!

О, Боже, за что так наказал нашу Родину! Враг на нашей территории, а у нас что творится. Нет, нельзя выразить все, что переживаешь, слишком все это давит, до боли давит.

ГА РФ, ф. 650, оп. 1, д. 35, л. 94. Автограф.

14. Телеграмма Председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова генералу М. В. Алексееву в Ставку об отказе великого князя Михаила Романова принять верховную власть до решения Учредительного собрания

4 марта 1917 г.

Второго сего марта последовало отречение от престола Государя Императора Николая II за себя и за своего сына в пользу великого князя Михаила Александровича. Третьего марта Михаил Александрович отказался воспринять верховную власть впредь до определения Учредительным собранием формы правления и призвал население подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до созыва Учредительного собрания, которое своим решением об образе правления выразит волю народа.

Председатель Совета Министров князь Львов.

Красный архив.— 1927.— № 3 (22).— С. 49—50.

15. Телеграмма генерала М. В. Алексеева главнокомандующим фронтами об объявлении в войсках манифестов Николая II и Михаила Романова об отречении от престола

4 марта 1917 г.

В ответ на мое донесение Верховному главнокомандующему о моем указании главнокомандующим фронтами о необходимости незамедлительно объявить по армиям манифест Государя Императора об отречении от престола и второй манифест великого князя Михаила Александровича, мною сейчас получена следующая телеграмма от великого князя Николая Николаевича: «Ввиду обстоятельств подтверждаю принятое Вами решение. Вместе с тем повелеваю всем войсковым начальникам от старших внушить и разъяснить чинам армии и флота, что

после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъявления воли русского народа и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, обещать Родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспрецедентной борьбе. 4 марта 1917 г. Генерал-адъютант Николай». Объявляя настоящую телеграмму Верховного главнокомандующего, предлагаю его именем немедленно опубликовать и разослать в армии как манифесты об отречении от престола Государя Императора и великого князя Михаила Александровича, так и настоящую телеграмму Верховного главнокомандующего, которую прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах.

Алексеев.

Красный архив.— 1927.— № 3 (22).— С. 48.

16. Из дневника посла Франции в России Мориса Палеолога ²³ «Царская Россия накануне революции»

Суббота, 17 марта [1917 г.] *. Погода сегодня утром мрачная. Под большими темными и тяжелыми облаками падает снег такими частыми хлопьями и так медленно, что я не различаю больше парашюта, окаймляющего в двадцати шагах от моих окон обледенелое русло Невы: можно подумать, что сейчас худшие дни зимы. Унылость пейзажа и враждебность природы хорошо гармонируют с зловещей картиной событий.

Вот, по словам одного из присутствовавших, подробности совещания, в результате которого великий князь Михаил Александрович подписал вчера свое временное отречение.

Собрались в десять часов утра в доме князя Павла Путятина, № 12, по Миллионной.

Кроме великого князя и его секретаря Матвеева, присутствовали: князь Львов, Родзянко, Милюков ²⁴, Некрасов ²⁵, Керенский ²⁶, Набоков ²⁷, Шингарев ²⁸ и барон Нольде ²⁹; к ним присоединились около половины десятого Гучков и Шульгин, прямо прибывшие из Пскова.

* Дата указана по новому стилю.

Лишь только открылось совещание, Гучков и Милюков смело заявили, что Михаил Александрович не имеет права уклоняться от ответственности верховной власти.

Родзянко, Некрасов и Керенский заявили, напротив, что объявление нового царя разнуздает революционные страсти и повергнет Россию в страшный кризис; они приходили к выводу, что вопрос о монархии должен быть оставлен открытым до созыва Учредительного собрания, которое самостоятельно решит его. Тезис этот защищался с такой силой и упорством, в особенности Керенским, что все присутствовавшие, кроме Гучкова и Милюкова, приняли его. С полным самоотвержением великий князь сам согласился с ним.

Гучков сделал тогда последнее усилие. Обращаясь лично к великому князю, взывая к его патриотизму и мужеству, он стал ему доказывать необходимость немедленно явить русскому народу живой образ народного вождя:

— Если вы боитесь, Ваше Высочество, немедленно возложить на себя бремя императорской короны, примите, по крайней мере, верховную власть в качестве «Регента империи на время, пока не занят трон» или (...) в качестве «Прожектора народа», как назывался Кромвель. В то же время вы могли бы дать народу торжественное обязательство сдать власть Учредительному собранию, как только кончится война.

Эта прекрасная мысль, которая могла еще все спасти, вызвала у Керенского припадок бешенства, град ругательств и угроз, которые привели в ужас всех присутствовавших.

Среди этого всеобщего смятения великий князь встал и объявил, что ему нужно несколько мгновений подумать одному, и направился в соседнюю комнату. Но Керенский одним прыжком бросился к нему, как бы для того, чтобы перерезать ему дорогу:

— Обещайте мне, Ваше Высочество, не советоваться с вашей супругой.

Он тотчас подумал о честолюбивой графине Брасовой, имеющей безграничное влияние на мужа. Великий князь ответил, улыбаясь:

— Успокойтесь, Александр Федорович, моей супруги сейчас нет здесь; она осталась в Гатчине.

Через пять минут великий князь вернулся в салон. Очень спокойным голосом он объявил:

— Я решил отречься.

Керенский, торжествуя, закричал:

— Ваше Высочество, вы — благороднейший из людей!

Среди остальных присутствовавших, напротив, наступило мрачное молчание; даже те, которые наиболее энергично настаивали на отречении, как князь Львов и Родзянко, казались удрученными только что совершившимся, непоправимым. Гучков облегчил свою совесть последним протестом:

— Господа, вы ведете Россию к гибели, я не последую за вами на этом гибельном пути.

После этого Некрасов, Набоков и барон Нольде отредактировали акт временного и условного отречения, Михаил Александрович несколько раз вмешивался в их работу и каждый раз для того, чтобы лучше подчеркнуть, что его отказ от императорской короны находится в зависимости от позднейшего решения русского народа, предоставленного Учредительным собранием.

Наконец, он взял перо и подписал.

В продолжение всех этих долгих и тяжелых споров великий князь ни на мгновение не терял своего спокойствия и своего достоинства. До тех пор его соотечественники невысоко его ценили; его считали человеком слабого характера и ограниченного ума. В этот исторический момент он был трогателен по патриотизму, благородству и самоотвержению. Когда последние формальности были выполнены, делегаты исполнительного комитета не могли удержаться, чтобы не засвидетельствовать ему, какое он оставлял в них симпатичное и почтительное воспоминание. Керенский пожелал выразить общее чувство лапидарной фразой, сорвавшейся с его губ в театральном порыве:

— Ваше Высочество! Вы великодушно доверили нам священный сосуд вашей власти. Я клянусь вам, что мы передадим его Учредительному собранию, не пролив из него ни одной капли.

17. Из воспоминаний Н. Н. Иванова «Около «царя» Михаила»

После подписания «Манифеста великих князей» за государя, состоявшегося 1 марта 1917 года, великий князь Михаил Александрович просил меня вечером заехать к нему.

Попал я на Миллионную улицу, 12, уже к ночи. У великого князя сидели секретарь Джонсон, его управляющий — присяжный поверенный Матвеев и какой-то штатский старичок, по фамилии, кажется, Чехович.

Великий князь просил меня рассказать о судьбе подписанного манифеста, о виденном мною за день и о настроениях, как в Таврическом дворце, так и в Петрограде.

Мне пришлось ответить, что «Манифест великих князей» принадлежит уже истории. Настроения Таврического дворца диктуются не теми, кто считается руководителями движения, а в значительной степени улицей и какими-то закулисными силами. Роль Временного комитета Государственной Думы не возрастает, а падает. Родзянко, Керенский и иже с ними вынуждены вертеться как волчки на бурных волнах и легализовать все, что приносит народная толпа. Во что выльется хотя бы ближайший день, никто не взялся бы предсказать. (...)

— Как вы думаете, что идет? — спросил меня [великий] князь. (...) — Вы ждете крови?

— Странное не в крови сегодняшнего дня. О, если бы все ограничилось сегодняшней кровью, тогда не жаль было бы никакой жертвы.

— А вы что думаете? — обратился великий князь к штатскому старичку, которого я называю Чеховичем.

С живостью и бойкостью начал говорить Чехович. Он показался мне по всем речам этого дня симпатичным либералом земского склада характера. Происходит то, чему давно время, и то, чему следовало случиться после войны, случилось сегодня. Сожалеть ли об этом? Не сожалеть, если немедленно будут приняты нужные действия сверху, чтобы не разразилась катастрофа безвластия или анархии. Конечно, катастрофа не придет немедленно, есть еще время, и нужно его использовать.

Михаил Александрович прервал его.

— Я не понимаю брата. Не знаю, что он думает. Боюсь, что ему не все известно. Такая ясная обстановка. Надо идти навстречу народу. Думаете ли вы, что будет

полезно, если я напишу Государю телеграмму? — снова спросил меня великий князь.

— Телеграмма ваша может, полагаю, быть очень важной, если вам удастся вложить в нее нужное и убедительное содержание, — ответил я. (...) — Литературный, дипломатический язык в таком обращении не нужен. Государь должен сразу видеть, что это телеграмма вашего сердца. Ни на одну секунду не должно быть у него и тени подозрения, что вы писали под каким-либо давлением, ведь для него вы пишете из очага революции. (...)

Минут двадцать прошло, когда он вернулся с небольшим листком бумаги и передал его мне.

Ровным четким почерком было набросано рукою великого князя несколько строк. Не помню теперь точного содержания телеграммы, но отлично помню, как меня остановила на себе и привлекла сердечность обращения. Михаил Александрович просил брата и царя со всей доброжелательностью и искренностью пойти навстречу народу, и просьба была облечена в нежность брата, и привязанностью верноподданного. (...)

Я весь вечер всматривался в лицо и глаза великого князя, изучал их, запоминал. Он говорил от всей души, но до этого момента все его взгляды и движения губ обволакивались привычками царского воспитания. Сейчас придворная маска была сброшена, и я увидел выражение, которое мог определить резко словом «умилнение». (...)

Я взял телеграмму и уехал.

В Таврическом переписал копию и сдал ее М. В. Родзянко, показав подлинник и прося распорядиться немедленной передачей Государю. Подлинник оставил у себя, видя, что все равно его в этой суматохе затеряют.

Дальше я не помню последовательности моих посещений, бесед с великим князем и встреч у него. Согласно его просьбе в следующие за 1 марта дни я приходил по два раза в день. Помню, как встретил там князя Львова, Керенского, Гучкова, Шульгина, кажется, Милюкова также. Помню, как мы завтракали и обедали вместе с приехавшей из Гатчины супругой великого князя — графиней Брасовой. Помню замешательство Михаила Александровича, узнавшего об отречении брата от престола. Помню смущение, охватившее его, когда ему заявили, что престол перешел к нему. (...)

Нежелание брать верховную власть, могу свидетельствовать, было основным его, так сказать, желанием. Он

говорил, что никогда не хотел престола, и не готовился, и не готов к нему. Он примет власть царя, если все ему скажут, что отказом он берет на себя тяжелую ответственность, что иначе страна пойдет к гибели.

И, помимо всего, он не согласится сесть на штыки. Сейчас он видит в России только штыки.

— Вы можете указать хоть одну сильную группу работников или умов государственного направления, на которую можно опереться? Я не вижу. Одни штыки кругом. Штыки и клинки.

Он переживал сильные колебания и волнение. Ходил из одной комнаты в другую. Убегал куда-то в глубь квартиры. Неожиданно возвращался. И опять говорил и ходил. Или просил говорить. Он осунулся за эти часы. Мысли его метались. Он спрашивал и забывал, что спросил.

— Боже мой, какая тяжесть — трон! Бедный брат! У них пойдет, пожалуй, лучше без меня... Как всем нравится князь Львов? Умница, не правда ли? А Керенский — у него характер. Что это он, всегда такой, или это революция его?.. Он, пожалуй, скрутит массу.

На несколько часов он замолчал. Можно было много раз подряд спрашивать — вопросы не доходили до него. И тогда к нему начало возвращаться внутреннее спокойствие. Он стал выглядеть как-то деловитее.

— Что вы решили? — спросил я его коротко до отречения.

— Ах! — Провел рукою по лбу с не свойственной ему открытостью. — Один я не решу. Я решу вместе с этими господами.

Он имел в виду представителей новой власти.

Очевидно, это и было успокоившее его решение.

Я видел великого князя после отречения.

— Ну, пожмете ли вы мне руку? Я поступил правильно. Я счастлив, что я частное лицо. У них все устроится понемногу. И я думаю, что не будет так много крови и ужасов, как вы пророчили. Я и отказался, чтобы не было никаких поводов давать проливать кровь. Я понимаю ваши опасения. В такие дни так легко потерять перспективу.

Я мог только сказать, что он поступил согласно своему характеру.

ОТРЕЧЕНИЕ ЦАРЯ

Первые сообщения о происшедшей 27 февраля революции царь воспринял спокойно. Неизбежные беспорядки в связи с разрывом с Думой предусматривались в его плане восстановления абсолютизма, а командующий специальными вооруженными силами, дислоцированными в Петрограде, генерал Хабалов⁸⁰ заверил царя, что «войска выполнят свой долг». (...)

Утром 27 февраля к царю с отчаянной просьбой обратился его брат, великий князь Михаил Александрович, умоляя царя прекратить беспорядки, назначив такого премьер-министра, который будет пользоваться доверием Думы и общественности. Однако царь в весьма резкой форме посоветовал великому князю не вмешиваться не в свои дела и приказал генералу Хабалову использовать все имеющиеся в его распоряжении средства для подавления бунта. В тот же день царь отдал приказ генералу Иванову отправиться в Царское Село. На следующий день царь и сам выехал в Царское Село.

На узловой станции Дно, через которую шел путь в Царское Село, комиссар по железнодорожному транспорту Бубликов распорядился остановить императорский поезд, а также второй состав с его свитой. Узнав, что путь через станцию Дно закрыт, царь после лихорадочных консультаций с приближенными приказал отправить составы в Псков, где находился штаб командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. Путь в этом направлении был еще свободен. 1 марта в 7.30 вечера царь прибыл в Псков, где его встретил генерал Рузский с офицерами своего штаба.

Согласно показаниям его советников, во время этой нелегкой поездки царь не проявлял никаких признаков нервозности или раздражения. В этом и не было ничего удивительного, ибо царь проявлял всегда какую-то странную способность равнодушно воспринимать внешние события. Однако я убежден, что за этим напускным естественным спокойствием Николая II скрывалось глубокое душевное напряжение: он, должно быть, к тому времени осознал, что все его планы провалились и он полностью утратил власть. (...)

В 11.30 вечера генерал Рузский передал царю только что полученную телеграмму от генерала Алексеева, в которой генерал сообщал «о растущей опасности распространения анархии по всей стране, дальнейшей деморализации армии и невозможности продолжать войну в сложившейся ситуации». В телеграмме также говорилось о необходимости опубликовать официальное заявление, желательно в форме манифеста, которое внесло бы хоть какое-то успокоение в умы людей, и провозгласить создание «внушающего доверие» кабинета министров, поручив его формирование председателю Думы. Алексеев умолял царя незамедлительно опубликовать свой манифест и предлагал свой проект документа. Прочитав телеграмму и выслушав соображения Рузского, царь согласился обнародовать манифест на следующий день.

Немедленно по принятии этого решения царь направил генералу Иванову телеграмму (2 марта, 00.20), в которой потребовал не принимать никаких акций до его прибытия и доклада ему Иванова.

Затем царь распорядился о возвращении на фронт всех тех частей, которые были направлены в Петроград для подавления мятежа силой оружия. В два часа ночи, как рассказывал нам генерал Рузский, царь подписал манифест о создании правительства, ответственного перед законодательной властью. Этот манифест никогда не был опубликован.

Стихийное революционное движение из Петрограда перекинулось на фронт, и в 10 часов утра 2 марта генерал Алексеев, установив связь с командующими всех фронтов, а также Балтийского и Черноморского флотов, предложил им, ввиду катастрофического положения, умолять царя ради сохранения монархии отречься от престола в пользу наследника Алексея и назначить регентом великого князя Михаила Александровича. Командующие во главе с великим князем Николаем Николаевичем с удивительной готовностью согласились с этим предложением.

В 2.30 Алексеев передал это решение царю, который почти тотчас же сообщил о своем отречении. Но царь отрекся от престола не только от своего имени, но и от имени своего сына, назначив своим преемником брата Михаила Александровича. Одновременно он назначил князя Львова Председателем Совета Министров, а великого князя Николая Николаевича — главнокомандующим во-

оруженными силами России. Однако, за исключением ближайших соратников царя, никто в России ничего не знал об этом решении Николая II.

Первое сообщение о неожиданном шаге царя было получено вечером 3 марта от Гучкова и Шульгина во время заседания нового правительства и членов Временного комитета. После объявления этой новости наступила мгновенная тишина, а затем Родзянко заявил, что вступление на престол великого князя Михаила невозможно. Никто из членов Временного комитета не возразил. Мнение собравшихся, казалось, было единодушным.

Вначале Родзянко, а затем и многие другие изложили свои соображения касательно того, почему великий князь не может быть царем. Они утверждали, в частности, что он никогда не проявлял интереса к государственным делам, что он состоит вmorganaticком браке с женщиной, известной своими политическими интригами, что в критический момент истории, когда он мог бы спасти положение*, он проявил полное отсутствие воли и самостоятельности и так далее.

Слушая эти малосущественные аргументы, я понял, что не в аргументах как таковых дело. А в том, что выступавшие интуитивно почувствовали, что на этой стадии революции неприемлем любой новый царь.

Неожиданно попросил слово молчавший до того Миллюков. С присущим ему упорством он принялся отстаивать свое мнение, согласно которому обсуждение должно свестись не к тому, кому суждено быть новым царем, а к тому, что царь на Руси необходим. Дума вовсе не стремилась к созданию республики, а лишь хотела видеть на троне новую фигуру. В тесном сотрудничестве с новым царем, продолжал Миллюков, Думе следует утихомирить бушующую бурю. В этот решающий момент своей истории Россия не может обойтись без монарха. (...)

По общему согласию заседание было временно отложено. Родзянко отправился в Военное министерство, ко-

* Утром 27 февраля в Маринском дворце состоялась встреча великого князя с Родзянко, Некрасовым, Дмитриевым и князем Голицыным. Члены Президиума Думы и Председатель Совета Министров потребовали от великого князя возглавить кавалерийские части Петроградского гарнизона и немедленно принять меры к восстановлению порядка. Однако великий князь постарался уйти от принятия самостоятельного решения и заявил, что ему нужно переговорить по этому поводу с братом и просить его о назначении нового Председателя Совета Министров. (Прим. Керенского.)

торое имело прямую связь со Ставкой, и связался с генералом Алексеевым, который сообщил ему, что акт отречения уже распространяется на фронте. Родзянко дал ему указание немедленно это прекратить. Указание было исполнено, однако еще до его получения на некоторых участках фронта солдатам уже сообщили об отречении, и они стали присягать новому суверену. Я возвращаюсь к этому эпизоду, потому что он привел к весьма неприятным осложнениям в ряде воинских частей, солдаты которых начали подозревать генералов в интриганстве.

Когда Родзянко вернулся в Думу после своего телефонного разговора с Алексеевым, мы решили связаться с великим князем, который, возвратившись из Гатчины, остановился у княгини Путятинной в доме № 12 по Миллионной, и информировать его о событиях минувшей ночи. (...) На мой звонок немедленно ответил личный секретарь и близкий друг великого князя англичанин Джонсон. Я объяснил положение и спросил, не согласится ли великий князь принять нас утром между 11 и 12 часами. Утвердительный ответ последовал через несколько минут. (...)

В 11.00 4 марта * началась наша встреча с великим князем Михаилом Александровичем. Ее открыли Родзянко и Львов, кратко изложившие позицию большинства. Затем выступил Милюков, который в пространной речи использовал все свое красноречие, чтобы убедить великого князя занять трон. К большому раздражению Михаила Александровича Милюков попросту тянул время в надежде, что разделявшие его взгляды Гучков и Шульгин, вернувшись из Пскова, поспеют на встречу и поддержат его. Затея Милюкова увенчалась успехом, ибо они и впрямь подоспели к концу его выступления. Но когда немногословного Гучкова попросили высказать свою точку зрения, он сказал: «Я полностью разделяю взгляды Милюкова». Шульгин и вовсе не произнес ни слова **.

* В тексте воспоминаний опечатка: указанное совещание состоялось 3 марта 1917 г.

** Причина их сдержанности вскоре выяснилась. Дело заключалось в следующем: на Варшавском вокзале по их возвращении из Пскова тысячи железнодорожников собрались на митинг, однако как только Гучков, читая акт отречения, дошел до пункта о передаче власти великому князю Михаилу Александровичу, толпа пришла в такую ярость, что обоих делегатов пришлось вывести через боковую дверь, чтобы избежать самых неприятных последствий. (Прим. Керенского.)

Наступило короткое молчание, а затем великий князь сказал, что он предпочел бы побеседовать в частном порядке с двумя из присутствующих. (...)

Снова воцарилась тишина. От того, кого выберет для разговора великий князь, зависело, каким будет его решение. Он попросил пройти с ним в соседнюю комнату Львова и Родзянко.

Когда они вернулись, великий князь Михаил Александрович объявил, что примет трон только по просьбе Учредительного собрания, которое обязалось создать Временное правительство.

Вопрос был решен: монархия и династия стали атрибутом прошлого. С этого момента Россия, по сути дела, стала республикой, а вся верховная власть — исполнительная и законодательная — впредь до созыва Учредительного собрания переходила в руки Временного правительства.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары/Пер. с англ.— М., 1993.— С. 148—151.

19. Из воспоминаний барона Б. Э. Нольде «Далекое и близкое»

3 марта [1917 года] после завтрака я сидел в своем служебном кабинете на Дворцовой площади. Позвонил телефон, и я услышал как всегда ровный и неторопливый голос Набокова, сказавшего: «Бросьте все, возьмите первый том Свода законов и сейчас же приходите на Миллионную, такой-то номер, в квартиру князя Путятина». Через десять минут меня вводили в комнату с детским учебным столиком дочки хозяев, в которой оказались Набоков и В. В. Шульгин. Наскоро Шульгин рассказал свою поездку в Псков, подписание акта отречения от престола императора Николая и решительный отказ утром того же дня великого князя [Михаила Александровича] принять престол. Набоков добавил, что надо составить об этом манифест для великого князя и что набросок имеется, составленный Некрасовым. Набросок был чрезвычайно несовершенен и явным образом не годился. Мы тотчас же стали его писать заново. Первый составленный нами про-

ект, — мы втроем взвешивали каждое слово, — так же как и некрасовский набросок, был изложен как манифест и начинался словами: «Мы, Божией милостью Михаил II*, Император и Самодержец Всероссийский...» В проекте Некрасова было сказано только, что великий князь отказывается принять престол и передает решение о форме правления Учредительному собранию. Что будет происходить до того, как Учредительное собрание будет созвано, кто напишет закон о выборах и т. д., — обо всем этом он не подумал. Набокову было совершенно ясно, что при таких условиях единственная имевшаяся налицо власть — Временное правительство — повиснет в воздухе. По общему соглашению мы внесли в наш проект слова о полноте власти Временного правительства. Набоков своим превосходным почерком, сидя за маленьким учебным столом, переписал проект и отнес его в соседнюю комнату великому князю. Через некоторый промежуток времени великий князь пришел к нам, чтобы сказать свои замечания и возражения. Он не хотел, чтобы акт говорил о нем как о вступившем на престол монархе, и просил, чтобы мы вставили фразу о том, что он призывает благословение Божие и просит — в нашем проекте было написано «повелеваем» — русских граждан повиноваться власти Временного правительства. Поправки были внесены, акт еще раз переписан Набоковым и одобрен — кажется, с новыми маленькими поправками — великим князем. К этому времени подъехали князь Г. Е. Львов, Родзянко и Керенский. Великий князь сел за тот же маленький стол, подписал манифест, встал и обнял князя Львова, пожелав ему всякого счастья. Великий князь держал себя с безукоризненным тактом и благородством, и все были овеяны сознанием огромной важности происходившего. Керенский встал и сказал, обращаясь к великому князю: «Верьте, Ваше Императорское Высочество, что мы донесем драгоценный сосуд Вашей власти до Учредительного собрания, не расплескав из него ни одной капли».

Акт 3 марта, в сущности говоря, был единственной конституцией периода существования Временного правительства. С ней можно было прожить до Учредительного собрания — конечно, реально осуществляя формулу «полноты власти».

Нольде Б. Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. — Париж, 1930. — С. 143—145.

* В тексте ошибочно было указано: «Михаил I».

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

20. Из журнала заседания Временного правительства о выезде царской семьи и представителей императорской фамилии за пределы России

2 марта 1917 г.

(...) Министр иностранных дел (П. Н. Миллюков) по вопросу о дальнейшей судьбе членов бывшей императорской фамилии высказался за необходимость выдворения их за пределы Российского государства, полагая эту меру необходимой как по соображениям политическим, так равно и безопасности их дальнейшего пребывания в России. Временное правительство полагало, что распространять эту меру на всех членов семьи дома Романовых нет достаточных оснований, но что такая мера представляется совершенно необходимой и неотложной в отношении отказавшегося от престола бывшего императора Николая II, а также по отношению к великому князю Михаилу Александровичу и их семьям. Что касается местопребывания этих лиц, то нет надобности настаивать на выдворении за пределы России и при желании их оставаться в нашем государстве необходимо лишь ограничить их местопребывание известными пределами, равным образом как ограничить и возможность свободного их передвижения. (...)

ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 2103, л. 1—1 об., 2. Правлен. копия.

21. Из протокола заседания исполкома Петросовета об аресте членов династии Романовых

3 марта 1917 г.

Слушали: 1. Об аресте Николая и прочих членов династии Романовых.

Постановлено:

1) Довести до сведения Совета рабочих депутатов, что исполнительный комитет Совета р. и с. д. постановил арестовать династию Романовых и предложить Временному правительству произвести арест совместно с Советом рабочих депутатов. (...)

2) По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии.

3) По отношению к Николаю Николаевичу, ввиду опасности арестовать его на Кавказе, предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое над ним наблюдение.

4) Арест женщин из дома Романовых производить постепенно, в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти.

Вопрос о том, как произвести аресты, и организацию арестов поручить разработать военной комиссии Совета рабочих депутатов. (...)

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы и материалы. Т. 1.—Л., 1991.—С. 81—82.

22. Из журнала заседания Временного правительства о предложении великого князя Михаила Романова принять меры к охране членов императорской фамилии

5 марта 1917 г.

Слушали: 3. Письмо великого князя Михаила Александровича о принятии мер к охране членов императорского дома.

Постановили: Поручить военному министру установить, по соглашению с министром внутренних дел, охрану лиц императорского дома.

Слушали: 4. Сообщения министра юстиции:

а) О торжественном заседании Правительствующего Сената, в котором министр передал Правительствующему Сенату акт об отречении императора Николая II от престола и акт об отказе великого князя Михаила Александровича от принятия верховной власти для распубликования, и о вынесенной Сенатом резолюции, в которой

Сенат благодарит Временное правительство за почти бескровное установление внутреннего мира и переход к новому порядку в стране.

П о с т а н о в и л и: Принять к сведению.

ГА РФ, ф. 1779, оп. 2, д. 1, ч. 1, л. 5 об.—6. Типограф. экз.

23. Письмо великого князя Николая Михайловича³¹ к министру юстиции А. Ф. Керенскому о присоединении к акту великого князя Михаила Александровича

9 марта 1917 г.

Многоуважаемый Александр Федорович, относительно прав наших, и в частности и моего, на престолонаследие, я, горячо любя свою Родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича.

Что касается до земель удельных, то, по моему искреннему убеждению, естественным последствием означенного акта эти земли должны стать общим достоянием государства.

Великий князь Николай Михайлович.

Вестник Временного правительства.— 1917.—14 (27) марта.— № 8 (51).—
С. 1.

24. Отказ великого князя Кирилла Владимировича от прав на Российский престол и присоединение к акту великого князя Михаила Александровича

*9 марта 1917 г.**

Относительно прав наших, и в частности и моего, на престолонаследие, я, горячо любя свою Родину, всецело

* Датируется по письму великого князя Н. М. Романова.

присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича.

Великий князь Кирилл Владимирович.

ГА РФ, ф. 644, оп. 1, д. 410, л. 2. Фотокопия с автографа.

25. Письмо великого князя Михаила Александровича к барону Н. А. Врангелю³² об освобождении его от адъютантских обязанностей

14 марта 1917 г.

Многоуважаемый Николай Александрович, события последнего времени в корне изменяют мою жизнь. Не желая связывать мою судьбу с судьбой других, я вынужден освободить Вас от несения Вашей службы при мне, о чем и уведомляю Вас, чтобы Вы теперь же могли позаботиться о себе.

Сердечно благодарю Вас, милый Николай Александрович, за Вашу многолетнюю, верную и честную службу при мне и от всей души желаю Вам всего хорошего в дальнейшей Вашей жизни.

Уважающий Вас
Михаил.

ГА РФ, ф. 668, оп. 1, д. 125, л. 5—6. Автограф.

26. Из письма великого князя Дмитрия Павловича³³ к отцу великому князю Павлу Александровичу о получении телеграммы от великого князя Михаила Александровича и революционных событиях в России *

29 марта 1917 г.
Казвин. Персия.

Нежно любимый, мой дорогой папа, вся душа, все мысли ежечасно, ежеминутно летят к тебе! Храни и огради тебя Господь Бог.

* На конверте наклейка: «Просмотрено по распоряжению Бакнинского исполнительного комитета».

Да, страшное, тяжелое время переживает теперь Россия в целом и все люди в частности. Старый строй должен был неминуемо привести к катастрофе. Эта катастрофа наступила. И осталось лишь надеяться на то, что свободная Россия, сознавая все свои силы, вышла бы из этих ужаснейших событий с честью и с достоинством.

Лозунг теперь всем должен быть: все для победы, все для войны! Очень страшно думать, что лозунг этот может замениться другим: «Революция ради революции». И тогда конец! (...)

5 марта я получил телеграмму от Миши, в которой он меня спрашивал, куда и когда я думаю ехать. На эту телеграмму я ответил следующее:

«Тебе известно, что мой отъезд в Персию был вызван волей твоего брата. Без категорических указаний оставить место своего пребывания не считаю возможным. От кого получу эти указания — не знаю».

Я думаю, что иначе я ответить не мог. Не соваться на первых же порах в Петроград, как бы слишком радуясь тому, что власть, меня выславшая, провалилась,— было подсказано чувством простого такта. Я уверен, что ты меня поймешь!

Да притом я был убежден и знал, что вы все помните обо мне и что если мое присутствие было бы необходимым, то, конечно, вы бы меня известили. От Марии из Пскова получил тогда же телеграмму. По ней я увидел, что сестра спокойна. Кончалась ее телеграмма так: «Пока советую оставаться». Эта фраза, конечно, поддержала меня в моем решении.

Конечно, обстановка меняется так быстро, события идут с такой головокружительной быстротой, что вероятно очень, что, когда это письмо будет в твоих руках,— все уже переменится.

Резюмируя все сказанное, я думаю, что если ничего нового не будет, то я появлюсь на петроградском горизонте в середине апреля.

Да, страшное время переживаем. Главное, что давит,— это, по-моему, чувство полнейшей неизвестности. Что еще готовит судьба?

Дмитрий.

20 июля 1917 г.

ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ДОМА РОМАНОВЫХ

Временное правительство постановило членам дома Романовых избирательных прав в Учредительное собрание не предоставлять.

Известия Петроградского Совета раб. и солд. деп. — 1917. — 20 июля. — С. 6.

28. Из дневника императора Николая II

31-го июля [1917 г.]. Понедельник. Последний день нашего пребывания в Царском Селе. Погода стояла чудная. Днем работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда, кот[орый] все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 10¹/₂ [ч.] милый Миша вошел в сопровождении Кер[енского] и караульн[ого] нач[альника]. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно. Когда он уехал, стрелки из состава караула начали таскать наш багаж в круглую залу. Там же сидели Бенкендорфы, фрейлины, девушки и люди. Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный! Алексею хотелось спать, — он то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело. Выпили чаю, и, наконец, в 5¹/₄ [ч.] появился Кер[енский] и сказал, что можно ехать. Сели в наши два мотора и поехали к Александр[овской] станции. Вошли в поезд у переезда. Какая-то кавалер[ийская] часть скакала за нами от самого парка. У поезда встретили И. Татищева³⁴ и двоих комиссаров от прав[ительств]а для сопровождения нас до Тобольска. Красив был вос-

ход солнца, при кот[ором] мы тронулись в путь на Петроград и по соедин[ительной] ветке вышли на Северн[ую] ж.-д. линию. Покинули Ц[арское] С[ело] в 6.10 утра.

Дневник императора Николая II.— М., 1991.— С. 646.

29. Из дневника обер-гофмейстерины княгини Е. А. Нарышкиной ³⁵

1/14 августа 1917 г. Проплакала все утро. Их увезли! И с какими затруднениями!.. До шести часов утра им пришлось ждать, сидя на чемоданах!.. Керенский вне себя торопил всех: ему стыдно не суметь организовать то, что при старом режиме делалось так хорошо. Приехал Михаил; Керенский его впустил, сел в угол, заткнул уши и сказал: «Разговаривайте!» Государь был сильно взволнован. Ничего серьезного друг другу не сказали, но был очень тронут: Императрица ³⁶ написала мне на прощание чудную записочку; она кончается так: «Farewell, darling, motherly friend; heart is too full to write any more» («Прощайте, дорогая, родной друг; сердце слишком полно, чтобы писать больше»).

Бенкендорфы вернулись в свое поместье, очень бы хотели, чтобы я сегодня вечером к ним пришла, но я не в состоянии осилить такой длинный переход. Завтра меня свезут к ним в кресле. Иза * провела у меня весь день. Выяснилось окончательно: их везут в Тобольск. Вместо Бенкендорфа ⁴⁰ их сопровождает Ильяша Татищев. Государь очень побледнел и похудел. Императрица владеет собой и продолжает надеяться! Несмотря ни на что, рада ехать в домашнюю сферу их «dear friend» («дорогого друга») **. И Аня — святая, перед которой следует преклониться. (...) Настенька — молодцом. Их везут в сопровождении нескольких вагонов с солдатами охраны, а также и с членами Совета солдатских и рабочих депутатов. Путешествие продлится пять дней. С ними едет комендант,

* Имеется в виду фрейлина С. К. Буксгевден ³⁷. Далее в дневнике упоминаются Аня — фрейлина А. А. Вырубова ³⁸ и Настенька — фрейлина А. В. Гендрикова ³⁹.

** Намек на Распутина ⁴¹.

и при них останется; он принял кассу от Вали * и будет сам заведовать расходами. Никому, даже государю, не сообщили, куда их везут. Был раньше разговор о Крыме, соответственно чему и упаковались; но за два дня до отъезда было объявлено, что едут не на юг и что надо взять с собой все теплое. Сказано было также, что надо запастись провизией на пять дней. Только по этим признакам можно было догадаться, что цель путешествия — Сибирь. Какое испытание и какое унижение! А они все переносят со стойкостью и кротостью святых. У меня была м-м Герингер — она-то и доставила мне драгоценную записочку императрицы.

Последние новости.—1936.—10 мая.— № 5527.

30. Приказ управляющего Военным министерством Б. В. Савинкова ⁴⁸ главнокомандующему войсками Петроградского военного округа Г. П. Полковникову об аресте великого князя Михаила Александровича ^{}**

21 августа 1917 г.

На основании п. 1 постановления Временного правительства от 2 сего августа о предоставлении исключительных полномочий министрам военному и внутренних дел по взаимному их соглашению, приказываю Вам с получением сего задержать быв[шего] вел[икого] кн[язя] Михаила Александровича как лицо, деятельность которого представляется особо угрожающей обороне Государства, внутренней безопасности и завоеванной Революцией Свободе, причем такового надлежит содержать под строжайшим домашним арестом, с приставлением караула, коему будет объявлена особая инструкция.

Настоящий приказ объявить быв[шему] вел[икому] кн[язю] Михаилу Александровичу и содержать его под арестом впредь до особого распоряжения.

Управляющий Военным министерством Савинков.

ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 2472, л. 8. Подлинник.

* Имеется в виду князь, генерал-майор Свиты императора В. А. Долгоруков ⁴⁸.

** На приказе имеется расписка: «Прочел — вел. кн. Михаил Александрович. 21 августа 1917 г.».

31. Приказ управляющего Военным министерством Б. В. Савинкова главнокомандующему войсками Петроградского военного округа Г. П. Полковникову об аресте графини Н. С. Брасовой *

21 августа 1917 г.

На основании п. 1 постановления Временного правительства от 2 сего августа о предоставлении исключительных полномочий министрам военному и внутренних дел по взаимному их соглашению, приказываю Вам с получением сего задержать графиню Брасову как лицо, деятельность которого представляется особо угрожающей обороне Государства, внутренней безопасности и завоеванной Революцией Свободе, причем таковую надлежит содержать под строжайшим домашним арестом, с представлением караула, коему будет объявлена особая инструкция.

Настоящий приказ объявить графине Брасовой и содержать ее под арестом впредь до особого распоряжения.

Управляющий Военным министерством Савинков.

ГА-РФ, ф. 601, оп. 1, д. 2472, л. 12. Подлинник.

32. Письмо великого князя Сергея Михайловича⁴⁴ к брату великому князю Николаю Михайловичу о положении в стране и аресте Михаила Романова

23 августа 1917 г.

Мой милый Николай,
катастрофа с Ригой совершилась. В настоящее время Петрограду ничего не угрожает, и можно предполагать, что осенью немцы далее не пойдут. Но в мае будущего года, очевидно, они пойдут на Петроград. Хотя и теперь, если им не будут оказывать сопротивления, они могут добраться до Равеля, и тогда песенка Петрограда спета. Сегодня в клубе распространялся слух, что будто бы арест

* На приказе имеется расписка: «Прочла — Н. С. Брасова. 21 августа 1917 г.».

ставали Мишу, но проверить не удалось. Много слухов ходит о болезни М[арии] Ф[едоровны], но непосредственного подтверждения не имею.

Власть по-прежнему безвластвует, и хотя на словах она заявляет, что она независима, но в действительности все остается по-прежнему в руках Советов. (...) Ты, вероятно, читал речь Родзянко, в которой он меня ругал. Мне это безразлично, но, казалось бы, что в настоящий момент он мог бы и не нападать на великого князя. Объясняю я эту выходку жаждой популярности. Только что был у меня Бирюков и подтвердил, что Мишу вчера арестовали в Гатчине домашним арестом. Для этого пришел туда л[ейб]-гв[ардии] стрелковый полк. Арест совершен по распоряжению Керенского. Можно предположить, что после ареста кое-каких контрреволюционных организаций открыт был заговор, без участия самого Миши, клонившийся к его воцарению. По-моему, арест это неосторожный шаг правительства. Могли арестовывать контрреволюционные организации, но его не надо было трогать. Бирюков сообщил, что ты 26-го выезжаешь. Очень рад твоему приезду.

Крепко обнимаю. Горячо любящий тебя

брат Сергей.

Красный архив.—1932.— № 4 (53).— С. 150.

33. Из хроники газеты «Биржевые ведомости»

23 августа 1917 г.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАГОВОР

Аресты великих князей. Из осведомленного источника передают следующие подробности произведенных 21 августа сенсационных арестов в Гатчине, Царском Селе и других пригородах Петрограда.

Как оказывается, осуществление этой меры министром-председателем было поручено военным властям под руководством помощника главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Козьмина. При этом приказано было сделать все возможное, чтобы аресты оста-

вались до некоторого времени неизвестными широкой публике.

Однако аресты великих князей Михаила Александровича и Павла Александровича сохранить в тайне не удалось, и об этом событии поздно ночью стало известно в городе.

Внешняя обстановка этих арестов рисуется в следующем виде.

А. Ф. Керенский у великих князей. В седьмом часу вечера из Петрограда был отправлен в Гатчину и Царское Село наряд воинских частей в составе одной роты. Вслед за тем выехал в Гатчину министр-председатель А. Ф. Керенский в сопровождении помощника главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Козьмина и адъютанта.

По приезде на место А. Ф. Керенский проследовал на дачу, занимаемую Михаилом Александровичем, и в тот же момент дача была окружена войсками. А. Ф. Керенский лично объявил Михаилу Александровичу о мотивах, побуждающих Временное правительство применить по отношению как к самому великому князю, так и к его супруге, домашний арест.

Михаил Александрович выразил некоторое удивление по поводу изложенных А. Ф. Керенским соображений, но вместе с тем указал, что он, конечно, готов подчиниться постановлению Временного правительства.

Из Гатчины А. Ф. Керенский проехал в Царское Село и там руководил действиями военных властей по заключению под арест великого князя Павла Александровича и его супруги — графини * Палей.

В ту же ночь, как передают, были произведены аресты некоторых других великих князей, в том числе и Дмитрия Павловича.

Об этих мерах, предпринятых А. Ф. Керенским, как оказывается, было известно отнюдь не всему Временному правительству, а только нескольким наиболее близким к А. Ф. Керенскому товарищам по кабинету.

Причины арестов. Основным мотивом, побудившим министра-председателя прибегнуть к этим арестам, являются, по словам близких к А. Ф. Керенскому лиц, те же самые соображения, которые привели к решению в доло-

* Правильно: княгиня.

вине июля перевести из Царского Села в Тобольск бывшего императора.

Тогда обнаружившийся, в связи с печальными событиями на Юго-Западном, перелом настроения в широких массах населения вызвал, с одной стороны, опасения в возможности концентрации известных общественных и военных групп вокруг семьи бывш[его] императора, а с другой — предположения о возможности на этой почве эксцессов против царскосельских узников со стороны большевистских организаций.

Теперь же опасения охватили министра-председателя и его единомышленников под влиянием поражения на Рижском фронте. При этом имелось еще одно усугубляющее тревогу обстоятельство — обнаружение в последние дни организации контрреволюционного характера, раскинувшейся между Петроградом, Москвой и Сибирью.

Неизвестность относительно серьезности этой организации и в то же время имеющиеся данные об известной близости, дружбе и сношениях некоторых великих князей с представителями командного состава отдельных воинских частей являлись решающим стимулом в вопросе о заключении под арест великих князей и некоторых близких к бывшим придворным сферам лиц.

Как передают, все намеченные А. Ф. Керенским меры пресечения контрреволюционных чаяний близятся уже к завершению, вслед за которым будет опубликовано краткое официальное сообщение о произведенных арестах.

Виржевые ведомости (Петроград). — 1917. — 23 августа.

34. Из хроники газеты «Известия ЦИК»

25 августа 1917 г.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАГОВОР

Ход следствия. Сосредоточенное у судебного следователя по особо важным делам при Петроградском окружном суде Н. А. Александра следствие по делу о контрреволюционном заговоре идет ускоренным темпом.

По добытым данным предварительного следствия создается впечатление о глубокой вере участников заговора и их чисто политического характера стремлении воссоздать в России монархический строй.

Допрос арестованных и общий просмотр всех документов не дал определенных данных о том, что участники заговора желали возвратить на трон отрекшегося Николая Романова. Не установлено также единодушного у всех заговорщиков желания видеть монархом России вел. кн. Михаила Александровича, или Павла Александровича, или кого-либо другого.

Заговор обнаружен именно в той стадии, когда была признана только необходимость для всей России возвращения к монархическому строю.

Допрос Л. В. Хитрово. Вчера в 4 часа дня в здание судебных установлений была доставлена для допроса арестованная в Елабуге, по ордеру прокурора московской судебной палаты А. Ф. Сталя, мать фрейлины Любовь Владимировна Хитрово.

Она прибыла в Петроград в сопровождении инспектора московской уголовной милиции.

Допрос производился судебным следователем по особо важным делам Н. А. Александровым и главнонаблюдающим за следствием А. Ф. Сталем. Допрос продолжался 4 часа и дал много обличающего материала.

По окончании допроса в качестве меры пресечения для Л. В. Хитрово был избран домашний арест.

В Петроград доставлен из Москвы бывший командующий войсками Петроградского округа, ныне арестованный ген[ерал] Фролов.

Маргарита Хитрово⁴⁵. По пути в Петроград находится и фрейлина Маргарита Хитрово. Обо всех обстоятельствах ее ареста были получены обширные шифрованные телеграммы А. Ф. Керенским и А. Ф. Сталем, но они, вследствие неправильной передачи, до сих пор не расшифрованы.

Все дело будет сосредоточено в Петрограде, куда будут доставлены все арестованные.

Главнонаблюдающий за следствием А. Ф. Сталь выехал вчера в Москву, откуда вернется через неделю. Ему поручено все дальнейшее расследование заговора.

Первые неопровержимые сведения о заговоре получены были прокуратурой от одного очень уважаемого гражданина в Нижнем Новгороде.

Прокуратура до сих пор не считает возможным определять роль и значение каждого из арестованных и прикосновенных к делу лиц.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ СПИСОК ВЫСЫЛАЕМЫХ ИЗ РОССИИ

Мы имеем возможность на основании официальных сведений сообщить полный список лиц, высылаемых за границу на основании закона об остракизме. В этот список входят: отставной генерал В. О. Гурко, б[ывшая] фрейлина А. А. Вырубова, редактор «Земщины» С. Глинка-Янчевский, доктор Бадмаев⁴⁶, И. Ф. Манасевич-Мануйлов и гвардии шт.-ротмистр Г. Эльвенгрем.

Эльвенгрем играл довольно активную роль в союзе георгиевских кавалеров. Согласно его собственным показаниям, данным на допросе следственным властям, Эльвенгрем состоял вице-председателем этого союза. Эльвенгрем был прикомандирован к генеральному штабу. Во всех выступлениях союза он принимал деятельное участие, пользуясь в союзе большой популярностью.

Всем высылаемым предъявляется следующий текст приказа: «На основании п. 2 указа Врем[енного] правительства от 2-го сего августа, определяющего исключительные полномочия министров военного и внутренних дел, по взаимному их соглашению, такой-то, деятельность которого особо угрожает обороне государства, внутренней безопасности и завоеваниям революции, обязан немедленно покинуть пределы Российского государства».

Отъезд перечисленных выше лиц должен состояться сегодня, 25 августа, однако большинство из них заявило о невыполнимости предписания, ввиду отсутствия средств и невозможности в такой короткий срок ликвидировать свои дела. Кроме того, возникли затруднения в смысле изготовления заграничных паспортов. Вследствие этого высылка всех состоится в субботу. Всех до Торнео будет сопровождать особый конвой, а также представители военной и гражданской власти.

35. Из протокола заседания Центрального Комитета Балтийского флота

26 августа 1917 г.

Оглашается и утверждается порядок дня:

1. Протест кораблей «Петропавловск», «Гангут», «Севастополь», «Полтава», «Республика», «Громобой».

2. Текущие дела.

По пункту 1 председатель оглашает протест упомянутых кораблей о высылке за границу бывшего главнокомандующего Гурко и двух бывших великих князей Михаила и Павла Романовых и других, которые все планы вооружений и боеспособности могут выдать нашим врагам, — тогда не будет удивительным после сдачи Риги падение Петрограда. Поэтому команды требуют объяснения причин высылки от правительства, а от Совета рабочих и солдатских депутатов Гельсингфорса — задержания эмигрантов.

Тов. Блохин всецело присоединяется к резолюции и предлагает собранию обратиться к областному комитету с просьбой задержать всех романовских опричников, едущих за границу.

Тов. Гребенщиков считает вопрос о высылке за границу бывших великих князей вопросом общегосударственным, и «мы как учреждение не можем идти против решений демократических органов и Временного правительства. Центральный Исполнительный Комитет должен был знать об этой высылке и, если он не протестует, — значит, согласен; не мы одни стоим на страже революции, Центральный Исполнительный Комитет должен был подумать об этих эмигрантах».

Тов. Сутырин — за резолюцию: высылка ничего, кроме вреда, России не принесет. Эмигранты могут выдать государственные тайны и устроить разгром нашей военной силы. Оратор предлагает запросить правительство о причинах высылки и задержать романовских опричников на станции Рихимьяки или Торнео. (...)

Тов. Ромадин — за резолюцию: «Но, может быть, уже поздно задержать их, то есть они выехали, но остались еще и другие изменники; может быть, весь командующий состав в заговоре и надо спешить предупредить контрреволюцию. В настоящее время России нанесен величайший удар; нам неизвестно, в силу коих обстоятельств наши

войска отдали Ригу. Войска бежали, но, вероятно, в этом виноваты офицеры. (...) Мы должны потребовать расследования дела об отступлении. Все буржуазные газеты утверждают, что армия бежит, но надо спросить у командного состава, долго ли будет это продолжаться. Надо сделать воззвание, что армию натравливают, надо связаться Балтийскому флоту с армейскими организациями и морским министром. Необходимо созвать общее собрание комитетов и ЦК БФ; выбрать из его среды делегацию на фронт для расследования последних событий вместе с солдатскими представителями. Пользы от одного воззвания мало, надо и по судам отправить делегацию для разъяснения последних событий. Наша делегация была арестована без данных, а теперь, когда нити контрреволюционного заговора открылись, их обрывают и отсылают виновников за границу. Надо потребовать для изменников кару — виселицу или тюрьму, может быть плавучую, в Финском заливе. Необходимо в таком духе вынести резолюцию от лица Балтийского флота и послать делегацию по частям флота, предложить стоять строго на своих местах. Социалистическое министерство, идущее, говорят, вместе с демократией, закрывает рабочие газеты, министры не отдают отчета в том, что делают, им подсовывают бумаги, и они могут, таким образом, распустить наши комитеты. Отправка Николая в Тобольск была без ведома Центрального Исполнительного Комитета. Кто охраняет? Вы скажете — солдаты, а почему не матросы? Без них правительство и Николая отправит за границу». (...)

Резолюция ЦК БФ, вынесенная на общем собрании от 26 августа:

«Узнав из газет о высылке инициаторов только что раскрытого контрреволюционного заговора за границу через пределы Финляндии, ЦК БФ ставит в известность областной комитет Финляндии и просит его принять соответствующие меры к задержанию всех преступных лиц, причастных к заговору, на станции Рихимяки или Торнео, чтобы романовские опричники не могли окончательно продать свободную Россию враждебным империалистам, раскрыв перед ними хорошо известные опричникам государственные тайны России.

ЦК БФ полагает, что тюрьмы, настроенные Николаем последним, в состоянии вместить в себя бывших хозяев и тем оградить свободную Россию от удара реакции, а

революционные войска, без сомнения, сумеют сохранить до суда предателей свободы». (...)

Председатель Аверичкин.
Секретарь Солонский.

РГАВМФ. ф. р-95, оп. 1, д. 6, л. 78—79. Ротатори. экз.
Протоколы и постановления Центрального Комитета Балтийского флота.
1917—1918 гг.— М.— Л., 1963.— С. 142—147.

36. Из хроники газеты «Известия ЦИК»

27 августа 1917 г.

К КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОМУ ЗАГОВОРУ

(...) В Москву доставлена из Тобольска фрейлина и сестра милосердия Хитрово. Она содержится под стражей в здании судебных установлений. На днях ее будет допрашивать петроградский судебный следователь по особо важным делам Александров.

* * *

Временное правительство в ближайшее время опубликует [материал] о контрреволюционном заговоре.

В настоящее время допрошены почти все участники этого заговора. Как передают, арестованные в административном порядке вел[икие] князя Михаил Александрович и Павел Александрович будут освобождены в ближайшее время. Вел[икий] кн[язь] Павел Александрович возбудил ходатайство о разрешении ему уехать в Стокгольм, мотивируя свое ходатайство продовольственным кризисом. В ходатайстве вел[никого] кн[язя] Павла Александровича пока отказано.

Руководящий следствием прокурор московской судебной палаты А. Ф. Сталь вызвал к себе в Москву судебного следователя по особо важным делам Н. А. Александрова, который будет допрашивать прибывших в Москву арестованных, в том числе б[ывшую] фрейлину Маргариту Хитрово и хорунжего (а не генерала, как сообщалось ошибочно) Фролова.

Из достоверного источника нам сообщают, что раскрытый контрреволюционный заговор был организован по всем правилам конструкции старых подпольных организаций. По своей технической постановке заговор носит следы опытных рук, и нисколько не приходится сомневаться, что здесь не обходилось без участия опытных жандармов.

Для сношения между собою у заговорщиков был даже установлен особый шифр.

Крупные фигуры царской власти, очевидно, не принимали непосредственного активного участия в заговоре, но они, несомненно, были в курсе дела.

Фронтальная армия непосредственно также не причастна к заговору. Отдельные же тыловые части, очевидно, имели кой-какое отношение.

Особенно замешан в заговоре мелкий элемент тыловых частей.

Произведенные аресты довольно многочисленны, в частности, аресты достигли даже Кавказа.

26 августа А. Ф. Керенским был принят следователь по особо важным делам Александров, которому было поручено вести дело по расследованию контрреволюционного заговора. Судебный следователь Александров доложил министру, в каком положении находится дело, и получил от него целый ряд новых указаний.

Из всех данных, полученных при расследовании этого дела, уже ясно, что в самом непродолжительном времени виновные в контрреволюционном заговоре будут преданы суду. С несомненностью установлено, что целый ряд лиц военного мира и особенно придворных кругов принимали участие в подготовке контрреволюционного заговора. С безусловностью установлено также, что организация заговора, вопреки сообщениям некоторых газет, была открыта не в самом начале организации, а уже в периоде распространения заговора из столиц по провинции. Для сношения с участниками заговора был установлен особый специальный шифр, который уже раскрыт следственными властями.

К ответственности будут привлечены многие представители бывшего высшего света и военные, в том числе несколько генералов.

Все арестованные по делу лица будут сосредоточены в Петрограде, где будет слушаться дело.

Известия ЦИК (Петроград).— 1917.—27 августа.— С. 5—6.

37. Расписка великого князя Михаила Романова об ознакомлении с решением Временного правительства о снятии с него домашнего ареста

13 сентября 1917 г.

Объявленное мне через помощника главнокомандующего Петроградским военным округом капитана Козьмина постановление Временного правительства о снятии с меня строгого ареста *, наложенного 21 августа 1917 г., выслушал 13 сентября того же года.

Великий князь Михаил Александрович.

ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 2472, л. 18. Автограф.

38. Письмо Николая II к сестре великой княгини Ксении Александровне о свидании с братом и жизни в Тобольске

*23 сентября 1917 г.
Тобольск.*

Дорогая моя Ксения,
недавно получил я твое письмо из города Петрограда от 23-го марта — ровно полгода тому назад написанное. В нем было два образка, один от тебя, другой от М. Тру-

* Распоряжение, подписанное А. Ф. Керенским, гласит: «Снять арест с бывшего великого князя Михаила Александровича, великого князя Павла Александровича, графини Брасовой, княгини Палей и князя Владимира Палей».

б[ежкой]. Благодарю за него сердечно и ее тоже. Давно, давно не видались мы с тобой. Я тоже надеялся, что тебе тогда удастся заехать к нам до Крыма. А как мы надеялись что нас отправят туда же и запрут в Ливадии, все-таки ближе к вам. Сколько раз я об этом просил Керенского. Мишу я видел 31-го июля вечером; он выглядел хорошо. А теперь бедный сидит тоже арестованный, надеюсь, не надолго. Мы слышали, что ты себя неважно чувствовала и еще похудела летом.

Здесь мы устроились вполне удобно в губернаторском доме с нашими людьми и М. Gilliard *, а сопровождающие нас — в другом доме напротив через улицу. Живем тихо и дружно. По вечерам один из нас читает вслух, пока другие играют в домино и безик.

Занятия с детьми налаживаются постепенно, так же как в Ц[арском] Селе.

За редкими исключениями осень стоит отличная; навигация обыкновенно кончается в середине октября, тогда мы будем более отрезаны от мира, но почта продолжает ходить на лошадях.

Мы постоянно думаем о вас всех и живем с вами одними чувствами и одними страданиями.

Да хранит вас всех Господь. Крепко обнимаю тебя, милая моя Ксения, Сандро ** и деток.

Твой старый Ники.

Православная жизнь. — 1961. — Январь (№ 1). — С. 5—6.

39. Из воспоминаний А. Ф. Керенского «Россия на историческом повороте»

ИМПЕРАТОРСКАЯ СЕМЬЯ

Приготовления к отъезду велись в обстановке полной секретности, поскольку любое сообщение о нем могло повести к непредвиденным осложнениям. О них сообщили даже не всем членам Временного правительства. По сути дела, лишь 5 или 6 человек в Петрограде знали о том,

* Господин Жильяр [†].

** Имеется в виду великий князь Александр Михайлович [‡].

что происходит. То, как легко удалось доказать целесообразность этой поездки, свидетельствовало о том, насколько uproчилась к августу власть Временного правительства. В марте или апреле переезд бывшего царя был бы невозможен без бесконечных консультаций с Советами. А 14 августа * потребовалось лишь мое личное распоряжение, утвержденное Временным правительством, и Николай II с семьей отправился в Тобольск. Ни Совет, ни кто-либо еще об этом не знали.

После определения даты отъезда я объяснил Николаю II создавшееся положение и сказал, чтобы он готовился к длительному путешествию. Я не сообщил, куда ему предстоит ехать, и лишь посоветовал, чтобы он и его семья взяли с собой как можно больше теплой одежды. Николай II выслушал меня очень внимательно, и, когда я сказал, что все эти меры предпринимаются ради блага его семьи, и просто постарался приободрить его, он посмотрел мне в глаза и произнес: «Я ни в малейшей степени не обеспокоен. Мы верим вам. Если вы говорите, что это необходимо, значит, так оно и есть». И повторил: «Мы верим вам».

Около 11 часов вечера, после заседания Временного правительства, я отправился в Царское Село, чтобы самому проследить за отъездом царя в Тобольск. Прежде всего я обошел казармы и проверил караульную службу, выбранную самими полками для сопровождения поезда и для охраны Николая II по прибытии на место назначения. Все солдаты были в полном порядке и в несколько приподнятом настроении. В городе к тому времени пошли смутные слухи об отъезде бывшего царя, и с вечера во дворцовом парке стала собираться толпа любопытных. В самом дворце завершались последние приготовления. Стали выносить багаж и грузить в автомашины. Все мы были почти на пределе. Перед самым отъездом Николаю II разрешили повидаться с братом — великим князем Михаилом. Сколь ни неприятно было мне вмешиваться в такое сугубо личное дело, я был вынужден присутствовать при встрече. Встреча братьев состоялась около полуночи в кабинете царя. Оба казались очень взволнованными. Тягостные воспоминания о недавнем прошлом, видимо, удручали обоих. Довольно долго они молчали, а затем возник какой-то случайный, малозначительный разговор,

* Дата указана по новому стилю.

столь обычный для такого рода кратких встреч. «Как Алиса?» — спросил великий князь. Они стояли друг перед другом, не в силах сосредоточиться на чем-либо, время от времени хватались за руку другого или за пуговицу мундира.

— Могу ли я видеть детей? — обратился ко мне великий князь.

— К сожалению, я вынужден вам отказать, — ответил я. — Не в моей власти продлить долее вашу встречу.

— Ну что ж, — сказал великий князь брату. — Обними их за меня.

Они начали прощаться. Кто мог подумать, что это была их последняя встреча?

Я сидел в комнате рядом с кабинетом царя, отдавая последние распоряжения и ожидая сообщения о прибытии поезда, и слышал, как кто-то из юных наследников, видимо Алексей, шумно бегал по коридору. Время шло, а никаких признаков поезда по-прежнему не было. Железнодорожники колебались, подавать или не подавать состав, и лишь на рассвете он появился. На автомашинах мы направились к тому месту, где он нас ожидал, неподалеку от станции Александровская. И хотя мы заранее установили порядок размещения в автомашинах, в последний момент все смешалось и наступила неразбериха.

Впервые я увидел бывшую царицу только как мать своих детей, взволнованную и рыдающую. Ее сын и дочери, казалось, не столь тяжело переживали отъезд, хотя и они были расстроены и в последние минуты крайне возбуждены. Наконец, после последних прощальных слов машины в сопровождении эскорта казаков спереди и сзади тронулись. Когда выезжали из парка, уже ярко светило солнце, но город, к счастью, еще спал. Подъехали к поезду, проверили списки отъезжающих. Последние слова прощания, и поезд медленно отошел от станции. Они уезжали навсегда, и ни у кого не мелькнуло и подозрения, какой их ожидал конец*.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары/Пер. с англ. — М., 1993. — С. 236—236.

* Падение Временного правительства открыло дорогу кровавой диктатуре и привело царскую семью к мученической гибели 16 июля 1918 года, которую замыслили Ленин⁴⁹, Свердлов⁵⁰ и Троцкий⁵¹. В этой связи интересна оценка самого Троцкого трагической гибели Романовых: «...следующая моя поездка в Москву состоялась после падения Екатеринбургa. Разговаривая со Свердловым, я спросил

40. Из воспоминаний графа П. К. Бенкендорфа «Отъезд царской семьи из Царского Села»

24-го июля*, уже в качестве премьер-министра, Керенский приехал в Царское Село и заявил, что их величествам небезопасно оставаться здесь и лучше уехать куда-нибудь внутрь России, подальше от фабрик и гарнизонов. «Большевики нападают теперь на меня, потом будет ваш черед», — сказал он. Царь просил отправить их в Ливадию. Керенский считал это возможным и просил государя начать сейчас же приготовления к путешествию. Он указывал вместе с тем, что удобной резиденцией может быть имение великого князя Михаила Александровича в Орловской губернии и, по-видимому, предпочитал это место Крыму. Уезжая, Керенский советовал царю готовиться к дороге в строгой тайне, чтобы не привлекать внимания караульных солдат.

7-го августа комендант дворца сообщил, что отъезд произойдет в ночь с 13-го на 14-е августа, но место назначения держалось в тайне. 10-го августа явился назначенный для сопровождения царской семьи комиссар Макаров, но и он не хотел сказать, куда отправляют царскую семью. По некоторым намекам можно было догадаться, что местом их жительства выбран Тобольск.

13-го августа, в воскресенье, утром, весь багаж — очень большой — был уложен, и Бенкендорф обратил внимание коменданта дворца, что для его перевозки понадобится много носильщиков и грузовиков. Но только в по-

между прочим: «Да, а где находится царь?» — «С ним покончено, — ответил он. — Он расстрелян». — «А где семья?» — «И семья вместе с ним». — «Все?» — спросил я с явным изумлением. — «Всё! — повторил Свердлов. — Ну и что?» Он ожидал моей реакции. Я не ответил. «А кто принял такое решение?» — задал я вопрос. «Решение было принято здесь. Ильич посчитал, что нельзя оставлять белым живое знамя, вокруг которого они объединяются, особенно в нынешних трудных условиях...» Больше вопроса я не задавал. В конце концов решение это было не только целесообразным, но и необходимым. Жестокость этого акта правосудия показала миру, что мы будем продолжать борьбу без всякой жалости, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи была необходима не только для того, чтобы запутать, устрашить и обескуражить врага, но и для того, чтобы также встряхнуть наши собственные ряды, показать, что возврата к прошлому нет, что впереди — либо полная победа, либо полное поражение» (см.: Trotsky's Diary in Exile, 1935. Cambridge (Mass), 1953. P. 81). (Прим. Керенского.)

* Даты указаны по новому стилю.

ловине одиннадцатого вечера комендант распорядился перенести багаж в ротонду дворца. (...)

Час спустя приехал во дворец Керенский. «Он мне сообщил,— рассказывает Бенкендорф,— что сейчас придет великий князь Михаил Александрович. Министр устроил это свидание, чтобы братья могли проститься. Я передал об этом царю, который был тронут и удивлен. Когда великий князь приехал, то Керенский вместе с ним и ординарцем первым вошел в кабинет Его Величества. Он сел за стол и рассматривал альбомы. Офицер оставался у двери. Свидание длилось 10 минут.

Братья были так взволнованы тем, что приходится говорить при свидетелях, что почти не находили слов. Великий князь, выйдя, весь в слезах, сказал мне, что он не рассмотрел даже как следует лица царя.

Керенский уселся затем в приемной. Мы разговаривали о разных вещах. Так как он уверял меня несколько раз, что отсутствие Их Величеств продлится не больше нескольких месяцев, то я спросил его, когда можно рассчитывать на возвращение царской семьи. Он снова убеждал меня, что после Учредительного собрания, в ноябре, ничто не помешает царю или вернуться в Царское Село, или уехать, куда он захочет (...)

СКОРБНЫЙ ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

41. Из сводки донесений в Петроградский ВРК* об участии великого князя Михаила Романова в контр-революционных выступлениях**

29 октября 1917 г.

3-го Литейного подрайона старший милиционер. Из Пскова выехал 27 октября в 12 час. ночи и следовал в Петроград, куда прибыл в половине первого ночи сего числа. (...) В Гатчине мы стояли около пяти часов, вчера вечером там я от известного в Латышском корпусе Альмана-Бридица узнал, что Керенский вместе с Корниловым⁵² и Михаилом Александровичем находятся в Гатчине и штаб ихний помещается в Гатчинском замке. Действуют они совместно. Город Гатчина объявлен на военном положении, и там же учрежден революционный суд. Всякие сборища свыше 3 человек воспрещены. В распоряжении Керенского находится одна казачья дикая дивизия и гатчинские юнкера. Солдаты-пехотинцы в душе на стороне Военно-революционного комитета. Но они не в силах подняться и организовать и находятся в ожидании лучшего момента.

Старший милиционер***.

ГА РФ, ф. 1236, оп. 1, д. 12, л. 63—63 об. Черновик.
Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы.— М., 1957.— С. 630.

* ВРК (Военно-революционные комитеты)—боевые органы при Советах рабочих и солдатских депутатов. Созданы в октябре—декабре 1918 г. для подготовки и проведения вооруженного восстания.

** Эти сведения являются ложными.

*** Подпись неразборчива.

42. Письмо Николая II к сестре великой княгине Ксении Александровне о семейной жизни под арестом

5 ноября 1917 г.
Тобольск.

Милая дорогая моя Ксения,
от всей души благодарю тебя за доброе письмо от 15-го окт[ября], доставившее мне огромную радость.

Все, что ты пишешь о здоровье Мамá, теперь успокоило меня. Дай Бог, чтобы силы ее вполне восстановились и чтобы она берегла здоровье свое.

Мы только что вернулись от обедни, кот[орая] для нас начинается в 8 час. при полной темноте.

Для того, чтобы попасть в нашу церковь, нам нужно пройти городской сад и пересечь улицу — всего шагов 500 от дома. Стрелки стоят редкою цепью справа и слева, и, когда мы возвращаемся домой, они постепенно сходят с мест и идут сзади, а другие вдали сбоку, и все это напоминает нам конец загона, так что мы каждый раз со смехом входим в нашу калитку.

Я очень рад, что у вас сократили охрану — «дюже надоедо» и вам и им, понятно. Бедные сбитые с толку люди.

Постараюсь написать Мише, никаких известий о нем не имел, кроме как от тебя.

Зима никак не может наступить настоящая; два дня идет снег при небольшом морозе, потом все тает и снова то же повторяется. Но воздух отличный, чистый, дышится очень хорошо.

Тут мы живем, как в море на корабле, и дни похожи один на другой, поэтому я тебе опишу нашу жизнь в Ц[арском] Селе.

Когда я приехал из Могилева, то, как ты знаешь, застал всех детей очень больными, в особенности Марию⁶³ и Анастасию⁵⁴.

Проводил, разумеется, весь день с ними, одетый в белый халат. Доктора приходили к ним утром и вечером, первое время в сопровождении караульного офицера. Некоторые из них входили в спальню и присутствовали при осмотре докторами. Потом это сопровождение врачей офицерами было прекращено.

Я выходил на прогулку с Валею Д[олгоруковым] и с одним из офицеров или самим караульным начальником. Так как парк перестали чистить с конца февраля, гулять

было негде из-за массы снега — для меня явилась прекрасная работа — очищать дороги. (...)

Прошло три недели, и никакой перемены. В один прекрасный день со мною последовали четыре стрелка с винтовками; этим я воспользовался и, ничего не говоря, пошел дальше, в парк. С тех пор начались ежедневные большие прогулки в парке, а днем рубка и распилка сухих деревьев. Выходили мы все из дверей круглой залы, ключ от нее хранился у кар[аульного] нач[альника].

Балконом ни разу не пользовались, так как дверь к нему была заперта.

Выход наш в сад, вместе со всеми нашими людьми, для работы или на огороде, или в лесу, должно быть, напоминал оставление зверями Ноева Ковчега, потому что около будки часового у схода с круглого балкона собиралась толпа стрелков, насмешливо наблюдавших за этим шествием. Возвращение домой тоже происходило совместное, т. к. дверь сейчас же запиралась. Сначала я здоровался по привычке, но затем перестал, п[отому] ч[то] они плохо или вовсе не отвечали.

Летом было разрешено оставаться на воздухе до 8 час. вечера; я катался с дочерьми на велосипеде и поливал огород, т. к. было очень сухо. По вечерам мы сидели у окон и смотрели, как стрелки возлежали на лужайке, курили, читали, возились и попевали.

Стрелки, приехавшие с нами сюда, совсем другие — это почти все побывавшие на фронте, очень многие ранены и с Георг[иевскими] кр[естами] и мед[алями] — большей частью настоящие солдаты. Мы со многими перезнакомились.

Забыл упомянуть, что в марте и апреле по праздникам на улицах проходили процессии (демонстрации) с музыкой, игравшею Марсельезу и всегда один и тот же Похоронный марш Шопена.

Шествия эти неизменно кончались в нашем парке у могилы «Жертв Революции», кот[орую] вырыли на аллее против круглого балкона. Из-за этих церемоний нас выпускали гулять позже обыкновенного, пока они не покидали парк.

Этот несносный Похор[онный] марш преследовал нас потом долго, и невольно все мы посвистывали и попевали его до полного одурения.

Солдаты говорили нам, что и им надоели сильно эти

демонстрации, кончавшиеся обыкновенно скверной погодой и снегом.

Разумеется, за этот долгий срок с нами было множество мелких забавных и иногда неприятных происшествий, но всего не описать, а когда-нибудь, даст Бог, расскажем вам на словах. (...)

Да хранит и благословит всех вас Господь.

Как хотелось бы быть вместе.

Прощай, моя дорогая.

Всею душою твой старый Ники.

К письму приложена записка Государя Императора, расшифровывающая псевдоним большевистских главредов*:

Ленин	— Ульянов (Цедерблум)
Стеклов	— Нахамкес
Зиновьев	— Апфельбаум
Троцкий	— Бронштейн
Каменев	— Розенфельд
Горев	— Гольдман
Меховский	— Гольденберг
Мартов	— Цедербаум
Суханов	— Гиммер
Загорский	— Крахман
Мешковский	— Голлендер

Православная жизнь.—1961.— Январь (№ 1).— С. 6—8.

43. Из протокола ночного заседания Петроградского ВРК о переводе великого князя Михаила Романова в Гатчину

13 ноября 1917 г.

С л у ш а л и: О переводе Михаила Романова в Гатчину или Финляндию. Комиссар Гатчины Рошаль удостове-

* Указанные сведения не всегда соответствуют действительности. Например, Стеклов — Нахамкес; Зиновьев — Радомысльский и т. д. (См. указатель имен.)

рил, что Гатчина и линия железной дороги всецело в наших руках.

Постановили: Военно-революционный комитет возражений против перевода его под домашний арест в Гатчину [не имеет]. Запросить по этому поводу Военно-следственную комиссию.

Разрешено перевести Михаила Романова в Гатчину под домашний арест.

ГА РФ, ф. 1236, оп. 1, д. 1, л. 83.

Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 2.— М., 1966.— С. 466.

44. Письмо великого князя Михаила Александровича к супруге графине Наталии Сергеевне Брасовой *

16 ноября 1917 г.
Гатчина.

Моя дорогая Наташа,

спасибо за письмо, очень рад был его получить и узнать, что ты обо мне думаешь. Зубную пасту и нитки нашел в чемодане и посылаю тебе, а фотографии, к сожалению, достать не удалось, т. к. ключ остался, по-видимому, у Моти, а замок сложный американский и открыть никак нельзя. Приезжай скорее, здесь без тебя грустно и пусто, и ночью очень одиноко я себя чувствую. Ввиду того, что вчера был снят караул, у нас ночью двое из наших людей дежурили в доме, а с завтрашнего дня, кажется, мы снова получим караул. Здесь все тихо и уютно, и удовольствие было большое возвратиться домой и дышать чудным чистым воздухом. Сегодня до завтрака я прошелся по саду $\frac{1}{2}$ часа, а днем Джонсон, Miss Neate и я пошли пешком в Приорат. Недалеко от того места, где играет музыка, около большой канавы, были следы крови и кусочки внутренностей от животного, — весьма странное нашли место для такого рода занятий. Тата ** благополучно приехала в 6 $\frac{1}{2}$ ч. Беби *** был очень рад моему возвра-

* На конверте надпись: «Товарищу Наталии Сергеевне Брасовой. От товарища М. А. Р.».

** Очевидно, имеется в виду дочь Наталии Сергеевны от первого брака.

*** Очевидно, имеется в виду сын великого князя Георгий Михайлович Брасов (1910—1930).

щению. Он вечером мне диктовал свой дневник и затем прочел его. Джони * завтра днем поедет в город и забегит на Миллионную [улицу] на одну минуту и в субботу с тобою возвратится сюда. Теперь 9½ ч. веч[ера], и мы с Дж[онсоном] сделаем маленькую прогулку в санях, при чудном лунном свете,— может быть, и сон лучше будет после этого. До скорого свидания, моя дорогая Наташа; крепко и нежно обнимаю и целую тебя. Да хранит тебя Бог.

Весь твой Миша.

P. S. Мой самый сердечный и искренний привет милым хозяевам. Старался изменить почерк, но ничего не вышло.

ГА РФ. ф. 622, оп. 1, д. 22, л. 90, 91—92 об. Автограф.

45. Из протокола заседания Совнаркома РСФСР о высылке Михаила Романова в Пермскую губернию

9 марта 1918 г.

Председательствует: В. И. Ленин.

Присутствуют: Елизаров, Виноградов, Пелевин, Петровский, Савельев, Аксельрод, Менжинский, Гуковский, Карелин, Трутовский, Козьмин, Егоров, Луначарский, Крыленко, Урицкий, Шляпников, Прошьян, Алгасов, Бонч-Бруевич, Подвойский, Иванов, Сталин, Карахан.

Слушали: 4. О высылке [великого] князя М. А. Романова и других лиц в Пермскую губ[ернию].

([Докладчик] — Урицкий⁵⁵.)

Постановили: 4. Принять [проект постановления] с внесенными поправками. Высылку М. А. Романова поручить т. Урицкому.

ГА РФ. ф. 130, оп. 23, д. 10, л. 1—2. Заверен. копия.

* Имеется в виду секретарь Михаила Романова англичанин Джонсон Брайан (Николай Николаевич).

46. Постановление Совнаркома РСФСР о высылке Михаила Романова, Н. Н. Джонсона, А. М. Власова и П. Л. Знамеровского⁸⁶ в Пермскую губернию

9 марта 1918 г.

Совет Народных Комиссаров постановляет:
бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона, делопроизводителя Гатчинского дворца Александра Михайловича Власова и бывшего начальника Гатчинского железнодорожного жандармского управления Петра Людвиговича Знамеровского выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения. Местожительство в пределах Пермской губернии определяется Советом Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим великим князем Михаилом Романовым.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Народные комиссары: В. Менжинский, И. Егоров.

Декреты Советской власти. Т. 1.— М., 1957.— С. 57а.

47. Телеграмма Н. Н. Джонсона со станции Шарьн Председателю Совнаркома В. И. Ленину с просьбой об отмене постановления о разлучении его с Михаилом Романовым

*15 марта 1918 г.**

Постановлением Совнарком[а] по прибытии [в] Пермь меня распоряж[ением] разлучают [с тем], у кого я [состою] секретарем; не прибыл еще даже [в] Вятку несмотря [на] четырехдневное томительное путешествие, совершающееся при самых тяжелых условиях. Прошу Вас и Совет [Народных Комиссаров] принять [во] внимание

* Дата получения телеграммы в Совнаркоме.

расстроенное его здоровье, усугубленное таким путешествием. [Прошу] телеграммой отменить состоявшееся постановление о разлучении.

Джонсон.

ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 1109, л. 3. Телеграф. бланк.

48. Расписка горисполкома Пермского Совдепа, выданная представителям Совета Комиссаров Петроградской трудовой коммуны, о доставке Михаила Романова и других ссыльных из Петрограда в Пермь

17 марта 1918 г.

РАСПИСКА

Настоящую расписку Пермский исполнительный комитет С. Р. и С. Д. дал в том, что препровожденные арестанты: гражданин Михаил Александрович Романов (бывший великий князь), гражданин Николай Николаевич Джонсон, делопроизводитель Гатчинского дворца Александр Михайлович Власов и бывший начальник жандармского отделения Балтийской жел[езной] дор[оги] гражданин Петр Людвигович Знамеровский действительно в Пермь доставлены и Пермским исполнительным комитетом С. Р. и С. Д. приняты.

Подлинную подписали:

Председатель Пермского исполнительного комитета (подпись). За секретаря Карпов.

Сопровождение из Петрограда в Пермь упомянутых в этой переписке лиц было возложено на товарищей Квятковский, Менгель, Эглита, Лейнгарта, Эликса, Гинберга и Шварца.

О выполнении ими упомянутого поручения удостоверяю.

Управляющий делами Совета Комиссаров Петроградской трудовой коммуны С. Гусев. Секретарь (подпись).

РЦИДНН, ф. 588, оп. 3, д. 4, л. 1—1 об. Заверен. копия.

49. Из постановления Пермского губисполкома об аресте Михаила Романова

17 марта 1918 г.

§ 4. Вопрос об аресте Романова и др.

[Постановлено:] Заключить Романова в тюремную больницу, остальных в тюрьму на общий тюремный режим и информировать об этом Комиссариат внутренних дел.

Председатель.
Секретарь *.

РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 3. Копия.

50. Телеграмма Михаила Романова управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу⁵⁷ с протестом на действия Пермского Совдепа

20 марта 1918 г.

Сегодня двадцатого [марта] объявлено распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех [в] одиночное заключение [в] пермскую тюремную больницу, вопреки заявлению Урицкого о жительстве [в] Перми [на] свободе, но разлучно с Джонсоном, который телеграфировал Ленину, прося Совет [Народных Комиссаров] не разлучать [нас] ввиду моей болезни и одиночества. Ответа нет. Местная власть, не имея никаких директив центральной [власти], затрудняется, как иначе поступить. Настоятельно прошу незамедлительно дать тактовые.

Михаил Романов.

ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 1109, л. 4. Телеграф. бланк.

* Подписи отсутствуют.

51. Телеграмма Михаила Романова и пермских ссыльных наркому просвещения А. В. Луначарскому⁵⁸ с просьбой отмены режима заключения

*21 марта 1918 г. **

Одновременно посланы телеграммы [Бонч-]Бруевичу, Урицкому [с] просьбой принять меры по оставлению нас [на] свободе [в] Перми ввиду состоявшегося постановления местной власти водворить [в] одиночное заключение [в] тюремную больницу [за] отсутствием директив центральной власти. Убедительно просим оказать скорое содействие облегчению судьбы.

Михаил Романов, Джонсон **, Власов, Знамеровский.

ГА РФ, ф. 393, оп. 1, д. 126, л. 14. Телеграф. бланк.

52. Телеграмма управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича в Пермский Совдеп о праве свободного проживания Михаила Романова

25 марта 1918 г.

В силу постановления, Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной Советской власти.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Владимир Бонч-Бруевич.

ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 1109, л. 32. Отпуск.

* Дата получения телеграммы в Петрограде.

** В телеграмме ошибочно указано: «Жданопи».

53. Предписание Пермской губернской ЧК* Михаилу Романову о гласном надзоре

20 мая 1918 г.

Гражданину Романову М. А.
(Королевские номера**)

Предлагаем Вам ежедневно в 11 часов утра являться в Чрезвычайный Комитет, по адресу: Петропавловская-Оханская [улица], д. № 33 — Пермькова.

Председатель [Чрезвычайного] Комитета Ф. Лукоянов⁶⁰.

Заведующий Отд. борьбы с контрреволюцией А. Трофимов⁶¹.

Секретарь [Наумов].

РЦХИДНИ. ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 6. Отпуск.

54. Ходатайство Михаила Романова и Н. Н. Джонсона председателю Пермской губернской ЧК Ф. Н. Лукоянову о перемене места жительства и регистрации гласного надзора

7 июня 1918 г.
Пермь.

Ввиду невозможности продолжать жить в Королевских номерах и на основании удостоверения за № 3395, выданного городским исполнительным комитетом Пермского Совдепа за подписью тов. председателя Маришена, от 12 апреля, нами найдено помещение по Екатерининской улице*** в доме № 212 (Тупициных⁶²). Просим Вас,

* ЧК — Чрезвычайная Комиссия. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия была создана постановлением СНК РСФСР от 7/20 декабря 1917 г., председателем ВЧК был назначен Ф. Э. Дзержинский⁶⁰; 6 февраля 1922 г. постановлением ВЦИК ВЧК была упразднена и вместо нее создано ГПУ (Гос. Политическое Управление).

** Первоклассная гостиница в Перми на Сибирской улице (сейчас ул. К. Маркса), названная так по имени владельца лесопромышленника В. И. Королёва.

*** Ныне ул. Большевикская.

ввиду отдаленности означенного дома от центра города, разрешить являться в отделение милиции того района для расписывания, а не во вверенный Вам [Чрезвычайный] Комитет.

М. А. Романов, Н. Джонсон.

РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 27. Автограф.

55. Отношение Пермского Совдепа в ЧК по ходатайству Михаила Романова об изменении режима регистрации гласного надзора

12 июня 1918 г.

Заслушав ходатайство граждан[ина] Михаила Александровича Романова в отклонении ежедневной явки в Чрезвычайный Комитет заменю являться два раза в неделю, городской исполнительный комитет Пермского Совдепа на пленарном заседании от 7 сего июня постановил: явка гражд[анина] Романова в Чрезвычайный Комитет исходила от распоряжения властей из Гатчины, поэтому отменение явки не входит в компетенцию Пермского городского исполнительного комитета.

Тов. председателя В. Козельский.

Секретарь В. Трофимов.

РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 8—8 об. Подлинник.

56. Дневник великого князя Михаила Романова

26 апреля (8 мая) — 29 мая (11 июня) 1918 г.

Пермь, 25 [апреля]/8 мая. Среда.

Утром читали, после завтрака я познакомился с инженером Эльжановским. Около 3³/₄ часа Наташа, Дж[онсон] и я на двух извозчиках поехали к Тупициным, где пили чай и ели много вкусных вещей. В 7 час. простились с ними, Наташа поехала, а Дж[онсон] и я пошли до дома

пешком. Вечером к чаю пришел Петр Нилович Второв. Погода была отвратительная, ветер, с ночи лежал места-ми снег, 2°, к 5 час. появилось ненадолго солнце.

Пермь, 26 [апреля]/9 мая. Четверг.

Утром читали, днем прошлись по Торговой, Монастырской *, а обратно — вдоль реки. После чая Наташа и я легли отдохнуть. К обеду пришли Знамеровские и оставались до 11¹/₂. Погода была полусолнечная, 2°.

Пермь, 27 [апреля]/10 мая. Пятница.

Около 11¹/₂ Борунов ⁶³ и я переехали на лодке на другую сторону Камы (поселение Средняя Курья), там мы пошли налево вдоль опушки леса, затем, выйдя к реке, переехали обратно. После завтрака был у нас датский вице-консул Рее с секретарем-австрийцем — мы их угостили кофе. В 5¹/₂ Наташа, Дж[онсон] и я отправились в Петропавловский собор, где служил пасхальную вечернюю архиепископ Андроник ⁶⁴, — служит он очень хорошо. Вечером я играл на гитаре. Погода была пасмурная, кроме вечера, 2°.

Пермь, 28 [апреля]/11 мая. Суббота.

Утром Борунов и я отправились на другую сторону Камы, где прошли в лес направо и дошли до полигона. Возвратились к завтраку. Днем Наташа, Дж[онсон] и я неудачно съездили в цветочные магазины, а затем в рыбный магазин Анны К **, затем пешком пошли к архимандриту Матвею ⁶⁵ (ректор семинарии). Мы смотрели его квартиру, так как все ищем, куда бы можно было переехать. Нас угостили кофе и пасхой — он, бедный, будучи нездоров, лежал в постели. Оттуда с Монастырской мы возвратились пешком домой. В 8 час. мы пошли в театр, где шла «Мечта любви» — Борегар заходила к нам в нижнюю ложу. С нами сидели Сергей и Ольга Тупицаны. Погода была солнечная утром, а вечером ненадолго пошел сильный снег, 2°. На Украине переворот. Рада разогнана, генерал Скоропадский назначен гетманом Украины. Немцы заняли Ростов и Таганрог.

* Ныне улицы Советская и Орджоникидзе.

** Магазины находились на углу улиц Большая и Томилинская (ныне улицы 1905 года и Восстания); у хозяйки магазина, по словам краеведа М. Н. Колпакова, было прозвище Анна Рыжая.

Пермь. 29 [апреля]/12 мая. Воскресенье.

Утром читали. Днем меня фотографировал П. Н. Второв. Около 4½ Наташа, Дж[онсон] и я пошли к г-же Алиной⁶⁶ на Сибирской, где пили чай, а затем нам показывали комнаты, дом очень хороший. По возвращении домой, Дж[онсон] и я прошли немного пешком вдоль реки. Дж[онсон] пошел в 8 час. в театр, сегодня последний спектакль. Я лег рано. Погода была солнечная, 3°. Кабинет на Украине составлен из к. д. * и беспартийных. Депутация хлеборобов подала гетм[ану] Скоропадскому петицию о восстановлении дореволюционного земства. На Русско-Украинском фронте установилось перемирие. 7 мая подписан договор между Румынией и центральными державами.

Пермь. 30 [апреля]/13 мая. Понедельник.

Утром читали. В 3 часа Борунов и я отправились на другую сторону реки, где пошли по берегу направо, прошли версты 3—4, дошли до дач—обратно шли часть дороги лесом. Обратно переехали на пароходике-пароме. Возвратились домой в 7¼. До обеда, котор[ый] был в 9 час., я купался. Вечером у нас сидел П. Н. Второв. Погода была солнечная, приятная, 8°. Немцы от Ростова двинулись на Кубань. Немцы перевезли Мамá в Киев **,— вероятно, что Ксения, Ольга⁶⁷ и др. с нею.

Пермь, 1/14 мая. Вторник.

Утром Дж[онсон] и я ходили в милицию, потом сидели в театральном садике. Днем Дж[онсон] и я переехали на другую сторону Камы, я греб. Обратно мы плыли на моторном пароходике, вернее лодке. К чаю пришел С. Тупицин. После раннего обеда Наташа, Дж[онсон] и я отправились в театр, давал концерт Шебуев, участвовали и др. артисты. Погода была солнечная, тихая, 10°.

Пермь, 2/15 мая. Среда.

Утром читал. Днем Наташа и я отправились на лодке в Среднюю Курью, а обратно переход сделали на пароходике. К чаю пришла барышня Кобяк⁶⁸. Потом я играл на гитаре. После раннего обеда мы отправились в театр, где шел концерт (трио) артистов Мариинского театра.

* Кадеты — конституционные демократы.

** Сведения были ложными.

С нами сидели в ложе Знамеровский и Второв. После концерта они пили у нас чай. Погода была хорошая и солнечная, 14°. По-видимому, в Киеве, кроме Мамá, также и все остальные, которые жили в Крыму.

Пермь, 3/16 мая. Четверг.

Утром читал. Днем Наташа и я прошлись, были в магазинах и на маленьком рынке на Монастырской. После чая я прошелся немного с Дж[онсоном] вдоль берега. После обеда я играл на гитаре. Погода была солнечная, хорошая, 14°. Днем мы заходили к Знамеровским на Кургурскую*. До завтрака приходил Петр Нилович Второв прощаться, он уехал в Москву, до Нижнего парходом. Вечером недолго шел дождь.

Пермь, 4/17 мая. Пятница.

Утром писал письма — Ольге Пав[ловне], Алеше, Тате и Дворжицкому. Днем Наташа и я гуляли, были в гостином дворе, затем пошли мимо церкви Воскресения на старом кладбище, обойдя его по Сибирской, возвратились домой. До обеда я написал Снегурочке письмо. Весь вечер Наташа укладывалась, благодаря чему легли поздно. Погода была теплая и полусолнечная, 14°. Отъезд Наташи был решен вчера вечером, — очень грустно опять оставаться одним.

Пермь, 5/18 мая. Суббота.

Встали около 8¹/₂. В 9¹/₂ Наташа и я поехали на извозчике на вокзал Пермь 2-я, за нами ехали Дж[онсон] и Екатерина Даниловна. Там ждали долго поезда на платформе. В результате Сибирский экспресс запоздал примерно на 36 час., так как он должен прийти третьего дня вечером. Наташа получила место в маленьком купе международного вагона вместе с чужой дамой. Поезд пошел в 12 час. 10 мин. В. М. Знамеровская тоже поехала. Наташа едет через Москву. Дж[онсон] и я возвратились на извозчиках. Зашли в милицию, затем немного сидели в театральном саду. В 1 ч. завтракали. Знамеровский пришел, а в 3 часа я с ним совершил большую прогулку пешком, — мы переправились на другую сторону Камы и вдоль берега дошли до железнодорожного моста, там сели на лодку и переплыли обратно реку, и затем этой сто-

* Ныне Комсомольский проспект.

роной речки возвратились домой, куда и пришли в 7 час. После обеда Дж[онсон] неудачно пошел к Борегар, а Знамеровский пробыл еще с полчаса.

Я играл на гитаре. Погода была хорошая, полусолнечная, 14°. С отъездом Наташи стало так грустно, так пусто, и все как-то кажется по-другому, и комнаты стали другими.

Пермь, 6/19 мая. Воскресенье.

Утром прошелся с Боруновым, а Дж[онсон] пошел по делам, — мы прошлись садом, что над рекой. К завтраку пришел Знамеровский. Он и я прошлись вдоль набережной, прошли вал и возвратились по Торговой. До обеда, который был в 7½ час., я читал. В 8 час. мы втроем пошли в театр, шли пьесы «Мой Беби» и «Красивая женщина» — страшный балаган. Сидели, как всегда, в нижней левой боковой ложе, во время антракта заходили С. Тупицин и Добродин. Днем прошла небольшая гроза, ут[ром] 14°, к веч[еру] 8°. Вчера после отъезда Наташи пришло письмо на ее имя от Елены Константиновны, а сегодня от Таты и открытка от Ольги Павловны.

Пермь, 7/20 мая. Понедельник.

Утром ходил с Боруновым в сапожный магазин, который закрылся перед нашим носом. После завтрака я ходил по городу с Знамеровским, мы также зашли в международный паноптикум — восковые фигуры. После чая Дж[онсон] и я переправились на другую сторону Камы, где прошлись немного лесом и обратно переехали на моторной лодке. Вечером играл на гитаре, а Дж[онсон] с Петром Л[юдвиговичем] делал отчетность. Погода была по временам дождливая, 12°. Утром получил из Вологды от Наташи телеграмму — она завтра надеется утром быть в Москве.

Пермь, 8/21 мая. Вторник.

В 11 час. Дж[онсон], Василий* и я отправились в Пермскую окружную Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Я получил бумагу, в которой мне предлагается являться туда ежедневно в 11 час. (Люди добрые, скажите, что это такое.) После этой явки я отправился домой, а Дж[онсон]

* Имеется в виду камердинер великого князя В. Ф. Чельшев⁶⁶.

и Василий пошли по делам. После завтрака я с Знамеровским пошел в магазин за сапогами, простые солдатские штиблеты. После 4-х Дж[онсон] и я переплыли на другую сторону реки и там прошли вправо на полигон и возвратились частью лесом, бедный Дж[онсон] провалился одной ногой в болото. В 7¼ возвратились домой. После обеда я играл на гитаре. Дж[онсон] лег рано, а Знамеровский подсчитывал на счетах. Погода была дождливая, 12°. Получил открытку от Ольги Павловны.

Пермь, 9/22 мая. Среда.

Утром Дж[онсон] и я сходили в Чрезвычайную Комиссию. До завтрака и после я читал. В 4 и 3/4 я и Дж[онсон] пошли к Бармину (быв. Агафуровых), где нас угостили вкусными вещами. Возвратились в 7 час., я написал письмо Наташе в Москву. Потом Дж[онсон], Знамеровский и я пошли в театр — прощальный бенефис Борегар, шла «Нора» (Ибсена). С нами сидел Тупицин С. Погода была отчаянная, шел дождь, 5°.

Пермь, 10/23 мая. Четверг.

Утром пошли в милицию, где спросили — почему мы больше туда не являемся? Мы ответили, что являемся последние дни в Чрезвычайный Комитет, где сказано было, что они известят об этом милицию, но, конечно, забыли это сделать. Возвратились из Чрезвычайного Комитета, я читал. Днем Знамеровский и я прошли по городу, за город нельзя было идти, такая была грязь. До обеда стригся, стриг австрийский пленный из Львова, который стремится домой. Затем я читал и играл на гитаре. Вечером мы втроем пошли в кинематограф «Триумф»*. Василий и Борунов тоже были. Погода была отвратительная, утром лежал на крышах снег, 4°. Получил от Наташи две телеграммы из Москвы, мне их передали не с телеграфа, а в Чрезвычайном Комитете. Наташа приехала в Москву в понедельник утром. Бедный Кирюша очень расшибся с мотоциклетки. Я также получил две открытки с дороги.

Пермь, 11/24 мая. Пятница.

Утром читал. До 3½ читал. Затем Дж[онсон], Знамеровский и я пошли к Тупициным, где пили чай и остава-

* Первое в городе специализированное здание кинотеатра, построенное в 1913 г. (сейчас — кинотеатр «Художественный»).

лись до 7¼, Дж[онсон] играл на рояле. У них были Добротины и Николаевы. Обрато шли вдоль набережной. После обеда я читал. Погода была пасмурная до 6 ч., 1°.

Пермь, 12/25 мая. Суббота.

Утром читал. Дж[онсон] и я каждое утро ходим расписываться в Чрезвычайный Комитет. Днем Знамеровский и я отправились за Каму, как тут выражаются, и вдоль берега дошли до Верхней Курьи. Затем лесной дорогой прошли на полигон и возвратились в Среднюю Курью и на лодке в город, пришли домой в 7 час. После обеда ко мне пришли двое американцев — Мр. О'Бриен и Мр. Гесс. Они оба здесь проездом из Баку, откуда им пришлось бежать, а завтра они едут во Владивосток, если только смогут проехать. Погода была солнечная до 4½ утра, 10°, к вечеру стало холодно. В Каме вода очень поднялась. Сегодня только узнал из письма Татьяны Павловны из Гатчины о смерти милого ки[зя] Шервашидзе⁷⁰. Он умер, кажется, 25 марта в Ай-Тодоре*.

Пермь, 13/26 мая. Воскресенье.

Утром читал. После завтрака принял Яблоновского (корреспондент «Свободы России»), конечно, не для того, чтобы он обо мне писал в газете, а просто с ним интересно поговорить. В 4½ мы пошли втроем с молодым Добротиним. У них было много родственников — его родители, тетя, брат и сестра и жена брата. Ушли от них только в 7 час. Обрато шли по Кунгурской до собора. После обеда Дж[онсон] со старой гвардией пошел в Синема**, а Знамеровский и я читали до 11 час. Погода была солнечная от 5 ч., 3°.

Пермь, 14/27 мая. Понедельник.

Утром читал, в 3 час. Знамеровский и я переехали через реку и пошли к полигону, затем левой стороной полигона в глубь леса до проселочной дороги, по дороге влево лесом, затем вырубкой вышли к Каме против Слудского собора, реку переехали на моторной лодке. Домой воз-

* Имение в Крыму великого князя Александра Михайловича, где после Февральской революции находились под арестом некоторые члены императорской фамилии, которые позднее были переведены в соседнее имение Дюльбер, принадлежавшее великому князю Петру Николаевичу.

** Кинотеатр.

вратились в 6^{1/2}. Я думаю, что прошли верст 12. До обеда выкупался. Вечером читали, а также я играл на гитаре. Погода была пасмурная, кроме утра, 12°.

Пермь, 15/28 мая. Вторник.

Утром читал, днем тоже до 4^{1/2}, а после чая Знамеровский и я пошли гулять по Покровской *, дошли до Перми 2-й, сделали круг вправо, к сожалению, зашли в очень грязные места, затем по Монастырской возвратились домой в 7^{1/4}. Вечером читали, а Дж[онсон] пошел с визитом к Борегар. Погода была утром солнечная, а потом часто шел проливной дождь, 14°. Почки на некоторых деревьях начинают разворачиваться в листочки, весна страшно запоздала, а в Гатчине черемуха уже отцветает. Пермь объявлена на военном положении. За последние дни отсюда посылали довольно много рот Красной Армии на разные внутренние фронты. Получил письмо от Ольги Павловны.

Пермь, 16/29 мая. Среда.

Газет не было из Петрограда уже два дня, а из Москвы почему-то сегодня поезда не пришли. Утром читал, а после завтрака играл на гитаре. В 4 часа Дж[онсон] и я пошли к Тупициным, другой семье, которая живет рядом с нами. У них три дочери, две замужем. После чая еще немного посидели. Возвратились домой по Набережной **. До обеда видел Обыденова †, только что возвратившегося из Екатеринбургa, по-видимому, там военнопленные взяли власть в свои руки и арестовали Советскую власть ***, то же самое совершилось и в других некоторых городах Сибири. Вообще трудно понять, что творится, но что-то крупное назревает. Вечером к нам зашел инж. Андреев. Погода была утром недолго солнечная, прошел небольшой дождь, после 5 ч. погода разгулялась, 12°.

Пермь, 17/30 мая. Четверг.

Утром читал. Днем играл на гитаре. От 5 до 6^{1/4} Знамеровский и я гуляли, прошлись за собором в саду над

* Ныне ул. Ленина.

** Ныне ул. Окулова.

*** Имеется в виду антисоветское восстание, вспыхнувшее 25 мая 1918 г. в воинских частях чехословацкого корпуса, сформированного в России во время 1-й мировой войны из военнопленных австро-венгерской армии и русских подданных чешской национальности; за короткий период белочехами были заняты города Поволжья, Сибири и Урала, в том числе Екатеринбург.

рекой. Обедали в 7¼, потом втроем отправились в театр, шла «Бездна», кроме Казаровского и Полякова, играли плохо. Затем смотрели один акт «Веселой вдовы», под аккомпанемент пианино, но несмотря на мизерную обстановку было приятно послушать музыку, тем более что двое главных играли хорошо. Погода была по временам дождливая. Насколько нам известно, поезда отсюда ходят только до Вятки, до Екатеринбургa, кажется, не доходят. Получил от Наташи из Москвы телеграмму.

Пермь, 18/31 мая. Пятница.

Утром кончил читать «Записки из мертвого дома». Днем Знамеровский и я прогулку сделали через старое кладбище, за ним спустились и поднялись через лесистый овраг, покрытый пихтами, внизу которого вьется речка, и пошли через деревню Горки обратно в город мимо Петропавловского собора. После чая я играл на гитаре. В 9¼ мы пошли в кинематограф «Триумф» — «Белые голуби». Погода была солнечная до 5 ч., потом прошел небольшой дождь, 13°. Получил телеграмму от Юлии Владиславовны, которая пишет, что хотя положение Кирюши тяжелое, но надежда на выздоровление есть.

Пермь, 19 [мая]/1 июня. Суббота.

Утром читал. Днем играл на гитаре, а после чая Знамеровский и я прошлись. Сначала пошли на пристань и хотели обойти пароход, но приехавшие пассажиры нам помешали, потом сделали небольшой круг по городу и возвратились в 5½. До обеда читал, а затем купался. Обедали в 7¼ и пошли в театр в 8, но нам объявили, что спектакль не состоится, так как слишком мало публики. Очень досадно, потому что должны были играть рабочие и было бы интересно их послушать. Знамеровский и я прошлись по городу и сидели довольно долго в саду, кот[орый] над рекой в конце Сибирской. Возвратились домой в 9 час. и читали, я начал читать... Дж[онсон] пошел после чая с визитом к Алиным и пришел только в 11 час. Погода была солнечная, небольшая гроза прошла около 6 час., 16°, а веч[ером] 11°.

Пермь, 20 [мая]/2 июня. Воскресенье.

Утро прошло, как всегда. Днем Дж[онсон] и я пошли к датскому вице-консулу, видели его секретаря Шейфлер, очень милый и любезный австриец. Возвратились на из-

возчике. Затем я писал Ольге Павловне. В 5 час. к чаю пришли Алин (сын) с женой. От 7½ до 8½ Знамеровский и я пошли гулять по Набережной и в сад за собором, дивный вечер. Вечером dokonчил письмо О. П...; затем писал Снегурочке. Погода была дивная, первый действительно хороший летний день, 18°. Получил письмо от Снегурочки, Алеши, Дворжицкого и Клевезаль.

Пермь, 21 [мая]/3 июня. Понедельник.

Утром писал Алеше письмо. Днем продолжал писать Наташе. Письмо посылаю с оказией. Думаю, что Наташа еще в Москве. К чаю пришли Кобяк: мать, дочь и сын,— старичок не мог прийти, потому что заболел. После их ухода Знамеровский и я хотели сделать прогулку, но поднялся такой ветер с пылью, что мы сейчас же возвратились. Вечером мы дошли до Алиных, на Сибирской, и обратно. Погода была жаркая, пасмурная, и вечером пошел небольшой дождь, 18°. Московских и петроградских газет опять не было, и причина, кажется, та, что идет переброска Красной Армии с запада на восток к Екатеринбург и еще в другие места, но куда — не знаю.

Пермь, 22 [мая]/4 июня. Вторник.

Утром читал. Днем dokonчил письмо Наташе, затем, т. е. к чаю, Дж[онсон] и я пошли к Кобяк,— старичок этот изобретатель электролитной воды, живут они около Марининской гимназии, против гостиницы двора. Возвратились, мы не обедали, а только переоделись и пошли втроем в театр. Шла «Мальва» из рассказа М. Горького. Там же был очень слабый концерт, антракты были бесконечно длинные из-за аукциона. Погода была дождливая по временам, утром — солнечная, 18°. Получил телеграмму от Наташи из Москвы, она рассчитывает выехать сегодня в Гатчину. Здоровье Кириуши лучше.

Пермь, 23 [мая]/5 июня. Среда.

Утром зашел Знамеровский и принес письмо, которое привезла его жена, приехавшая из Гатчины с сыном и братом Петра Л[юдвиговича]. Днем читал, а после этого Дж[онсон] и я пошли к Тупициным, шли по Монастырской. Там мы сидели на террасе все время, кроме самой хозяйки и детей никого не было. Дж[онсон] немного пел в гостинице. Обратно мы шли вдоль набережной. К Василию пришел доктор. Василию еще придется пролежать

несколько дней, он чувствует боль в области отростка слепой кишки. После обеда Дж[онсон] читал газету вслух. Погода была чудная, 14°, черемуха начинает цвести. Письма получил: от Таты, В. А. Козерской, Власова В. Н., Андреевской, Котона, Меня и его сына. На днях мы прочли, что на Дону образовалось войсковое правительство, во главе которого стоит ген. Краснов, он также и войсковой атаман.

Пермь, 24 [мая]/6 июня. Четверг.

Утро прошло, как всегда. Днем я читал. Заходили на короткое время С. Тупицин, а также мой крестник — правовед Нагорский. После чая Дж[онсон] и я пошли в городской сад, что у Сибирской заставы, где сидели и слушали музыку, струнный оркестр. Встретились с Шейфлером. Пришли домой к обеду. Вечером читали. Сегодня у меня появились мои знаменитые боли в желудке, лег поэтому раньше. Погода была нудная, 14°. На днях по приказанию Совнаркома часовая стрелка была переведена на 2 часа вперед, т. е. на два часа против солнца.

Пермь, 25 [мая]/7 июня: Пятница.

В Чрезвычайном Комитете я слегка сцепился с одним «товарищем», который был очень груб со мною. Днем я читал, позже зашел С. Тупицин и мы втроем пошли на Каму по Сибирской ул., собирались прокатиться на моторной лодке, но шоферы никак не могли наладить мотор, т. ч. кататься не удалось. Дж[онсон] и я возвратились домой и пили чай в 4¼ у хозяйки наших номеров Королева, где нас гостеприимно хозяева угостили чудным кофе и кексом. У них две взрослых барышни, одиннадцатилетний мальчик и дочь 8 лет. В 8 час. Дж[онсон] и я отправились в сад слушать струнный оркестр, который ежедневно там играет. Там мы ходили по саду и после часа возвратились домой к обеду. Вечером Дж[онсон] сходил к Кобяк и пробыл там до 11 час. Я читал. Погода была чудная, 20° днем, одна тучка немного спрыснула. Пузо мое нет-нет и напоминало о себе.

Пермь, 26 [мая]/8 июня. Суббота.

Утро провел, как всегда. Днем читал. Около трех часов зашел инженер Умберто. В 7 час. пришел папа Кобяк, с которым интересно поговорили. После 12 час. дня я

больше не ел, так как боли у меня все продолжают. Погода была дождливая, 16°.

Пермь, 27 [мая]/9 июня. Воскресенье.

Провел целый день в постели у окна и продолжал ничего не есть со вчерашнего дня, т. е. даже ни капли молока. Боли по временам все-таки появлялись. Днем зашел Знамеровский и рассказывал много интересного о ходящих по городу слухах. Вечером мне читал Дж[онсон]. Погода была чудная, 22°.

Пермь, 28 [мая]/10 июня. Понедельник.

Весь день был на ногах, но чувствовал себя очень плохо. Днем спал. В 6 час. приходил доктор Шипицин⁷². Боли периодически являлись. За целый день выпил стакана полтора молока пополам с водой, больше ничего. Погода чудная, 20°, а за последние дни вся зелень распустилась. Весь день я читал ту же французскую книгу. К обеденному часу зашел Знамеровский. К вечеру поднялся особенно сильный, но все же теплый ветер. Получил телеграмму от Наташи из Гатчины, они приехали туда в прошлую среду.

Пермь, 29 [мая]/11 июня. Вторник.

Сегодня боли были послабее и менее продолжительные. Утром читал. Днем я на час прилег. К чаю пришел Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы, после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицин зашел около 8¹/₂. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь. 13¹/₂°, вечером тоже. Около 10 зашел мой крестник правовед Нагорский проститься, он сегодня же уезжает в Петроград.

ПО СЛЕДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

57. Телеграмма Пермской ЧК в Совнарком о похищении Михаила Романова *

13 июня 1918 г.

Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна. Зиновьеву⁷⁸. Копия: Екатеринбург. Облсовдеп. Чрезком.

Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры.

Пермский округ. Чрезком.

ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 1109, л. 30. Телеграф. бланк.

58. Постановление Пермской ЧК о возбуждении следствия по делу об исчезновении Михаила Романова

13 июня 1918 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1918 года, июня 13 дня, Чрезвычайный Комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, рассмотрев заявление, переданное по телефону из гостиницы Королевские номера в 12 ч. 15 мин. ночи 12-го на 13-е сего июня, об аресте тремя неизвестными Михаила Романова и имея в виду, что в данном случае усматриваются признаки преступного деяния, предусмотренные постановлением Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрревол[юцией],

* На телеграмме имеется помета: Дзержинскому, Троцкому.

п о с т а н о в и л: произвести по означенному делу следствие.

Председатель Чрезвычайного Комитета [Ф. Лукьянов].

Члены: А. Трофимов.

Поручается следователю по борьбе с контрреволюцией тов. Меньщикову.

РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 11. Подлинник.

59. Постановление Пермской ЧК об аресте лиц, причастных к исчезновению Михаила Романова

13 июня 1918 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1918 года, июня 13 дня, Чрезвычайный Комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, рассмотрев настоящее дело о похищении из Королевских номеров Михаила Романова и имея в виду, что в данном случае усматриваются признаки преступного деяния, предусмотренные постановлением Всероссийской Чрезвычайной Ком[иссии], и что в совершении сего подозреваются гр[аждане] Чельшев, Борунов, Сапожников⁷⁴ и Знамеровский,

п о с т а н о в и л: мерой пресечения уклониться от следствия избрать содержание их под стражей в Пермской губернской тюрьме.

Копию настоящего постановления препроводить начальнику губернской тюрьмы и комисс[ару] Арест[ного] дома.

Заведующий Отд. по борьбе с контрреволюцией А. Трофимов.

Следователь отдела П. Меньщиков.

Секретарь Наумов.

РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 14. Подлинник.

60. Телеграмма председателя Уральского облсовета А. Г. Белобородова⁷⁵ в Пермскую ЧК о предоставлении сведений по делу о побеге Михаила Романова

13 июня 1918 г.

Немедленно телеграфно сообщите: когда был привезен [в] Пермь Михаил, кому сдан, каковы были указания [о] режиме, от кого они исходили, какие меры принимал губсовдеп [по] усилению режима, кем было отменено содержание его [в] тюрьме? Что дало следствие, кто арестован, их фамилии, [а] также показания?

Облсовет. Белобородов.

РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 30. Телеграф. бланк.

61. Мандат Пермской ЧК, выданный П. Ф. Меньщикову для расследования дела о побеге Михаила Романова

14 июня 1918 г.

Предъявитель сего тов. П. Меньщиков Пермским окружным Чрезвычайным Комитетом командирован для расследования обстоятельств дела о скрывшемся бывшем [великом] князе [Михаиле Александровиче] Романове, а потому тов. Меньщиков имеет право по собственной инициативе допрашивать лиц по делу о скрывшемся Романове. Все советские учреждения и лица должны беспрепятственно исполнять распоряжения тов. Меньщикова.

Председатель [Чрезвычайного] Комитета [Ф. Лукьянов].

Заведующий Отд. борьбы с контрреволюцией [А. Трофимов].

Секретарь [Наумов].

РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 21. Отпуск.

62. Протокол допроса управляющего Королевскими номерами И. Н. Сапожникова и камердинера Михаила Романова В. Ф. Чельшева

Делегированный Чрезвычайным Комитетом по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем для производства дознания по делу побега б[ывшего] великого князя Михаила Александровича Романова, Павел Федор[ович] Меньшиков в канцелярии комиссара Арестного дома в 3 часа дня 14 сего июня [1918 года] опрашивал следующих лиц.

Нижеследующие опрошенные показали:

Я, гр[ажданин] Вятской губернии и уезда Илья Николаевич Сапожников, 51 года, проживающий в городе Перми по Сибирской ул., д. № 5*, Королевские номера, где я исполняю обязанности управляющего номерами.

Я служу в качестве управляющего номерами с 21 мая 1918 года. 29 марта н[ового] с[тиля] 1918 года, когда были национализированы эти номера, к нам был назначен комиссар от Совета р. и с. д. некто Стасюк, но, прослужив не более как дня два, почему-то ушел, и обязанности такового, по распоряжению председателя финансового отдела горсовета товарища Ермакова, принял я. Еще в марте месяце к нам в номера был помещен б[ывший] великий князь Михаил Александрович Романов с его личным штатом, а именно: секретарем гр[ажданином] Джонсоном, камердинером Чельшевым и слугой Боруновым. Все они заняли по номеру. Таким образом, Романов — № 21, Джонсон — № 15, Чельшев — вначале № 18, но в мае месяце занял № 14, Борунов — № 18. За все время, сколько они жили, к ним часто ходил некто Знамеровский, звать не знаю как, еще какая-то старушка, которая носила молоко, а кроме этих лиц я ничего не видал. 12 на 13 сего июня н[ового] ст[иля] без 15 в 12 час[ов] ночи по новому времени в номера вошел какой-то неизвестный человек, одетый в шинель, на левой руке были золотые прошивы, какие носят раненые офицеры. Вошел и, обращаясь ко мне, сказал, что ему нужно Мих[аила] Романова. Я спросил его, кто он такой и есть ли у него мандат. На что неизвестный ответил: «Не

* В протоколах допросов ошибочно указано: д. № 3.

Вам мандат, а Романову». Тогда я спросил его: «Зачем Вам его?» На это неизвестный мне ответил: «Не Ваше дело», причем держал револьвер. Тогда я сказал, что Романов вверху, и неизвестный тотчас же пошел кверху; некоторое время спустя спустился снова вниз, позвал с улицы еще двух неизвестных мне людей, которые одеты были в солдатском, один в шинели и один в рубашке. Позвав этих двух неизвестных, все трое поднялись кверху, где пробыли очень продолжительное время, после чего спустились вниз в сопровождении Романова, Джонсона, Чельшева, который шел сзади, но на площадке Чельшеву один из неизвестных, который вошел первым, сказал, чтобы он, Чельшев, не ходил с ними, и все вышли на улицу. Я должен еще добавить, что когда я хотел позвонить по телефону в Чрезвычайный К[омитет], то матрос Борунов мне не дал, а стал звонить сам. А когда я его спросил, что ему ответили, то Борунов мне сказал, что ему ответили, что сейчас придут. И действительно, некоторое время спустя пришли Малков⁷⁸, Сорокин, Неволин и еще друг[ие], которых я не знаю. А более я ничего показать не могу.

Илья Сапожников.

Я, гр[ажданин] Владимирской губ[ернии], Меленковского уезда, Заколбской волости Василий Федорович Чельшев, 34 лет, проживающий в городе Перми по Сибирской ул., д. № 5, Королевские номера, в № 14, где служил в качестве камердинера у Мих[аила] Романова.

Я служу в качестве камердинера у б[ывшего] великого князя Михаила Александровича Романова с 1915 года, после государственного переворота в 1917 году в феврале Романов Мих[аил] уехал в Гатчину в сопровождении Джонсона (его секретарь) и меня, где жили до марта 1918 года, в марте же были арестованы и отправлены в Петроград, а оттуда были препровождены в Пермь, где вначале жили в гостинице Эрмитаж, затем в центральных номерах, а потом уже перешли в Королевские номера, где жили по настоящее время. В ночь 12 на 13 сего июня н[ового] ст[иля] я готовил ванну для Мих[аила] Романова, время было приблизительно часов 12 ночи по новому времени; приготовив ванну, я вошел в

номер Мих[аила] Александровича и спросил его, сейчас ли он пойдет в ванну, на что получил ответ, что сейчас. Когда я стал выходить из номера, то в коридоре увидел какого-то неизвестного мне мужчину на вид лет 32—33, черные усы, без бороды, одет был в солдатскую шинель. Неизвестный стоял в дверях № 18, занимаемого Боруновым, с которым неизвестный и говорил о чем-то. Я подошел к разговаривающим узнать, в чем дело, тогда неизвестный спросил меня, кто я такой, на что я ответил, что камердинер Мих[аила] Романова. Тогда неизвестный спросил: «А в каком номере живет Мих[аил] Романов?» Я показал неизвестному номер Мих[аила] Алекс[андровича]. Неизвестный, держа в руках какую-то бумагу, хотел войти в номер, но я задержал неизвестного и спросил: «Зачем Вам Романов?» — и сказал, что он болен. На наш разговор с неизвестным из номера Романова вышел его секретарь Джонсон, который также спросил [его], в чем дело. Неизвестный спросил, кто он такой, и, когда получил ответ, что это секретарь Мих[аила] Романова, неизвестный подал Джонсону бумагу, которую называли мандатом. А когда Джонсон взял бумагу и пошел с ней к Мих[аилу] Алекс[андровичу], неизвестный хотел снова войти в номер, но я снова задержал неизвестного. В это время неизвестный вынул из кармана револьвер, направил на меня со словами «Отойди, мне надо Михаила Романова». Тогда я отошел, а неизвестный вошел в номер. Войдя, неизвестный прямо обратился к Михаилу Александровичу и спросил его: «Вы Михаил Романов?» — и когда получил утвердительный ответ, то сказал: «Одевайтесь и следуйте за мной». Михаил Александрович ответил неизвестному, что он болен и пойти за ним не может, а для установления справедливости его слов стал просить доктора. На что неизвестный сказал: «Я знаю ваших докторов» — и стал снова грубо требовать одеваться, говоря: «Вы подчиняетесь этому мандату». Михаил Александрович сказал, что он мандату подчиняется, но не подчиняется неизвестному, потому что не знает его, и просил пригласить кого-нибудь из Чрезвычайного К[омитета], кого бы он знал. Тогда я сказал Михаилу Александровичу, что я сейчас позвоню в Чрезвычайный Комитет, но неизвестный, направив на меня револьвер, сказал: «Ни с места». Тогда Борунов, стоявший в коридоре, убежал к телефону, а неизвестный, грубо схватив Михаила Александровича за ворот, силой заста-

вил одеваться. Стал одеваться и Джонсон. Я, подав пальто Михаилу Александровичу, тоже оделся и пошел с ними, но на последней ступени лестницы неизвестный обернулся ко мне и спросил: «Ты куда?». Я ответил, что с Мих[аилом] Алекс[андровичем]. Неизвестный снова направил на меня револьвер, снова сказал: «Ни с места». (Я должен добавить, что когда Михаил Александрович не хотел подчиниться неизвестному, то последний позвал еще двух человек, одетых тоже по-солдатски.) И все вышли на улицу. Тогда я по совету прислуги (которую звать Лиза) пошел на балкон и оттуда стал смотреть, причем видел, как неизвестный силой вталкивал Михаила Александровича в экипаж, верх которого был приподнят. Неизвестный же сел на козлы, на вторую лошадь посадили Джонсона и поехали по Торговой улице по направлению к Мотовилихе. Как только они повернули на Торговую улицу, я сейчас же пошел в Чрезвычайный Комитет, но по дороге мне попали навстречу тов. Малков, Трофимов и друг[ие], которым я рассказал происшествие. На то что к Михаилу Александровичу за это время кто-нибудь приходил бы, кроме как Знамеровского, я никого не видел, а более я показать ничего не могу.

Челышев.

РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 64—67 об. Подлинник.

63. Протокол допроса В. М. Знамеровской, С. С. Лебедевой, а также служащих Королевских номеров и прислуги Тупицких

Я, Павел Федорович Меньшиков, командированный Чрезвычайным Комитетом по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем для производства предварительного следствия по делу о похищении из гостиницы Королевские номера б[ывшего] великого князя Михаила Романова, спрашивал 15 сего июня в вышеназванной гостинице нижепоименованных лиц, которые показали:

Я, гр[аждаин] Пермской губернии, Оханского уезда, Таборской волости Афанасий Петрович Вотинов, 18 лет, холост, проживаю в городе Перми по Сибирской ул., д. № 5, Коралевские номера, где и служу в качестве швейцара два года.

В марте м[есяце] с[его] г[ода] к нам в номера был помещен на жительство быв[ший] великий князь Михаил Романов с его штатом прислуги. Всей прислуги было два человека, а именно: камердинер Чельшев и шофер Борунов. Третий был его секретарь Джонсон. Занимали они разные номера: Романов — № 21, Джонсон — № 15, Чельшев — № 14, Борунов — № 18. За все время, сколько они у нас жили, я никогда не видал, кто бы приходил к Романову, кроме Знамеровского, который довольно часто заходил. К прислуге приходили какие-то мужчины, которых я не знаю. В ночь 12 на 13 сего июня около 12 час[ов] в номера вошел какой-то неизвестный мне человек, одетый в солдатскую шинель, и обратился ко мне, спросил, где тут Михаил Романов, на что я ответил: пройдите в № 14, кверху. Неизвестный скорым шагом поднялся вверх по лестнице. В это время вошел еще один человек, одетый тоже в солдатское. Некоторое время спустя неизвестный, поднявшийся кверху, спустился обратно вниз и вместе со стоявшим внизу вышли на улицу, но сейчас же вернулись обратно, уже трое вошли. Третий был одет в солдатскую гимнастерку, на ремне сбоку был кобур. Войдя в номера, все трое поднялись кверху, где потом с кем-то громко разговаривали, потом книзу спустился шофер Михаила Романова Борунов и по телефону вызвали из Чрезвычайного К[омите]та кого-то, говоря, что Михаила Романова арестовывают. А когда Борунов отошел от телефона и поднялся кверху, тотчас же книзу по лестнице стали спускаться неизвестные в сопровождении Михаила Романова и его секретаря Джонсона. Неизвестный, вошедший в номера первым, вел Михаила Александровича за руку, поддерживая его своей правой рукой. Все вышли на улицу, где сели на лошадей и уехали, но по какому направлению, я не видал. Некоторое время спустя пришли три человека из Чрезвычайного К[омите]та, поднялись кверху, но скоро спустились обратно и ушли, а более я показать ничего не могу.

Афанасий Вотинов.

Я, гр[ажданка] Пермской губернии, Соликамского уезда, Орловской волости Елизавета Ивановна Пономарева, 20 лет, девица, проживаю в городе Перми по Сибирской ул., д. № 5, Королевские номера, где служу горничной шесть месяцев.

В марте месяце к нам в номера был помещен на жительство бывш[ий] великий князь Михаил Романов, с ним трое его слуг. Все они занимали по одному номеру. Романов — № 21, Джонсон, его секретарь, — № 15, Челышев, его камердинер, — № 18 и Борунов, его шофер, — № 14. В ночь 12-го на 13-е сего июня были какие-то трое людей и увели Михаила Романова, но как это было, я не видела и сказать что-либо не могу.

Елизавета Пономарева.

Я, гр[ажданка] Пермской губернии, Оханского уезда, Богдановской волости Мария Сергеевна Богданова, 32 лет, девица, проживаю в городе Перми по Сибирской ул., д. № 5, где служу горничной один год.

На четвертой неделе Великого поста к нам в номера был помещен на жительство б[ывший] великий князь Михаил Романов и с ним трое его слуг. Все занимали по одному номеру. Романов — № 21, его секретарь Джонсон — № 15, его камердинер Челышев — № 14 и его шофер Борунов — № 18. За все время, сколько они у нас жили, их часто посещал какой-то полковник, фамилия которого Знамеровский. Ходил также повар из кофейной «Альпийская Роза» и еще какой-то старичок, который носил им хлеб. В ночь на 13 сего июня я приготовила ванну для Михаила Романова, и, когда пошла сказать, что ванна готова, мне навстречу шла наша судомойка Лиза, которая мне взволнованно сказала, что какой-то солдат пришел и спрашивает Михаила Романова. Мы вместе с ней пошли в коридор; подойдя к номеру, где жил Романов, [увидели, что] солдат, про которого говорила Лиза, уже был в номере. Я слышала, как неизвестный грубо приказывал одеваться. Джонсон уговаривал неизвестного, но тот только и говорил (я не приказываю, я прошу). Потом я спустилась книзу, в это же время книзу спустились трое неизвестных мне людей, одетых в солдатское, и с ними Михаил Романов и его секретарь Джонсон. Неизвестные держали в руках револьверы. Позади всех шел

камердинер Романова Василий, которому один из неизвестных повелительно приказал остаться, не ходить за ними. Спусти очень непродолжительное время пришли из Чрезвычайного К[омите]та, но уже было поздно.

Показание прочитано.

Мария Богданова.

Я, гр[ажданка] Пермской губернии, Пермского уезда, Новоильинской волости Степанида Ефимова Ширинкина, 32 лет, девица, проживаю в городе Перми по Сибирской ул., д. № 5, Королевские номера, где служу горничной с августа м[еся]ца прошлого года.

Не могу сказать, когда к нам в номера был помещен на жительство Михаил Романов, точно так же не знаю, кто ходил к Романову, а 12 на 13 сего июня полчасу двенадцатого ночью я стояла в коридоре и видела, как книзу спустился какой-то солдат с револьвером в руке и спросил, куда ему выйти на улицу. Кто-то ему сказал, но кто, не знаю. Затем спустились еще двое, с ними Джонсон. И все вышли на улицу, а более я ничего не видела.

Показание прочитано.

Степанида Ширинкина.

Я, гр[ажданка] Вологодской губ[ернии], Усольского уезда, Вашкурской волости Елизавета Васильевна Маширина, 21 года, замужняя, проживаю в городе Перми по Сибирской ул., д. № 5, Королевские номера, где служу в качестве судомойки семь месяцев.

Не помню, когда к нам в номера был помещен Михаил Романов и ходил ли кто к нему, я не замечала, а в ночь 12 на 13 сего июня приблизительно в начале первого часа я в коридоре мыла посуду, в это время ко мне подошел какой-то неизвестный мне солдат и спросил меня, где помещается Михаил Романов. Я провела его в № 18, где жил шофер Романова — Борунов, и постучала в дверь, а когда на стук вышел Борунов, я сказала ему, что требуют Михаила Александровича, и сама отошла, что было дальше, я не знаю, но видела, когда Михаила Романова и его секретаря Джонсона повели уже трое

неизвестных мне людей, которые держали в руках револьверы. Когда они вышли на улицу, то мы со слугой Романова Василием вышли на балкон, откуда видели, как неизвестные поехали на двух лошадях, но как они садились на лошадей, мы не видали.

Показание прочитано.

Лизавета Маширина.

Я, гр[ажданка] Петроградской губ[ернии], Царско-Сельского уезда, города Гатчины Серафима Семеновна Лебедева, 36 лет, служащая Петроградского О[бщест]ва электрических сооружений, проживаю в городе Перми по Монастырской ул. в д. № 4, кв. № 1.

До приезда в город Пермь я проживала в городе Гатчине Петроградской губ. по Екатеринбургскому проспекту в д. № 20, кв. № 1, в семье своих родителей. Из города Гатчины в Пермь я выехала 18 мая ст[арого] ст[илия] по личному желанию проводить мою хорошую знакомую, Веру Михайловну Знамеровскую, которая ехала в Пермь со своим сыном и братом ее мужа, Александром Людвиговичем Знамеровским. На жительство к мужу, который в Пермь был выслан из Гатчины. С Знамеровским я познакомилась в 1907 году, тогда он еще был не женат, а когда он женился, то взял мою хорошую знакомую. Знамеровский в то время служил начальником жандармского отделения на Северо-Западной ж[елезной] д[ороге]. 23 мая ст[арого] ст[илия] мы все прибыли в Пермь. Я сняла комнату, а Знамеровская с сыном и братом мужа остановилась в квартире мужа. Я ежедневно посещала семейство Знамеровских, потому что я в этом семействе столовалась; за все время, как я живу здесь, к Знамеровским никто не ходил. Романова я у Знамеровских тоже не видала, точно так же не видала никого из его слуг. Семейство Знамеровских тоже не посещало Романова, часто посещал только сам Знамеровский. 12 на 13 июня я находилась все время на своей квартире, что могут подтвердить квартирохозяева.

Показание прочитано.

Серафима Лебедева.

Я, гр[ажданка] Петроградской губ[ернии], Царско-Сельского уезда, города Гатчины Вера Михайловна Знамеровская, 32 лет, замужняя, проживаю в городе Перми по Кунгурской ул., д. № 8, кв. № 1.

Я проживаю здесь в Перми со своим мужем, который был выслан в Пермь из Гатчины, а потом поехала в Гатчину, чтоб привезти сюда сына, и обратно выехала 18 мая ст[арого] ст[иля] в сопровождении одной хорошо знакомой девицы, фамилия которой Лебедева. И брата моего мужа, Александра Знамеровского. В Пермь мы приехали 23 мая ст[арого] ст[иля]. Лебедева сняла здесь комнату на Монастырской ул., а брат моего мужа остановился у нас в квартире. Старого знакомства в Перми мы не имеем, и нас никто не посещал. Романов к нам в квартиру приходил только один раз, но это было еще до моего отъезда в Гатчину. Поручений из Гатчины к Романову нам никто не давал. В Пермь же приехали все, кроме Лебедевой, устроиться на жительство. Показание прочитано.

Опрошенная вторично 19 июня с[его] г[ода] Вера Михайловна Знамеровская добавила, что когда она поехала из Гатчины, то ей было поручено передать письма Михаилу Романову от падчерицы Романова, от Власова и еще несколько других. Всего пять писем.

Показание прочитано.

Вера Знамеровская.

Я, гр[ажданка] Пермской губернии, Чердынского уезда, села Бакчи Любовь Ивановна Мискурева, 22 лет, проживаю в городе Перми по Екатерининской ул., д. № 212 Тупициных, где служу прислугой.

(...) Михаил Романов Тупициных посещал довольно часто и подолгу засиживался, разговаривая с Сергеем Тупициным. Но каждый раз при моем появлении разговор прерывался, очевидно, разговор велся такой, что его могли слышать только близкие Тупициным люди. Тупицины также приготовили для Михаила Романова квартиру, которую готовили месяц два. С Романовым к Тупициным приходил также один раз князь Путятин и жена Михаила Романова с какой-то дамой. Тупициных Михаил Романов дарил, от него у них имеется много подарков, знакомством с Михаилом Романовым Тупицины

гордились. Кроме того, я замечала, что у них есть что-то тайное, и это тайное знают только знакомые Тупициных. Каковых у них много. Семейство Тупициных часто вслух высказывается, что они ждут свержения Советской власти, чтобы потом быть в милости у Романова, которому они пророчат быть царем.

Показание прочитано.

Любовь Мискурева.

РЦХИДНИ, ф. 555, оп. 3, д. 17, л. 49—50 об. Подлинник.

64. Протокол допроса С. В. Тупицина и П. Л. Знаменского

По постановлению Чрезвычайного Комитета по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем от 18 июня 1918 года мной, П. Ф. Меньщиковым, в помещении Арестного дома были опрошены в качестве обвиняемых по делу похищения из гостиницы Королевские номера Михаила Александровича Романова нижеследующие лица, причем опрошенные показали:

Я, гр[ажданин] Пермской губернии и уезда, города Перми Сергей Владимирович Тупицин, 19 лет, холост, служащий постройки Университета в городе Перми, проживаю в городе Перми по Екатерининской ул[ице], д. № 212 свой.

С Михаилом Александровичем Романовым я познакомился, когда Романов в сопровождении Джонсона и его жены приехал осматривать квартиру, которую хотел снять у нас для себя, а потом я периодически заходил к Романову для решения некоторых технических вопросов, связанных с наймом квартиры, ходил также со мной и муж моей сестры Добродин Александр Матвеевич, который проживает по Вознесенской ул. *, дом свой. Бывал после этого и Романов у нас. При посещении мной Романова я никого не видел. Знакомы с Романовым были также и Николаева Алиса Павловна, которая проживает по Покровской ул., д. № ... Мужа Николаевой звать Георгий

* Ныне ул. Луначарского.

Сергеевич, который тоже был знаком с Романовым. В ночь 12 на 13 июня с[его] г[ода] я находился дома, что могут подтвердить наша прислуга — квартирантка Падалка Вера Августовна. О похищении Романова мне стало известно на другой день, когда к нам приходили производить обыск. Мое первоначальное мнение о похищении Романова было таково: я думал, Романов просто арестован, но потом, когда стали по городу фигурировать официальные слухи, то мне стало ясно, что Романов действительно кем-то похищен, но кем, я даже предположить не могу, потому что это было для меня неожиданно, ибо только накануне Джонсон говорил, что завтра он придет к нам для окончательного переговора относительно квартиры, никаких других разговоров я с Романовым не вел.

Тупицын *.

Я, гражд[анин] Петроградской губ[ернии], Царско-Сельского уезда, города Гатчины Петр Людвигович Знамеровский, 46 лет, женат, проживаю в городе Перми по Кунгурской ул., д. № 8.

Я в город Пермь был выслан из города Гатчины, где служил начальником жандармского отделения на Балтийской ж. д. За полтора года до революции я перешел на службу в Министерство путей сообщения уполномоченным министра по расследованию злоупотреблений по перевозке, где и служил до 1917 года до конца апреля, а потом уходил на фронт недолго; по болезни был отпущен и снова жил в Гатчине. Но 7 марта [1918 года] по н[овому] ст[иллю] был арестован и вместе с б[ывшим] великим князем Мих[айлом] Романовым был выслан в Пермь. Вначале содержался с Романовым вместе в Клубных номерах, а потом, когда были освобождены, то снял квартиру и жил отдельно от Романова, который жил тогда в гост[инице] Королевские номера. Я его посещал довольно часто, бывали вместе и на прогулках. За все время, сколько я бывал у Романовых, его посещали Тупицыны, Алины. Но я с ними никогда не встречался. На Фоминой неделе в субботу моя жена уехала в Гатчину, чтобы оттуда привезти сюда сына. Обратной приехала дней через пятнадцать и привезла к Романову несколько

* Подпись отсутствует.

писем. От Котона, от его б[ывшего] камердинера, от Владова. Про эти письма мне говорила жена. Может быть, еще были письма, но я не смотрел и передал их, не зная, сколько их есть.

12 на 13 июня с[его] г[ода] я находился днем с 6 вечера до 9 у Романова, а ночь спал дома. О похищении я узнал на другой день, т. е. 13 июня, когда я стоял в церкви, и оттуда я прошел прямо в номера, где жил Романов, а там мне рассказали все, как это произошло. Мое личное предположение, что его могли взять люди просто злонамеренные, озверевшие. Это было мое первое впечатление, а потом я предполагал, что могли это сделать и какие-нибудь монархические организации. Но есть и предположение, что это сделано центральной Советской властью без ведома местных властей.

Знамеровский *.

РЦХИДНИ, ф. 688, оп. 3, л. 17, л. 60—61 об. Подлинник.

65. Сообщение газеты «Известия Пермского окрисполкома Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов»

15 июня 1918 г.

ПОХИЩЕНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА

В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской **.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после по-

* Подпись отсутствует.

** Ныне ул. 25-го Октября.

хищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуны и в Уральский областной Совет.

Производятся энергичные розыски.

Известия Пермского окрисполкома Совета раб., крест. и арм. деп.— 1918.— 16 июня.— С. 4.

66. Телеграмма Матвеева, бывшего управляющего именьями великого князя Михаила Александровича, С. В. Тупицину

16 июня 1918 г.

Срочная: Сергею Владимировичу Тупицину. Пермь, [ул.] Екатерининская, [д.] 212.

[Из] Петрограда, Зимнего дворца.

Очень обеспокоен, сообщите подробности и где служащие: Петр [Борунов], Василий [Челышев], также вещи. Наталия Сергеевна [Брасова] просит, если возможно, приехать, захватив оставшиеся вещи.

Матвеев.

РЦХИДНИ, ф. 538, оп. 3, д. 17, л. 78. Телеграф. бланк.

67. Из протокола допроса гражданки В. И. Кулеш, обвиняемой в тайном сговоре с Михаилом Романовым и подготовке его побега

... июня 1918 г.*

(...) Начинаю помнить свое детство лет с пяти, и первое, что мне помнится, это семейные неурядицы и частовременные эксцессы, происходившие между моими прием-

* Дата написана неразборчиво.

ными родителями, а именно: я помню надо мной всевозможные издевательства со стороны моего приемного отца, а тем более одной из прислуг, оказавшейся его сожительницей, которая после всяких издевательств вырвала мне у глаз ресницы. (...)

Живя, как указано, с детства с супругами Кулеш, я думала, что я их родная дочь, и когда посторонние люди, прислуга и прочие мне говорили, что я княжна или принцесса, то я слухам этим все время не верила и не придавала им никакого значения, а понимала эти звания или в величие или в насмешку. Когда же я стала поступать в училище, то по книгам действительно оказалось мое имя Булгаковской Верой Ивановной, под каковой фамилией я проходила свое учение; после предварительной подготовки на дому я поступила в Виленский Дворянский институт, где училась два года, потом родители перевели меня в Свенцанскую Мариинскую прогимназию. Там проучилась я один год, не перейдя во второй класс, оставшись на второй год, меня перевезли родители в гор. Вильно, в Виленскую частную гимназию Виноградовой, где проучилась также один год, этот год уже был в начале войны, почему я была вынуждена забросить свое учение (...). По случаю охвата Виленской губернии военным положением мы были вынуждены выехать из Вильно и уехать в гор. Владимир (...). Я уехала тайком от матери в гор. Александров Владимирской губ. по собственному усмотрению, желая испытать свободную жизнь, и поступила в практикантки для прохождения курса и получения права учительницы. (...)

В Александрове, прожив два месяца, я уехала на фронт с офицером 545-го Актырского полка Михаилом Ерофеевым по его приглашению, на фронте я была только три недели ввиду того, что Ерофеев стал меня ревновать к другим офицерам, находящимся в нашей землянке. По выезде с фронта в гор. Полоцк я обратилась в милицию с просьбой выдать мне документы для отъезда на родину. Получив нужное, я поехала домой. На фронте я была вольноопределяющим под фамилией Елисей Заалов. (...) Я сама при записи меня в вольноопределяющие объявила, что меня зовут Елисей Заалов, в воспоминание двух любимых мною офицеров, фамилии которых одного — Елисеев, а другого — Заалов. (...)

Через месяц мы с мамой поехали в гор. Юрьев-Польский, прожив здесь четыре месяца, я также тайком от

мамы уехала в Тифлис по собственному желанию, причем об этой поездке никто не знал и никто не стоваривал (...). Прожив здесь два месяца, заболела и уехала домой к маме Айт. Кудеш (...). Пробыв у матери до марта месяца, я уехала 10—12 марта от мамы также тайком в гор. Камышлов Пермской губ., но по дороге остановилась в Перми по случаю предложения мне некоего грузина Цквирашвили, торговца шелковыми материями, проживающего в гостинице Боярский двор, который обещал дать мне место службы в земстве или управе. Остановившись в гостинице Боярский двор, я прожила здесь в отдельном номере один день, а потом нашла квартиру, как указано, Кунгурская ул., д. 5, кв. 1, комнату в квартире некоего полковника Егорова. (...)

Пробыв на квартире Егорова дня два, я пошла в Первый участок милиции, где явилась к Барандохиному с просьбой выдать мне паспорт или какой-нибудь вид на жительство. По предъявленному мной удостоверению личности с фотографической карточкой, Барандохин приказал выдать. Через несколько дней я послала ему визитную карточку, в которой просила прийти его ко мне на квартиру, на мою просьбу он пришел ко мне в первый день Пасхи, т. е. 22 апреля с[тарого] стиля или 5 мая нового стиля, приглашала его без всякой цели, желая с ним познакомиться ввиду моего пристрастия к нему при первой встрече, т. е. при просьбе у него паспорта. Просидев у меня часа три, мы вместе с ним пошли к нему в гостиницу Урал, где проживал в то время Барандохин. У Барандохина я пробыла суток двое или трое, только урывками посещая свою квартиру, после этого мы разошлись с ним в дружеских отношениях, которые продолжались у нас до дня моего ареста, который произошел в квартире Барандохина при следующих обстоятельствах.

В субботу на Страстной неделе я здесь в Перми на неизвестной мне улице увидела одного знакомого офицера Ерофеева, в сопровождении неизвестного мне офицера (...). На другой день утром часа в четыре они пришли [ко мне] в сопровождении неизвестной мне барышни в полупьяном виде и принесли с собой вина (...) в количестве 8 бутылок; разговор был весьма веселый, мы много шутили, смеялись и во время этого разговора мною была сказана следующая фраза: «Я всеильна, могу поднять весь город на ноги», на эту фразу все засмея-

лись, этот смех задел мое самолюбие, и я стала доказывать, что это для меня возможно, в это время незнакомый мне офицер предложил пари в сто (100) руб., я согласилась (...). Потолковав еще кой о чем, они ушли, а я легла спать.

Проснувшись часов в 9 утра, я встала и через несколько минут пришел Барандохин, с которым, как указано выше, мы проразговаривали часа три и ушли к нему в гостиницу Урал, откуда мы ездили с ним на его вторую квартиру, нанимаемую у неизвестного мне молодого человека лет восемнадцати [по имени Митя], где Барандохин представил меня как сестру (...).

На пятый день Пасхи я вспомнила о пари с офицерами, взяв книгу «Похождения княжны Таракановой», и по этой книге я составила план для выигрыша пари, надеясь на благополучный исход. По прочтении книги я пошла в Исполнительный Комитет и застала там Башкирова (...) и обратилась к нему со словами, что «мне нужно переговорить с вами по секрету (...), что сейчас же необходимо ехать на пристань и арестовать княжну Голицину с ее слугой, имеющим переписку к Михаилу Романову от Татьяны Романовой». (...)

Спустя некоторое время я пошла к Барандохину, где вела загадочный разговор, называя себя героиней и политической деятельницей, предлагала ему свою поддержку в политической карьере. (...) После этого с ним разговора я ушла к Мите и сказала ему, что Барандохину грозит опасность, от которой может его спасти только его помощь (...). На это он ответил: «Чтобы выручить вашего брата, я готов на все», затем он взял перо, конверт и бумагу и начал писать диктованное мною письмо (...) (все это было мною вымышлено ради выигрыша пари с поднятием города на ноги).

Шутовский шифр (...) в заключении письма был написан моей рукой, смысл которого я сама не знаю и не понимаю. Закончив это письмо, я взяла его и ушла домой. Видя, что город по настоящее время моей выдумкой не встревожен и жизнь идет обыкновенно, я поехала в Чрезвычайный Комитет и заявила дежурному члену о приезде княжны Голицинной с перепиской и прочее, он вызвал Малкова и Воробцова и вместе с ними я поехала во все пермские гостиницы и номера с проверкой новоприбывших, обыскав все гостиницы и, конечно, ничего не найдя, они возвратились в Чрезвычайный Комитет, а я

пошла к Барандохину, где я ему рассказала всю историю от начала до конца, говоря, что пари я выиграла и всех оставила дураками, при этом мы долго с ним смеялись над недогадливостью власти, как то: Исполнительного Комитета и Чрезвычайного Комитета (...). В смехе и рассказе я положила ему на стол канцелярский пакет со следующей надписью: «Михаилу Александровичу Романову в собственные руки, секретно, немедленно». На углах обеих сторон пакета была приложена сургучная печать с оттиском козлика и собачки, снятым с пресс-папье, принадлежащего Мите, во время этого разговора в комнату поступали, Барандохин поспешил открыть дверь, я же в это время спряталась под одеяло стоящей в комнате кровати.

В комнату зашли Малков с Воробцовым (...) и попросили меня встать, на их просьбу я попросила их выйти из комнаты, что они и исполнили. Когда они вышли, я закрыла за ними дверь на замок и, налив стакан обыкновенной питьевой воды из стоящего на столе графина, открывая двери, начала ее пить. Барандохин выхватил стакан и бросил его на пол, так что стакан разбился, я села в кресло и засмеялась. «Вы арестованы, княжна Голицина, идите с нами», — шутя и смеясь сказал Малков, а я еще больше расхохоталась, думая, что они шутят. (...) Затем Малков обратился к Барандохину со следующими словами: «Миша, ты обещаешь к 10 часам утра доставить ее нам?» Барандохин на это ответил: «Я против нее бессилён, берите сами». Затем Барандохин стал грубо убеждать меня следовать за ними. Я, видя, что и Барандохин против меня, взволновалась, схватила лежащий на столе барандохинский кортик и со словами: «И ты против меня, изменник, я тебя убью» — бросилась на него с кортиком. Малков и Воробцов выхватили из карманов револьверы и направили на меня. Видя Барандохина под их защитой, я направила кортик себе в грудь, причем сильно разрежала себе фуфайку (...).

Выйдя в подъезд, я, Малков и Воробцов с веселым смехом и шутками сели на ожидаемого их извозчика и поехали. Во время езды я положила руку в карман с целью вынуть записку мою к Барандохину, написанную накануне и объясняющую пари, Малков же, видя это, соскочил с извозчика и побежал по тротуару, Воробцов же с револьвером в руках соскочил на подножку пролетки и застыл в недоумении и страхе, я же спокойно выну-

ла из кармана записку, положила ее в рот и погрызла, затем выплюнула. Видя все это, они со смехом возвратились на извозчика и, продолжая шутить, привезли меня в Чрезвычайный Комитет, где посадили меня в роскошную комнату и шутя продолжали разговаривать.

Так продолжалось до прихода неизвестного мне человека, оказавшегося начальником Чрезвычайного Комитета, который по приходе сразу же начал прислушиваться к нашему разговору и уловил мою фразу: «Как легко вас околлачить, шутку вы приняли за политический разговор, я еще вас не так проведу, эх вы». Тогда начальник сказал: «Товарищи, что вы слушаете ее, отправьте в тюрьму (...)». И через несколько минут под шутки и поклоны присутствующих я с двумя конвоирами уходила из Чрезвычайного Комитета. По приходе в Арестный дом меня посадили в одиночную камеру, где я начала нервничать и, как говорят, разбила стекла и ела их.

С приходом комиссара мест заключения Меньщикова в сопровождении врача все изменилось. Врач велел немедленно отправить меня в больницу, на что комиссар Золотилов ответил: «Это очень важная политическая преступница, и мы не имеем права без Чрезвычайного Комитета распорядиться ею». Дня через три-четыре меня повели в Чрезвычайный Комитет, и на все их вопросы я отвечала им дерзостями или молчанием, и опрос мой был безрезультатен. (...) После этого я была обратно отправлена и по дороге побежала от конвоиров, сопровождавших меня, они бросились за мной и один из них выстрелил два раза в воздух. Я в это время подскользнулась и упала, они же догнали и взяли меня и пошли в Арестный дом. Просидев здесь дня два-три, я решила повеситься, что и сделала, но старший надзиратель Вяткин своевременно пришел в камеру и вынул меня из петли в бессознательном состоянии. Второй же раз меня водили на допрос в Чрезвычайный Комитет в шесть часов вечера, спустя дней 6—9 после первого допроса. (...) Воробцов, ведущий мое дело, из-за головной боли отказался приехать, на это ему предложили меня прислать к нему на квартиру, но я воспротивилась, тогда он отдал распоряжение оставить меня в канцелярии Комитета до утра, где я и провела ночь. Часов в 9—10 утра он пришел в Комитет и объявил мне, что дело передано в революционный трибунал, и отправил вторично в Арестный дом.

К вышеизложенному добавляю, что (...) в Королев-

ских номерах я была приблизительно на четвертый день Пасхи к секретарю Михаила Александровича Романова (фамилию которого я не знаю), приходила я передать привет от его знакомых.

Швейцара Михаила Александровича я не знаю и не знала и ничего с ними общего не имею. Михаила Александровича Романова я также совершенно не знаю. Княжной Голицыной я писалась на визитных карточках по собственному желанию, не имея на это никакого умысла.

Показание читала Вера Ивановна* Булгаковская-Кулеш.

Член комиссии**.

РЦКДНИ, ф. 688, оп. 3, д. 17, л. 50—54. Подлинник.

68. Из решения следственной комиссии Пермского революционного трибунала по делу*** В. И. Кулеш

В Пермский окружной Чрезвычайный Комитет по борьбе с контрреволюцией и саботажем
18 июня 1918 г.

(...) Следственная комиссия считает необходимым сообщить, что, соглашаясь с заключениями экспертов — психиатра и педагога — о крайнем расстройстве нервной системы гр. Кулеш на почве слишком раннего начала ее половой жизни (с 13 лет) и как последствием сего — слабым умственным развитием, склонностью ко лжи и т. п., она безусловно согласна на прекращение сего дела и на высылку гр. Кулеш в административном порядке из пределов Уральской области, если только мистификация гр.

* В следственных материалах Вера Булгаковская-Кулеш проходит под разными отчествами — то Ивановна, то Павловна.

** Подпись неразборчива.

*** Дело В. Кулеш, психически неуравновешенной молодой особы, не требует особых комментариев, судя по протоколу допроса, и красноречиво говорит само за себя, ярко характеризую эпоху — как на государственном, так и на бытовом уровне. Трагизм ситуации за-

Кулеш не имеет непосредственной связи с побегом гр. Михайла Романова.

Председатель.

Секретарь *.

РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, л. 17, л. 129. Подлинник.

69. Телеграмма председателя Уральского облсовета А. Г. Белобородова в Совнарком о введении тюремного режима в Алапаевске в связи с побегом Михайла Романова

22 июня 1918 г.

3 адреса: Москва, Чрезвычайная Комиссия, Дзержинскому.

Совнарком, Бонч-Бруевичу. Председателю [В]ЦИК Свердлову.

[Из] Екатеринбурга Елизавета Федоровна⁷⁷ переведена [в] Алапаевск. После побега Михайла Романова [в] Алапаевске нашим распоряжением [по] отношению всех содержащихся лиц Романовского дома введен тюремный режим.

Предоблсовета Белобородов.

ГА РФ, ф. 130, оп. 2, л. 1109, л. 35. Телеграф. бланк.

70. Из хроники газеты «Свободный путь»

2 июля 1918 г.

МИХАИЛ РОМАНОВ

Москва. 21 июня. «Нашей Родине» сообщают из Вятки: «Здесь распространились слухи, что Михайл Романов

ключается в том, что В. Кулеш, выдававшая себя за княжну Голицыну и подозреваемая в связи с этим в причастности к побегу Михайла Романова, была приговорена к «содержанию под стражей в Пермской губернской тюрьме» и, скорее всего, впоследствии расстреляна.

* Подписи неразборчивы.

находится в Омске и принял главенство сибирскими повстанцами. Им якобы издан манифест к народу с призывом к свержению Советской власти и обещанием созвать Земские соборы для решения вопроса, какая власть необходима России».

ПРОВОКАЦИОННЫЕ СЛУХИ ОБ УБИЙСТВЕ НИКОЛАЯ РОМАНОВА

Главнокомандующий Северо-Уральским фронтом Берзин⁷⁸ телеграфирует из Екатеринбурга, что после осмотра помещения бывшего царя оказалось, что он и его семья живы и содержатся под охраной караула.

Свободный путь (Пермь).—1918.—2 июля.— С. 1.

71. Из хроники газеты «Голос Кунгурского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов»

1 августа 1918 г.

МОНАРХИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ

В Херсонской губернии ведется полами усиленная монархическая агитация. В церквях разбрасываются прокламации, в которых говорится, что «жид» Керенский погубил Россию и что спасение в Михаиле.

Голос Кунгурского Совета крест., раб. и солд. деп. (Пермская губ.).—1918.—1 августа.— С. 3.

72. Телеграмма Пермской ЧК в Совнарком РСФСР об участии прислуги Романовых

7 августа 1918 г.

[В] тюрьме находится прислуга Романовых, ходатайствует об освобождении. Телеграфируйте, как поступить. Чрезком Воробьев.

ГА РФ; ф. 130, оп. 2, д. 1109, л. 44. Телеграф. бланк.

Михаил с сестрой Ольгой

Михаил с воспитателем-англичанином

Михаил Александрович. 1894 г.

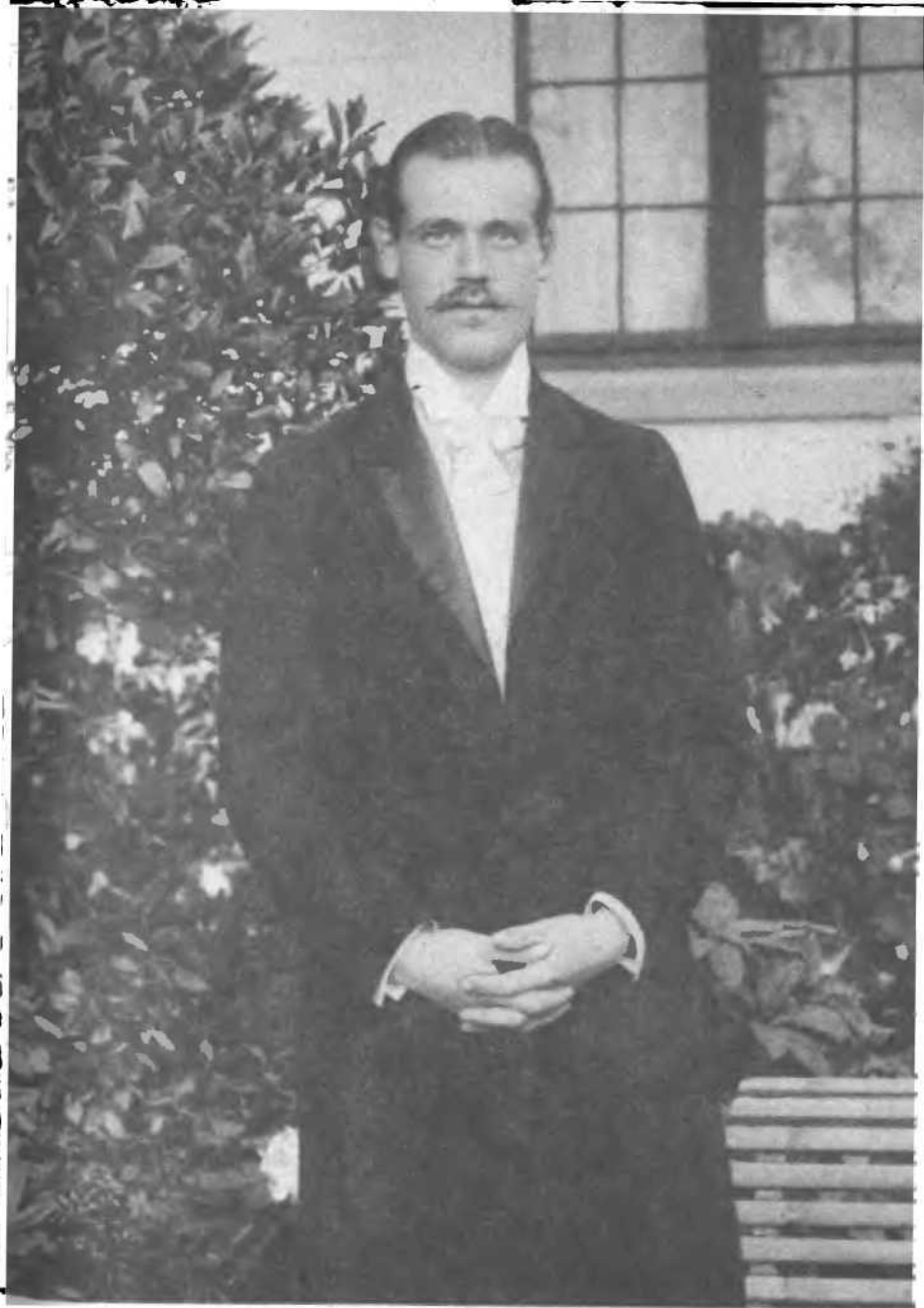
Великий князь Михаил Александрович. 1903 г.

Великий князь Михаил Александрович на костюмированном балу. 1903 г.

Михаил Александрович в г. Орле. 1908—1909 гг.

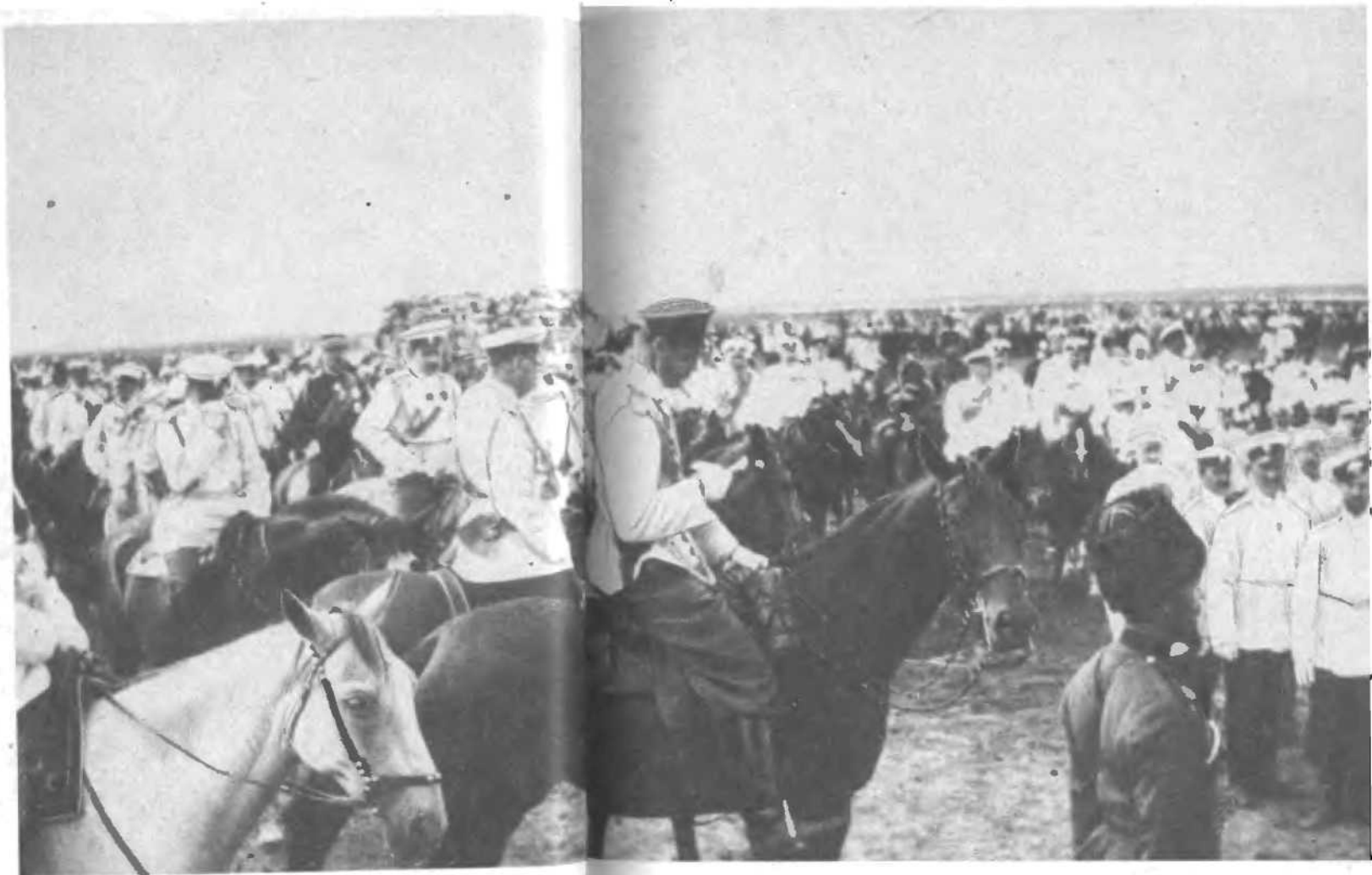
Михаил Александрович в Дании.

Михаил Александрович Романов

На Юго-Западном фронте в Галиции

На военных маневрах в Красном Селе

Михаил Александрович у здания госпиталя. Юго-Западный фронт. 1916 г.

Михаил Александрович Романов

Михаил Романов и Наталья Брасова на императорской яхте

На прогулке

СХЕМА

предназначенного пути следования экипажей

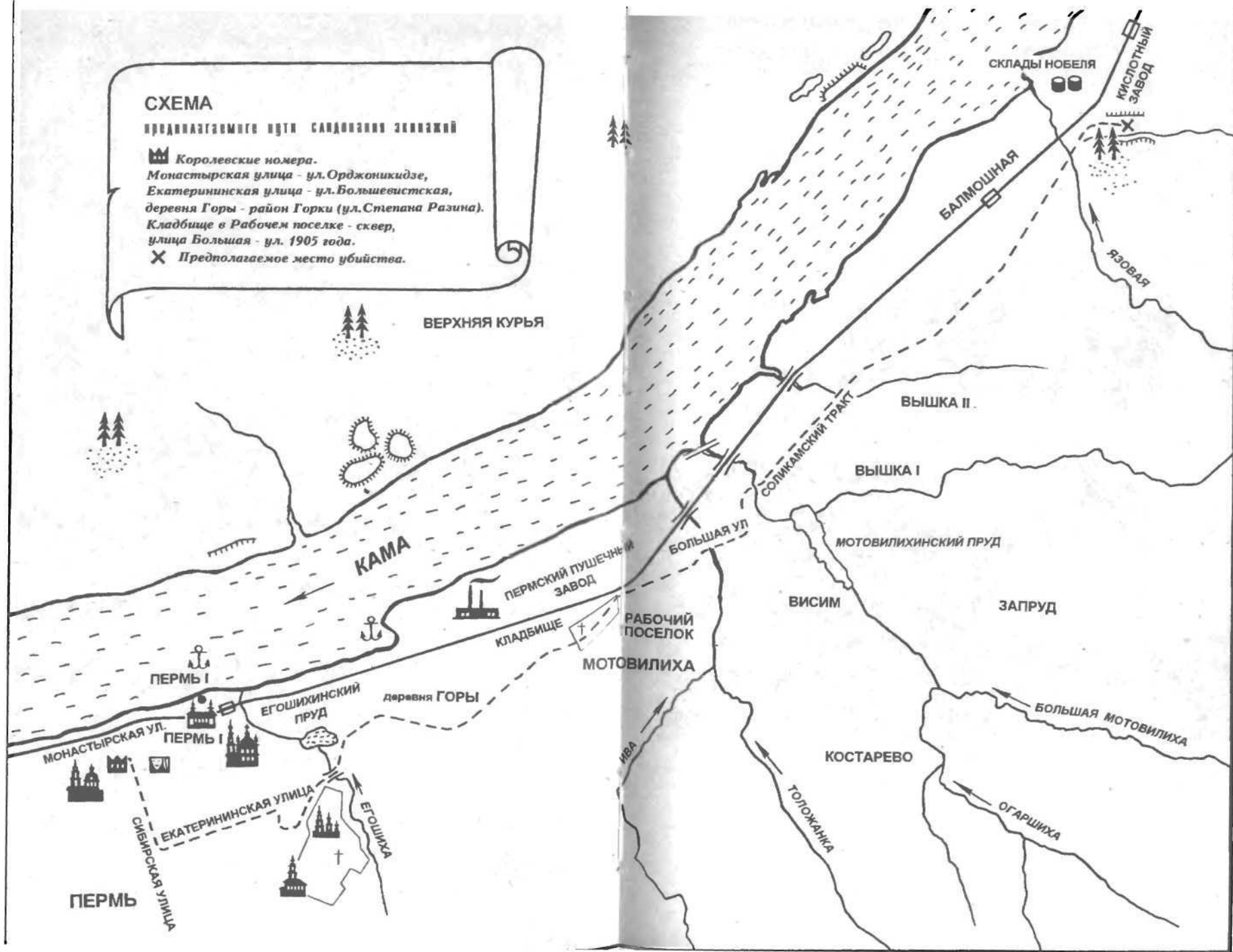

Королевские номера.

Монастырская улица - ул.Орджоникидзе,
Екатерининская улица - ул.Большевикская,
деревня Горы - район Горки (ул.Степана Разина).

Кладбище в Рабочем поселке - сквер,
улица Большая - ул.1905 года.

X Предполагаемое место убийства.

Михаил с женой Натальей

Михаил Александрович Романов

**Танся Васильевна Алина, купчиха, владелица мехового магазина
на ул. Сибирской**

Александр Семенович Алин, купец 2-й гильдии

Александр Александрович Алин, сын купца

Агния Александровна Алина, дочь купца

Георгий Игнатьевич Кобяк, потомственный дворянин, почетный гражданин г. Перми, изобретатель электролитной воды

Берег Камы в окрестностях Перми, место прогулок М. Романова

**Родовой дом владельцев фосфорного завода Тупицных
(ул. Екатерининская-Большевистская) в Перми**

По описью:

По настоящей М
, архивной М

ДЕЛО

О Губацкии Е. Великая
изд. Кирдана Александровича
Романова из Гостиницы
Королевских номеров.

Началось 10 Января 1918 года.

Кончилось _____ 191 _____ года.

На _____ листах.

Дело Пермской ЧК «О похищении Михаила Романова из гостиницы Королевские номера». 1918 г.

Участники расстрела великого князя Михаила Романова и его секретаря Николая Джонсона: слева направо — А. В. Марков, Н. В. Жужгов, Г. И. Мясников, В. А. Иванченко, И. Ф. Колпацников, А. А. Миков. 1924 г.

**Участники расстрела великого князя Михаила Романова и его секретаря
Николая Джонсона**

Тракторная дорога через Разгуляй на Мотовилиху

Старое кладбище в Разгуляе

Предполагаемое место расстрела Михаила Романова у Соликамского тракта в районе Мотовилихи, 1995 г.

73. Телеграмма Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова в Пермскую ЧК об участии прислуги Романовых

21 августа 1918 г.

Пермь. Чрезвычайная Комиссия. Воробьеву.

Относительно прислуги Романовых предоставляю поступить [по] вашему усмотрению согласно обстоятельствам.

Председатель ВЦИК Свердлов.

ГА РФ, ф. 1235, оп. 93, л. 36, к. 406. Отпуск.

74. Сообщение газеты «Известия Пермского губисполкома»

11 сентября 1918 г.

К РАССТРЕЛУ ЗАЛОЖНИКОВ

В редакцию доставлен следующий дополненный с более подробными сведениями список заложников, расстрелянных по постановлению губчека:

1. Лебедь Георгий Сигизмундович (бывший штабс-ротмистр). 2. Приемских Николай Николаевич (горный инженер). 3. Шардаков Николай Афанасьевич (служащий железной дороги). 4. Мартыни Тадэуш Леонардович (инженер-технолог, помощник управляющего Юго-Камского завода). 5. Крупский Сгибней Андреевич (помощник управляющего Юго-Камского завода, горный инженер). 6. Кобяков Степан Степанович (завед. мартеновским цехом Юго-Камского завода). 7. Рейнек Эндель (бывший офицер, к-р 4 роты эстонского полка). 8. Бурмакин Дмитрий Андреевич (бывший начальник Кизеловской каторжной тюрьмы). 9. Шелковский Петр Иосифович (чиновник военного времени). 10. Спешилов Александр Леонтьевич (приказчик). 11. Лубяненко Михаил Петрович (бывший прапорщик). 12. Пашкин Виктор Павлович (помощник начальника тюрьмы). 13. Чердынцев Анатолий Никандрович (бывший подполковник). 14. Егоров Федор Николаевич (бывший жандарм, полковник). 15. Токачев Егор Еремеевич (охранник Котлас-

ской охранки). 16. Ерьянц Георгий Авдеевич (бывший офицер). 17. Козубенко Михаил Андреевич (начальник станции Лысьва). 18. Венштейн Александр Александрович (приказчик). 19. Безенкович Георгий Петрович (бывший пристав). 20. Новиков Виктор Иванович (бывший подпоручик). 21. Иванова Евгения Ивановна (учительница, сестра милосердия у Дутова). 22. Ивачев Николай Дмитриевич (бывший прокурор суда). 23. Харламов Владимир Иванович (начальник тюрьмы). 24. Фаддеев Иван Осипович (бывший урядник). 25. Чельшев Василий Федорович (монах). 26. Волков Алексей Андреевич⁷⁹ (слуга Николая II). 27. Шнейдер Екатерина Адольфовна. 28. Гендрикова Анастасия Васильевна. 29. Шатунов Василий Иванович (бывший офицер). 30. Ниголь Август Карлович (эстонский пастор). 31. Клуш Иона Андреевич (помощник пристава). 32. Кузнецов Петр Егорович (бывший жандарм). 33. Казаков Иван Михайлович (бывший жандарм). 34. Гильков Александр Александрович (бывший прокурор суда). 35. Дробинин Андрей Кузьмич (бывший жандарм). 36. Федосеев Иван Афанасьевич (бывший жандарм). 37. Скуев (бывший исправник). 38. Федотов Федор Павлович (бывший охранник и жандарм Петрограда). 39. Сипягин Владимир Васильевич (правый эсер). 40. Дюпин Матвей Петрович (правый эсер). 41. Пенчук Вацлав Семенович (инженер). 42. Аландер Георгий Петрович (помощник начальника тюрьмы).

Известия Пермского губисполкома.—1918.—11 сентября.

75. Сообщение Пермской ЧК «Задержание Михаила Романова»^{*}

18 сентября 1918 г.

После побега бывшего великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской губернской Чрезвычайной Комиссии были разсланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила Романова. 12 сентября в

^{*} Данное сообщение ЧК в газете было забито черной типографской краской (текст под заштамповкой читается в лабораторных условиях). В губернских газетах за этот день видны белые места, что говорит о снятии материала в самый последний момент.

[10] верстах от Чусовского завода, по Па[шийскому] тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на двоих проходящих по направлению к [Пашийскому] заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них, высокого роста, с русой бородой «буланже», особенно обратил на себя внимание. Агент потребовал от этих лиц предъявления документов. Последние оказались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности.

После ряда сбивчивых показаний на допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были загримированы), им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим, что они сделать отказались. От[аваясь] уверенными, что опрашиваемые нами лица загримированы, мы силой заставили их снять грим. После снятия грима нами были опознаны в них бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, которые тотчас были заключены под сильную охрану.

По делу побега ведется в спешном порядке следствие, результаты допроса будут опубликованы.

Председатель Пермской губернской Чрезвычайной Комиссии П. Малков.

Известия Пермского уездного исполкома Совета крест. и раб. дел.— 1918.— 18 сентября.— С. 4.

76. Телеграмма РОСТА* по прямому проводу из Москвы в Киев о задержании Михаила Романова и его секретаря Н. Н. Джонсона

20 сентября 1918 г.

Пермь. 18 сентября. В 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского губчрезкома задержаны Михаил Романов и его секретарь. Они препровождены в Пермь.

ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 529, л. 198. Телеграф. бланк.

* Российское телеграфное агентство создано в сентябре 1918 г. на основании постановления ВЦИК; объединило Петроградское телеграфное агентство, Бюро печати при ВЦИК и все др. советские информационные учреждения в стране и за границей.

77. Сообщение газеты «Известия Пермского губисполкома»

9 октября 1918 г.

В ОТВЕТ НА ПОКУШЕНИЕ

По постановлению Пермской губчека по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, расстреляно 37 заложников: одни — за их явную контрреволюционную деятельность, другие — в ответ на покушение на членов Чрезвычайной Комиссии. Расстреляны следующие лица:

1. Знамеровский Петр Людвигович, бывший жандармский полковник;
2. Знамеровская Вера Михайловна, его жена;
3. Лебедева Серафима Семеновна, служащая Петроградской центр. электрической станции, соучастница в побеге Михаила Романова;
4. Смирнов;
5. Мальцев;
6. Борунов Петр Яковлевич, бывший слуга Михаила Романова.

Известия Пермского губисполкома. — 1918. — 9 октября.

78. Сообщение из сводки РОСТА

21 октября 1918 г.

БРАСОВА В КИЕВЕ

Как нам сообщают, в Киев приехала жена бывшего великого князя Михаила Александровича графиня Брасова. После побега Михаила Александровича из Перми она была арестована в Петрограде. Впоследствии после ряда хлопот друзей графине Брасовой удалось выехать из пределов России и она направилась в убежище «бывших людей», в Киев. В германской Орше Брасова была встречена с большим почетом местными германскими

властями. Для следования в Киев ей был предоставлен офицерский вагон.

ГА РФ. ф. 391. оп. 6, д. 161, л. 45. Подлинник.

**79. Рапорт начальника Уголовного розыска г. Перми
Б. Н. Ярославцева прокурору Пермского окружного
суда**

*6 февраля 1919 г.
Пермь.*

Согласно публикации Вашей, помещенной в местных газетах, имею честь доложить Вам, господин прокурор, некоторые данные, известные мне об исчезновении великого князя Михаила Александровича Романова из Королевских номеров.

В последних числах мая ст[арого] ст[илия] прошлого года, около 12 часов ночи я как начальник Уголовного розыска города Перми был вызван в Чрезвычайную Комиссию, где мне сообщили, что около часу тому назад под видом ареста был похищен великий князь и куда-то увезен. Предполагалось похищение его крайними левыми организациями или анархистами. Поэтому мне было предложено принять все меры к выяснению этого обстоятельства.

Явившись в Королевские номера, в помещение, занимаемое великим князем, я установил, что трое неизвестных лиц, вооруженные револьверами, предъявили комиссару номеров ордер от Чрезвычайной Комиссии на право ареста великого князя, после чего один из них с обнаженным револьвером стал у телефона, находящегося около парадного входа, не выпуская никого; войдя в номер, занимаемый великим князем, предложили ему немедленно одеться в самой грубой форме, несмотря на то, что великий князь был болен и почти не вставал с постели, и затем вывели его на улицу и посадили в закрытый экипаж, стоявший несколько в отдалении от парадного подъезда, и увезли его по направлению к вокзалу по Торговой улице.

Данные сообщаются мной на основании показаний прислуги номеров, наблюдавшей из окон. Один из произ-

водивших арест великого князя обращал на себя внимание грубыми окриками, высоким ростом, с лицом, носившим на себе следы оспы и беспорядочно обросшим бородой и усами.

После отправления великого князя, вооруженный, стоявший на парадном входе, вышел и скрылся, и вслед за этим комиссар номеров запросил Чрезвычайную Комиссию об этом аресте, причем ему ответили, что никакого ордера не выдавалось, и прибывшие вслед этим агенты Чрезвычайной Комиссии, во главе с председателем последней Малковым и председателем губернского исполнительного комитета Сорокиным, констатировали факт исчезновения великого князя и дали распоряжение воинским частям оцепить вокзалы, пристани, трактовые дороги и берег Камы, опросили всех постовых милиционеров о дальнейшем следовании закрытого экипажа с великим князем, но все поиски остались без результата.

Угнетенное состояние бывших на расследовании представителей Чрезвычайной Комиссии, а также и председателя Сорокина дало мне повод думать, что, действительно, похищение великого князя было для них весьма неожиданно и, как видно, вовсе не входило в их планы действия.

Вскоре после этого я был арестован как контрреволюционер, и собрать дальнейших данных по этому делу не представлялось возможным.

Начальник Уголовного розыска г. Перми Ярославцев.

Гибель царской семьи: Сб. документов/Сост., ред., коммент. Н. Росса.— Изд. «Посев» (ФРГ), 1988.— С. 141—142.

80. Протокол допроса А. С. Ребухина ⁸⁰

1919 года, февраля 11 дня, помощник начальника Военного контроля штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса надворный советник Кирста ⁸¹ производил допрос гражданина Александра Семеновича Ребухина, жительствоующего: Мотовилиха, Кладбищенская, № 23, по делу архиепископа Андроника, в качестве обвиняемого, который показал:

При поездке в деревню Ключики, по Казанскому трак-

ту, за провизией к моему бывшему дорожному мастеру уездного земства Кондратию Павлову Каменских со мною ехали в ту же деревню Плешков Алексей Иванович⁸² и Береснев Иван Петрович⁸³. Первый был начальником милиции Мотовилихи и уволен коммунистами как социал-революционер. Он был во время существования волостного земства председателем волостной управы. Дорогой Плешков, Берсенев и я выпили спирта, который был у Плешкова и Берсенева. После выпивки мною был задан вопрос Плешкову: за что его уволили из милиции? Он мне сказал, что у него личные счеты с помощником начальника милиции, с коммунистом Жужговым⁸⁴. Несмотря, говорит, на то, что мы с ним сделали такое дело, как арест великого князя Михаила Александровича.

Я стал спрашивать Плешкова: «Как было дело? Расскажи», — говорю. Он мне начал рассказывать, что они ночью приехали в номера, где помещался великий князь, забрали его и увезли на Сибирский тракт, а там свернули в сторону и велели ему выйти. Далее он рассказывал мне, что Жужгов хотел выстрелить в него, но у него сделалась осечка, то есть револьвер не выстрелил, и в это время великий князь взял его за шиворот и повалил под себя, — «и когда, говорит, я выстрелил в князя, тогда только Жужгов освободился».

Когда я спросил Плешкова, в каком месте точно это было, он мне сказал: «Ну, это я тебе не скажу». Дальше я спрашивал Плешкова: «А что, говорю, сделали с епископом Андроником?» Он мне сказал, что его ночью привезли, к нему пришел Мясников⁸⁵, который или был в то время председателем исполнительного комитета, или не был, я лично не знаю (в общем он был таковым, кажется, три раза), и разговаривал с ним всю ночь, задавал епископу Андронику вопросы из Евангелия. Далее Плешков сказал мне, что утром епископа Андроника перевели в арестное помещение в этом же дворе, где была милиция, в помещении бывшей прачечной, что он тут просидел до ночи и что ночью его, епископа Андроника, отправили с красноармейцами в Пермь. На мой вопрос: «А что с ним было дальше?», Плешков сказал мне, что его, кажется, расстреляли на Сибирском тракте в лесу. Больше Плешков ничего мне не говорил.

Гибель царской семьи: Сб. документов/Сост., ред., коммент. Н. Росса.— Изд. «Посев» (ФРГ), 1968.— С. 173—174.

Секретно
30 июня 1919 г.

Г[осподину] судебному следователю Омского окружного суда по особо важным делам [Н. А. Соколову⁸⁷].

Во время пребывания моего в текущем июне м[есяце] в г. Перми об участии великого князя Михаила Александровича удалось мне выяснить следующее:

жительница г. Перми Вера Константиновна Кобяк говорит, что Михаил Александрович, а также его приближенные: личный адъютант Николай Николаевич Джонсон, ж[андармский] полковник Знамеровский, камердинер Чельшев и шофер Борунов — доставлены были в г. Пермь в начале 1918 г. С железнодорожной Пермской станции они принуждены были идти пешком до дома губернского комиссара, где им пришлось ожидать часа 2—3, и когда, наконец, явился к ним какой-то комиссар и спросил о их личностях, то великий князь от переутомления и упадка духа сам не мог говорить, а за него отвечал Джонсон. Прибывшим для жилья отведены были Клубные номера на Сибирской улице. Гласного караула за ними со стороны красноармейцев не было. Великий князь пользовался правом свободных прогулок по городу; не воспрещалось и его навещать желавшим, чем пользовался муж упомянутой Кобяк — Георгий Игнатьевич, бывший офицер, домовладелец, лично мне знакомый более 20 л[ет]. Между великим князем и семьей Кобяка началась дружба, последний почти ежедневно навещал великого князя, и он неоднократно заходил к Кобяку. Жена Кобяка посылала завтраки по особому вкусу князя, т. к. он страдал язвой желудка. Через некоторое время великий князь и его приближенные из Клубных номеров переведены были в Королевские номера на Сибирской улице. Туда прибыла супруга великого князя Ольга* Сергеевна; она, побыв некоторое время, отправилась в Гатчину за своими детьми. В ее отсутствие Кобяк, по обыкновению, в праздник Вознесения Господня послала завтрак, который в номерах не был принят, скоро семье Кобяк стало известно, что в ночь на Вознесение в номера явилось трое неизвестных мужчин, которые комиссару номеров предъявили бумагу с печатью от Перм-

* Ошибка; правильно: Наталья.

ского исполкома о взятии великого князя; последний намерен был переговорить с кем-то по телефону, но ему воспрещено было сделать это, и в течение каких-нибудь 5 минут великий князь и Джонсон были выведены из помещения номеров. Куда и как они были дальше отправлены, Кобяк не знает, она убеждена, что великий князь был похищен какой-нибудь монархической организацией, но существовавшая в то время в Перми монархическая организация участия в этом не принимала. После похищения великого князя ночью же Советская власть подняла тревогу, по всем направлениям посланы были телеграммы и нарочные о розыске и задержании великого князя, начались обыски и аресты, в том числе арестованы были управляющий номеров Сапожников, комиссар, семья Кобяка, упомянутые выше Знамеровский, Чельшев и Борунов, причем последние трое были расстреляны, сам Кобяк смертельно заболел и умер, и только благодаря этому его семейные спаслись от расстрела. О похищении великого князя извещена была телеграммой его супруга, и она в Пермь больше не прибыла. Впоследствии, осенью, дочь Кобяка вышла замуж за одного из пермских комиссаров, помещика Пензенской губ[ернии] быв[шего] полковника Ивана Евграфовича Стогова, который, по словам Веры К[онстантиновны] Кобяк, будто бы много способствовал успешному занятию города Перми в декабре 1918 г. сибирскими войсками. Вера Кобяк указала на Александра Михайловича Чечулина, живущего в с. Никулине Пермского у[езда] (сын псаломщика и секретарь волостной зем[ской] управы), и на начальницу Пермской женской гимназии Клавдию Амвросиевну Степанову, которым, может быть, что-нибудь известно о похищении великого князя; также указала она на быв[шего] пермского воинского начальника Николаева (ныне начальника гарнизона).

При случайной встрече с помощником начальника Пермской губ[ернской] тюрьмы Николаем Вас[ильевичем] Бехтеревым он мне сказал, что великого князя Михаила Александровича предполагалось заключить в тюрьму и о порядке его содержания прислана была особая инструкция, которую, по занятии Перми сибирскими войсками, взял из тюрьмы комендант мест заключения капитан Игорь Алексеевич Березин, живущий в г. Перми по Обвинской улице в соб[ственном] доме. Расстрелянный Борунов оставил у другого помощника начальника

тюрьмы Павлова доверенность на получение женой денег. В тюрьме Знамеровскому, Чельшеву и Борунову прислужничал надзиратель Петр Зотич Метелев, живущий в соб[ственном] д[оме] напротив управления воинского начальника.

Более подробное обследование о великом князе я не произвел потому, что на это не имел от Вас уполномочия. Представляю Вам газету «Чехословаки», в которой напечатано сообщение со слов офицера С. о месте нахождения великого князя Михаила Александровича. Об этом офицере Вера К[онстантиновна] Кобяк отозвалась, что за время пребывания в Перми великого князя его никакой офицер С. никогда не навещал и что оф[ицер] С. приходится родственником (зятем) пермскому домовладельцу, по Большой Ямской ул., Григорьеву (страховой агент).

Вообще, к объяснению Веры К[онстантиновны] Кобяк следует отнестись с полным доверием.

Коллеж. ассессор Сретенский.

РЦХИДНИ, ф. 566, оп. 3, д. 8, л. 181—182. Копия.

82. Из протокола допроса В. Н. Карнаухова

1919 года июля 2 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге (...) допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Вера Николаевна Карнаухова, 27 лет, мещанка г. Чердыни Пермской губернии, постоянное место жительства имела в г. Перми, православная, грамотная, Федору Лукоянову родная сестра, не судилась.

Федор Николаевич Лукоянов — мой родной брат. Он был большевик. На него было возложено организовать Уральскую областную Чрезвычайную следственную комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и преступлениями по должности (...). Или за несколько дней до взятия Екатеринбурга чехами, или вскоре после взятия его Федор приехал в Пермь. Еще до его приезда, когда в Екатеринбурге были большевики, я чи-

тала в газетах сообщение о расстреле государя. Было употреблено именно это выражение. В сообщении говорилось, что государь расстрелян по постановлению областного совета. Про его семью сообщалось, что она вывезена из Екатеринбурга в безопасное место. Я тогда этому сообщению поверила, но оно оставило у меня в душе чувство горечи. Какое имел право областной совет убивать государя? Если это было нужно, если большевики действительно были властью «народной», то это мог сделать только какой-нибудь высший совет, чтобы видно было, что действительно этого захотел и так решил его судьбу народ. Когда приехал брат Федор и я пришла в нашу родную семью (я живу при муже), я спросила его при всех, правда ли убит государь и что случилось с семьей? Брат при всех стал рассказывать, что государь убит, а семья была вывезена в Пермь. (...) Заметно было, что брат не желал продолжать этот разговор и смял его, заговорил о другом. У меня осталось чувство некоторого недоверия к словам его потому именно, что он уклонился от разговора. Я поняла, что он не хочет говорить при матери, что он шадит ее. (...) Я должна сказать, что действительно многие тогда говорили так, как говорил брат, т. е. рассказывали, что на станции Пермь II стоит поезд, который усиленно охраняется, и что в нем царская семья и ее вещи. Но я не знаю ни одного человека, который бы их видел. (...)

Про Михаила Александровича я могу сказать следующее. За несколько, кажется, дней до взятия Екатеринбурга или, может быть, несколько более, в июне, кажется, месяце я пришла в комитет партии большевиков. Там я застала председателя комитета партии Ляка⁸⁸. Он был, кажется, строительный техник и участвовал в постройке Пермского университета. Он сказал мне, что ему не пришлось спать ночью. Я его спросила, в чем дело, и он мне сказал, что ночью был увезен Михаил. Я спросила его, как же это произошло. Он мне сказал, что в Королевские номера, где жил Михаил Александрович, кто-то приехал на автомобиле, предъявил мандат от Чрезвычайной следственной комиссии и увез Михаила Александровича. После этого содержатель номеров или кто другой позвонил о случившемся в Чрезвычайную следственную комиссию по телефону. Ляк говорил, что погоня по разным направлениям ничего не дала. Было после этого объявлено в газетах, что Михаила Александровича увезли его едино-

мысленники. Однако было некоторое сомнение в этом. Сам Ляк впоследствии говорил, что в Чрезвычайной следственной комиссии как-то странно встретили известие об увозе Михаила Александровича: не особенно взволновались. (...) Он сам подозревал, что его увезли не единомысленники, а из Чрезвычайной комиссии посланные и расстреляли где-либо. После этого, я не помню числа и месяца, пришел как-то в комитет большевик Мясников, человек кровожадный, озлобленный, вряд ли нормальный. Он с кем-то разговаривал, и до меня донеслась его фраза: «Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел справиться, как и с Михайлом». Мне самой казалось более вероятным, что Михаила Александровича они также убили. (...) Больше показать я ничего не могу.

Прочитано. Вера Николаевна Карнаухова.

РЦХИДНИ, ф. 588, ов. 3, д. 8, л. 154—156. Копия.

83. Показания господина Круминса (записал Г. А. Козловский)

*10 декабря 1923 г.
Берлин.*

В начале 1918 года я жил в Екатеринбурге и был свидетелем зверств большевистской власти. В начале мая месяца я узнал, что мое имя внесено в списки заложников, и я предпочел отправиться в Пермь, где я остановился в Королёвских номерах (хозяина гостиницы звали Королёвым), что на Сибирской улице, неподалеку от набережной Камы. Тут я узнал, что в этих номерах проживает великий князь Михаил Александрович со своим секретарем г. Джонсоном. Сначала я опасался останавливаться здесь, ибо полагал, что пребывание великого князя привлечет к гостинице внимание Советской власти, но меня успокоили, сказав, что великий князь пользуется полной свободой, ходит сам по городу, никто не следит за ним. В гостинице жил советский комиссар, как обычно во всех национализированных пермских гостиницах. Комиссар распоряжался на правах хозяина. Я жил во втором этаже

Королевских номеров, великий князь жил на третьем этаже, занимая с Джонсоном две небольшие комнаты. Я видел великого князя несколько раз в коридоре гостиницы и на улице. Он носил серый костюм и мягкую шляпу и палку. Всегда был в сопровождении Джонсона. Бросался в глаза контраст высокого роста великого князя и низкого г. Джонсона. Лицо у великого князя было грустное, болезненное. Он выглядел болезненно и производил впечатление человека обреченного. Его присутствие в Перми не вызывало среди местных жителей никакого интереса. Впрочем, ввиду господствовавшего тогда кровавого террора, все боялись общения с ним. Великий князь свободно ходил по магазинам, часто делал закупки, покупал колбасу, консервы, фрукты и разные вещи. Тогда, правда, в Перми уже было мало товаров, но большинство магазинов еще не были национализированы и торговали остатками. Великий князь часто заходил в магазин Добрина *, что на Сибирской улице, где беседовал с его доверенным о разных делах. Однажды доверенный Доб[рина] спросил его, почему он, пользуясь свободой, не принимает мер к побегу. На это великий князь ответил: «Куда я денусь со своим огромным ростом. Меня немедленно же обнаружат». При этом он всегда улыбался. За три дня до описанного ниже события великий князь почувствовал себя плохо и все три дня не выходил на улицу, а лежал у себя в номере. Каждый день, однако, в 9 часов он принимал ванну. Комиссар гостиницы относился к великому князю довольно корректно. Обеды подавали ему из кухни гостиницы. Обед состоял из трех блюд, молока или чаю. Мне никогда не доводилось заходить в комнату великого князя. Также я не видел никогда лакея при нем. Знаю только, что служила ему обыкновенная гостиничная служба.

Однажды, это было между 20 и 25 мая (точно даты не помню, но знаю, что это было либо 23 или 24, 25 мая) вечером в 9½ часов по советскому времени, а по местному в 8½ ч., еще было светло **, я сидел в компании с Липковским и еще с кем-то и играл в карты. Вдруг в коридо-

* Магазин купца М. П. Добрина, торгующий часами, бриллиантами, золотом и уральскими камнями собственного производства, находился в доме Сенкевича (сейчас ул. К. Маркса, 23, средняя школа № 21).

** В указании даты и времени допущена ошибка.

ре гостиницы послышался шум. Мы все выбежали и увидели следующую картину: около конторки комиссара гостиницы стоял вооруженный красноармеец и что-то с ним объяснялся. Я спросил комиссара, в чем дело. Он ответил, что пришли трое вооруженных людей и предъявили ему ордер местной чеки о выдаче им Михаила Романова и его секретаря Джонсона, причем они не разрешили ему сноситься по телефону с чекой и проверить ордер. Прошло минут 20, когда с лестницы третьего этажа стали спускаться люди, окруженные вооруженными красногвардейцами. Нам было приказано стоять и не двигаться, я увидел следующее: впереди шел вооруженный красногвардеец, за ним великий князь и Джонсон. Шестые замыкал один вооруженный красногвардеец. Третий, стоявший при комиссаре, оставался несколько минут еще здесь. Великий князь и Джонсон были одеты в обыкновенные костюмы, в которых они обычно выходили на прогулку, без пальто. Имели палки в руках. Я не заметил особенного волнения на лицах этих людей. На дворе стоял одинокий экипаж, запряженный серой лошадейю. На козлах сидел невооруженный человек. Сзади экипажа ехал конный красногвардеец. В экипаже расселись великий князь и Джонсон, а напротив — красногвардейцы. Через несколько минут я наблюдал из своего окна, как экипаж поднимался по Сибирской улице по направлению к Сибирскому тракту и исчез.

Прошло полчаса. Комиссар гостиницы (фамилии не помню) стал звонить в местную чеку, проверяя, действительно ли был выдан ордер на выдачу Романова и Джонсона. Оттуда ответили отрицательно. Через час приехало несколько агентов чеки, а также и членов местного Совдепа и заявили, что Романов увезен злоумышленниками в неизвестном направлении. Поднялся шум. Мы все перепугались. Но этим дело было закончено. На следующий или на третий день в местной советской печати появилось сообщение, сводившееся к тому, что злоумышленники организовали побег великому князю. Снаряжена погоня. Все пермские жители поверили, что Михаил Александрович бежал, хотя всем и показалась странной вся обстановка побега, тем более что никаких обысков ни у кого не было сделано. Я вскоре уехал из Перми.

В конце июля месяца 1918 года я был в Москве и по рекомен[дации] моего знакомого комиссара Шонкмана, впоследствии убитого в Казани, я присутствовал на объе-

диненном заседании ЦИКа, Совнархоза и РКП *. На этом заседании делал доклад сам Ленин о расстреле царской семьи в Екатеринбурге. Я твердо помню, что Ленин между прочим заявил: «Вся семья Романовых расстреляна на Урале: меры эти Уральским окружным Советом были приняты для того, чтобы избежать нового побега, какой был совершен в Перми Михаилом Александровичем». Единоголосная резолюция собрания (поднятием рук) гласила: одобрить действия Уральского Совдепа.

ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 414, л. 1—3. Копия.

84. Из воспоминаний чекиста М. Ф. Потапова **

(...) И мне Борчанинов⁸⁹ говорит: «Тебя Малков знает и он тебя рекомендует». Сюда привезли Михаила Романова, его нужно будет принять и охранять. Для этой цели будет дано помещение, отряд (...). Я не возражал. Где сейчас бывший клуб Профинтерн, тут была библиотека, а рядом клуб Толмачева, и вот здесь выделили большую комнату, и сюда посадили Михаила Романова, его секретаря Джонсона — американца, с которым он вместе учился в школе, а с ним находился Г-ий полковник. Они сидели 3 месяца, и я их охранял. Был отряд пулеметчиков Медведева. Мне приходилось провожать его (Романова), он просил Ленина, чтобы разрешили гулять. Тов. Борчанинов получил телеграмму, что ему разрешено гулять по полчаса в день, но сказано, чтобы мы его охраняли, вооруженные браунингами и наганами. Раза два мы с ним гуляли по городу, затем он отказался и говорит: «Я один, а вас трое, на меня смотрят и смеются». Затем он заболел и попросил вызвать личного врача. Ему прислали, врач жил целую неделю и говорит, что он испугался, что его охраняют трое и могут убить. Затем он просил, чтобы его охранял один, при этом имел наган и бомбы, и ходил по таким местам, где он не мог сбежать. Я ему задавал вопрос (...): «Долго ли вы думаете так арестованным быть?»

* Подобного заседания не проводилось (см.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5.— М., 1974; т. 6.— М., 1975).

** Воспоминания написаны до 1956 г.

Он ответил: «Думаю, что недолго, скоро будут выборы и выберут президентом». А как будто бы ранее не давал согласия, чтобы заменить Николая. (...) Впоследствии получилось то, что (...) на Михаила Романова пришло распоряжение отпустить его на волю, т. е. без охраны, под наблюдение чека, и поместили его в бывшие Королевские номера. Когда поместили его одного, было предложено два-три раза в неделю являться на отметку в Чрезвычайную Комиссию. Вскоре после этого к нему приехала жена, два камердинера, бонна, в общем 8 человек было у него прислуги.

После этого, когда я его сдал, я попросил приехать на родину, в отпуск, я сам Казанской губернии, меня отпустили. А когда я приехал сюда, Михаила Романова здесь не оказалось, он сбежал.

ГАПО, ф. р.-1886, оп. 1, д. 261, л. 69. Копия.

85. Воспоминания А. В. Маркова⁹⁰ «Расстрел Михаила Романова»*

15 февраля 1924 г.

Не помню точно числа и месяца, когда появился Михаил Романов в гор. Перми. Но в конце мая 1918 года и в начале июня в гор. Перми и Мотовилихе среди населения стали упорно ходить слухи, что Михаил Романов, жи-

* Воспоминания А. В. Маркова, очевидно, предназначались для публикации или как справочный материал для составления очерков и т. п. В то же самое время заключительная часть документа придает ему характер объяснительной записки или показаний следственного материала об обстоятельствах похищения и расстрела Михаила Романова. Аналогичные воспоминания А. В. Маркова «Надвигалось бурное время», фактически дословно повторяющие приведенный в сборнике текст, имеются в Перми (ПОГАНИиОГД, ф. 90, оп. 2, д. М-6, л. 6, 11—16); однако в них есть также дополнительный заключительный текст: «Будучи в командировке по работе в Москве в 1918 году, я по делу пришел к товарищу Свердлову Я. М., он меня привел к В. И. Ленину, который спрашивал меня о ликвидации Михаила Романова. Я рассказал ему, что сделано было чисто, он сказал: «Ну вот и хорошо, правильно сделали». Факт такой встречи не установлен документально. В личном деле персонального пенсионера союзного значения А. В. Маркова подобных сведений также не приводится.

вя в Перми, часто гуляет по городу и даже за городом, поднимается на «Горки» (горы около Перми) и любитесь видами на завод, реку Каму и противоположный берег реки, откуда действительно хороший вид на эти местности. Эти прогулки и его проживание совпало как есть с моментом описи имущества в церквях, и время было не особенно спокойное. Особенно много беспокоились старухи набожные, которые собирались около церквей, а попы вели агитацию, что большевики хотят отбирать церкви, а когда эти «божки старушки» узнали о пребывании Михаила Романова, то началось нечто вроде паломничества на те места, где гулял Михаил Романов, чтобы хоть глазком взглянуть на будущего помазанника божия.

Надвигалось бурное время, приближался фронт белых банд Колчака, бушевала буржуазия, шла национализация имущества, бушевали попы, а мы, большевики, тогда были не так сильны. Помню, в Мотовилихинском Совете рабочих нас было только 50%, остальная часть были меньшевики и эсеры. Борьба с ними также велась отчаянная, они также были против нас и вели агитацию и даже вооружались. Мы же, большевики, хотя и были вооружены, но слабо, хотя главные посты власти были уже в наших руках.

И вот все это взятое вместе и то, чтобы не удрал бы как из Перми куда-либо, или не украли бы, или не скрыли где Михаила Романова, мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова изъять из обращения путем похищения его из Королевских номеров, где он проживал в Перми на Сибирской улице. Первая мысль об этом зародилась у тов. Мясникова Г. И. Об этом он сказал в управлении милиции тов. Иванченко⁹¹, который был комиссаром по охране гор. Перми и случайно был в управлении Мотовилихинской милиции, или же позвал его тов. Мясников туда, точно не помню, и тотчас же позвонили ко мне в кино «Луч» в Мотовилихе, где я был в то время управляющим, чтобы я пришел в милицию, что, конечно, я тотчас же исполнил. Это было первое совещание из 3-х лиц по этому делу, тов. Мясников посвятил нас, в чем дело, но троим нам, конечно, это сделать было невозможно, и мы тут же решили пригласить, по рекомендации тов. Иванченко, тов. Жужгова Николая, а по моей — тов. Колпащикова Ивана⁹² и по моему предложению решили дальнейшее совещание перенести в кино «Луч», т. к. в милиции могли нас подслушать, но в самой конторе

кино «Луч» также место было ненадежное; тогда мы, все 5 человек, перебрались в будку кино, где и продолжили свое заседание, правильное, это было не заседание, а распределение ролей между собой. Было намечено следующее: около семи часов вечера взять 2-х надежных лошадей в крытых фаэтонах и направиться в Пермь.

В Перми лошадей поставили во двор губчека, посвятили в это дело председателя губчека тов. Малкова и помощника Иванченко тов. Дрокина В. А.⁹³. Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так: явиться около 11 часов вечера в номера, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный тов. Малковым, о срочном его выезде. Если он будет брыкаться и откажется следовать, то взять силой. Документ этот я сел за пишущую машинку и напечатал, поставили не особенно ясно печать, а тов. Малков неразборчиво подписал. Во время печатания мною на машинке мандата пришел в губчека тов. Сорокин — инженер, в то время предисполкома. Он догадался, что мы чего-то хотим сделать, но чего — ему никто не сказал, но он чувствовал, что что-то затевается, и крупное, но рассмеялся и ушел.

Далее тов. Дрокину было поручено занять место тов. Иванченко по охране Перми и ждать указаний от нас, заняв место у телефона, что им и было сделано. Тов. Малков остался в ЧК, тов. Мясников ушел пешком к Королевским номерам, а мы четверо: тов. Иванченко с тов. Жужговым на первой лошади, я (Марков) с Колпащиковым на второй, около 11 часов подъехали к вышеуказанным номерам в крытых фаэтонах к парадному. Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко и Мясниковым остались на улице в резерве, но сейчас же потребовали подкрепления, т. к. Михаил Романов отказывался следовать, требовал «Малькова» (он плохо говорил по-русски), чтобы его вызвали по телефону. Тогда я, вооруженный наганом и ручной бомбой («коммунистом»), вошел в помещение, стража у дверей растерялась, пропустили беспрепятственно как первых двоих, так и меня. Я занял место в коридоре, не допуская никого к телефону, вошел в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора, Малкова. Тогда я потребовал взять его в чем он есть. На него накинули что попало и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил — нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собой вещи брать я отказал,

сказав, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя [бы] его личного секретаря Джонсона,— ему это было предоставлено, т. к. это было уже раньше согласовано между нами. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас же взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь. Жужгов сел за кучера, а Иванченко рядом с Михаилом Романовым; я посадил с собой Джонсона, а Колпашиков за кучера, и таким образом в закрытых фазтонах (к тому же моросил дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту.

Когда по расчетам мы должны быть уже за чертой города, тов. Дрокин звонит официальным тоном, что в Королевские номера явились неизвестные личности и увезли по неизвестному направлению Михаила Романова, и просит срочно направить по Сибирскому тракту и Казанскому конную милицию. Это же сообщил по телефону заведующий номерами в губчека и в милицию. Пока все это происходило, мы уже были далеко, около зав[ода] Мотовилихи.

Сначала похищенные нами вели себя спокойно и, когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их отправим дальше, при[чем] я, например, заявил, что буду отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Таким образом проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 верст от Мотовилихи. По дороге никто не попал; отъехавши еще с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100—120, Жужгов кричит: «Приехали — вылезай!» Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок то же самое сделал. И только он стал выходить из фазтона — я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпашиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побегал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у тов. Жужгова застрял барабан нагана (не повернулся вследствие удлинения пули от первого выстрела, т. к. пули у него были самодельные). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать

второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же. Жужгов ругается, что его наган дал осечку, Колпашиков тоже ругается, что у него застрял патрон в браунинге, а первая лошадь, на которой ехал тов. Иванченко, испугавшись первых выстрелов, понесла дальше в лес, но коляска задела за что-то и перевернулась, тов. Иванченко побежал ее догонять, и, когда он вернулся, уже все было кончено. Начинало светать. Это было 12 июня*, но было почему-то очень холодно. Зарыть [трупы] нам нельзя было, так как светало быстро и [было] недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе, в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху. Зарывать ездил на другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером, кажется Новоселовым⁹⁴.

Когда ехали обратно, то я ехал с тов. Иванченко, вместе разговаривали по этому случаю, оба были очень хладнокровны, только я замерз, т. к. был в одной гимнастерке, с часами на левой руке, почему меня, когда мы были еще в номерах, приняли за офицера, почему потом из показаний бывших в номерах и говорили, что Михаила Романова похитили какие-то офицеры. Это, конечно, с испугу и быстроты похищения.

На другой день весть о похищении Михаила Романова быстро облетела весь город. Говорили, что похитили какие-то офицеры. Но никто не мог точно сказать, кто именно. Свои, партийцы, также не знали никто, кроме очень небольшого кружка товарищей. Были и такие, которые ругали ЧК, что они прокараулили. В местной газете было написано также, что похищение произведено неизвестными лицами, а заведующий номерами показывал определенно, что похищением командовал раненый офицер, т. к. он видел на левой руке нашивки, какие носили раненые офицеры на левой руке.

Кроме самого Михаила Романова, его секретаря, с ними проживали еще двое из его свиты: одного я видел в форме моряка — пожилой, другой в штатском — тоже не молодой. Они остались в номерах, и что дальше было с ними, я не знаю, слышал только, что их допрашивали, каким образом произошло похищение. Как потом выяснилось, что тов. Мясников, который в момент нашего

* Похищение Михаила Романова было совершено в ночь с 12 на 13 июня 1918 г.

подъезда к номерам был около здания номеров, но когда в номерах произошли заминки и Михаил Романов отказывался ехать, и что дело могло кончиться только расстрелом его и других на месте, и что мной в крайнем случае будут пущены в ход имеющиеся при мне бомбы, он струсил и убежал, и когда мы выходили или, правильнее, вытаскивали из номеров Михаила Романова, его действительно не было.

А. Марков.

ГА РФ, ф. 539, оп. 5, д. 1552, л. 49—50 об., 51. Подлинник.

86. Статья, составленная Пермским истпартом* для проекта сборника «Борьба за власть»

С. Секретно

ПОХИЩЕНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА **

В местной газете «Известия Совета раб. и кр. депутатов» от 15-го июня 1918 г., в отделе местной жизни была помещена заметка о похищении Михаила Романова.

Но дело обстояло несколько иначе, чем говорится в заметке.

В 1918 г. Урал послужил местом высылки и ссылки исконных врагов рабочего класса России и Советской власти. В частности, в начале 1918 г. прибыл в Пермь один из членов царской семьи, поднадзорный Михаил Романов.

Вскоре вслед за Романовым в Пермь стали съезжаться никем не высылаемые лица, т. е. вся «великосветская»

* Истпарт — комиссия по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б), учреждена по предложению В. И. Ленина постановлением СНК РСФСР от 21 сентября 1920 г. при Наркомпросе; с 1 декабря 1921 г. перешла в ведение ЦК РКП(б). Издавала журнал «Пролетарская революция» и «Бюллетень истпарта»; имела свои местные бюро во всех регионах и крупнейших городах.

** Статья составлена на основании сверенных показаний участников дела: тт. Иванченко, Маркова, Мясникова, Колпащникова, Жужгова, фотографии которых прилагаются. (Прим. Пермского истпарта.) Статья была подготовлена в 1924 г. для сборника «Борьба за власть. Т. III. Гражданская война», но так и не появилась в печати.

публика — семьи быв[ших] великих князей, «великие» княгини и князья, их телохранители и т. п.

В общем можно заключить, что негласно вслед за свитым Романовым выехала сюда постепенно вся его свита и различные родственники, которые селились в отдаленных кварталах Перми.

Михаил Романов был помещен (согласно директив из центра) в центре города, в одном из роскошных домов — в номерах бывшего Благородного собрания, где и жил до перевода его в Королевские номера.

Жизнь Михаила, вернее, великолепные условия его жизни на глазах у рабочих сделали свое дело.

Не раз и не два проходившие мимо Благородного собрания — белого дома с колоннами — рабочие Мотовилихи возмущались: не так, дескать, жили мы, когда нас арестовывали в царские дни... Давно бы его того... укоштить надо бы, а не так (...).

Вот к чему по существу сводились замечания рабочих по поводу пребывания и жизни Михаила в Перми. Кроме этого, и в Перми и Мотовилихе среди рабочих шли толки о том, что Михаил Романов очень уж часто гуляет не только по городу, но и за город, поднимается на «Горки» (район Перми, расположенный на высоких крутых холмах), откуда любуется на завод, на реку Каму, на противоположный берег ее.

Необходимо отметить, что в те дни обывательщина Перми была сильно встревожена «гонением на церковь», которое принесла с собой Советская власть, производившая учет церковного имущества в связи с отделением церкви от государства.

Набожные старушки стали утешаться тем, что ходили «хотя глазком взглянуть на будущего помазанника божия».

Таким образом около Михаила Романова и его прогулок создалось нечто вроде паломничества обывательщины.

В те дни большевикам в Перми все еще приходилось вести ожесточенную борьбу за большинство в Советах против эсеров и меньшевиков; так, даже в Мотовилихинском Совете рабочих депутатов 50% чуждый большевикам элемент, с которым приходилось бороться. Между тем, положение Урала становилось все тревожнее — в Сибири скоплялись силы белогвардейщины, а на Урале уже проявляли себя чехословацкие банды.

Рабочие вооружались, составляя отдельные отряды, которые уходили отражать чехословаков.

Создавалась военная обстановка работы — Урал находился под определенным ударом колчаковщины.

При всех указанных условиях работы тех дней, в апреле т. Иванченко Василий Алексеевич был назначен губисполкомом начальником милиции и комиссаром по охране г. Перми. В первую же неделю его службы Пермская губернская Чрезвычайная Комиссия передала т. Иванченко как начальнику милиции поднадзорного Михаила Романова со строжайшим наказом от губисполкома и от ЧК «хранить Романова как зеницу ока» (среди руководящих товарищей постоянно мелькала мысль о возможности побега Михаила).

Приняв под свой надзор Романова, т. Иванченко несколько изменил его режим. Первое время жизни в Перми Михаил Романов пользовался относительной свободой, являясь в Чрезвычайную Комиссию лишь раз в неделю для регистрации. Теперь же т. Иванченко заставлял являться Романова и его секретаря Джонсона три раза в неделю для отметки в журнале милиции. Не довольствуясь этим, т. Иванченко часто заходил к своему поднадзорному и часто не заставал его дома. На вопрос его: где Михаил Романов? — отвечали: ушел гулять.

Т. Иванченко овладевала мысль о полной возможности побега Михаила.

— А все-таки он у меня может убежать, — говорил он себе.

В конце мая часов в 9 вечера к т. Иванченко, который занимался один в своем кабинете в управлении милиции, вошла дама «шикарно одетая», по словам т. Иванченко, которая просила повидаться с комиссаром.

— Я самый, — ответил т. Иванченко.

«Ей, по-видимому, очень уж подозрительным показалось, какой это я комиссар?..» — рассказывает т. Иванченко.

Обращаясь к «комиссару», вошедшая дама заявила, что она жена Михаила Романова и просит разрешить прогулять с ним, конкретно не указывая места назначенной прогулки.

Т. Иванченко в просьбе отказал, указывая, что Романов пользуется свободой и ходит куда хочет.

Но в этот же вечер т. Иванченко окончательно решает вопрос о необходимости избавиться от Романова так или

иначе и делает в губисполком заявление, пробуя натолкнуть исполком на мысль об окончательном избавлении от Романова.

Губисполком в целом категорически отрицает предложение т. Иванченко (кроме его председателя т. Сорокина В.).

Т. Иванченко на этом не успокаивается, он говорит об этом некоторым ответственным работникам, в том числе т. Мясникову Гавриилу Ильичу.

Мясников, выслушав т. Иванченко, обещал ему во что бы то ни стало решить вопрос о Романове, в связи с тем что Уралу угрожает уже явная опасность в самом недалеком будущем.

В первых числах июня т. Мясников встречается в управлении Мотовилихинской милиции т. Иванченко и говорит ему:

— Из-за тебя дело стоит. План покражи Михаила Романова готов, остается обсудить дело практически.

Затем т. Мясников звонит управляющему Мотовилихинского электротeatра «Луч» т. Маркову, вызывает его в милицию.

Марков вскоре явился, и здесь состоялось первое совещание трех лиц — Мясникова, Иванченко, Маркова — о создании плана похищения Михаила Романова. Намеченный им план выполнить втроем не представлялось возможным. Поэтому по рекомендации т. Иванченко был приглашен еще т. Жужгов Николай, служивший в Мотовилихинской милиции, по рекомендации Маркова пригласили Ивана Колпащикова.

Марков предложил перенести дальнейшее совещание в кино «Луч», т. к. в милиции их могли слышать, но и в конторе кино было небезопасно, поэтому все пятеро забрались в будку кино.

Здесь уже происходило окончательное распределение ролей при осуществлении намеченного плана.

Вечером 12 июня 1918 г. т. Жужгову как служащему в милиции было поручено достать два крытых фаэтона с хорошими лошадьми, в которых все участники заговора отправлялись в Пермь.

Доехав до управления Пермской городской милиции, лошадей поставили во двор, а сами ушли в управление милиции. Здесь в заговор был посвящен т. Дрокин, помощник т. Иванченко, которому было поручено дежурство у телефона т. Иванченко (как начальника милиции),

чтобы в случае тревоги задержать выезд конницы, находящейся в распоряжении милиции, которой пользовались ЧК при подобных обстоятельствах.

Здесь же план похищения Михаила был окончательно выработан.

Решено было явиться в номера Королева (куда был переведен Романов, занявший комнаты под номером первым и вторым) к 11 час. вечера; предъявить ему документ, подписанный т. Малковым (в то время Малков был председателем губернской Чрезвычайной Комиссии), о срочном выезде Романова из Перми по указанию лиц, предъявивших мандат.

В случае, если Романов откажется ехать, брать его силой.

После принятого решения Мясников и Марков ушли в ЧК готовить фиктивный мандат на право ареста Михаила от имени и за печатью губернской Чрезвычайной Комиссии. Марков сам сел печатать мандат.

В это время в комнату вошел т. Сорокин, председатель губисполкома. Он, по-видимому, догадался, в чем дело, рассмеялся и ушел.

На заготовленном мандате была подпись т. Малкова и приложена печать Чрезвычайной Комиссии.

К указанному времени Мясников ушел пешком к Королевским номерам (последний дом на левой руке по Сибирской ул. у реки Камы), а тт. Иванченко, Жужгов, Марков и Колпащиков сели по два в каждый фаэтон и в свою очередь поехали туда.

Лошади остановились у парадного подъезда номеров. Жужгов и Колпащиков, правившие лошадьми, поспешно соскочили с козел и направились вверх по лестнице к комнате под № 1, где жил Романов. Иванченко и Марков остались у лошадей. Тут же по панели около дома ходил Мясников. Пройдя с Жужговым одну лестницу, Колпащиков дальше не пошел, а сел на диванчик рядом со швейцаром, который стал расспрашивать, зачем они сюда пришли. Колпащиков отвечал:

— К Михаилу Романову.

«Минут через 10 я услышал крупный разговор, неизвестное лицо говорило, что Романов болен и идти не может. Жужгов не настоявая требовал, чтобы Романов одевался», — рассказывал Колпащиков.

В это время поспешно спустились с лестницы к телефону два человека, которые стали звонить в управление

милиции, в Чрезвычайную Комиссию. (Это были телохранители Романова; один из них матрос, другой ходил в штатском, как говорят, быв[ший] жандарм из Гатчины.)

Колпащиков выбежал на улицу и заявил т[овари]щам, что происходит скандал, т. к. Романов не идет. Действительно, Романов отговаривался, требуя вызвать по телефону «Малькова».

Мясников послал на помощь Жужгову Маркова Андрея; сам же поспешил уйти. Вооруженный бомбой («коммунистом») и наганом Андрей Марков вместе с Колпащиковым вошли в помещение Романова.

Между тем Жужгову уже удалось путем угроз заставить Романова одеваться, но последний все еще продолжал упорствовать, не шел, ссылаясь на болезнь, и требовал то доктора, то «Малькова».

Вооруженный Марков, видимо, произвел на Романова впечатление. Михаил стал поспешно собираться, спрашивая, не нужно ли брать вещей и какие вещи.

Но Марков отвечал ему:

— Ваши вещи возьмут другие.

После этого Романов просил взять с собой своего личного секретаря Джонсона.

Ввиду того, что об этом обстоятельстве дела была договоренность между всеми участниками дела, Марков не стал возражать. Михаил накинул на себя плащ и вышел из номера, сопровождаемый Джонсоном. С ним шли Жужгов, который все время вел Романова, Колпащиков и Марков. Когда Михаил вышел на улицу, с ним случился обморок, он упал на колени, его подняли и посадили в первый фаятон. Туда же сел с ним рядом т. Иванченко, на козлы вскочил Жужгов.

На второй лошади поехали Марков с Джонсоном. Правил лошадьми Колпащиков. Погода стояла пасмурная, стало совершенно темно — шел дождь.

Лошади тронулись, завернули по Торговой улице и поехали по направлению к Мотовилихе по тракту.

Между тем швейцар номеров Королева и телохранители Романова все еще звонили по телефону в милицию и ЧК.

С распоряжениями Чрезвычайной Комиссии выходила какая-то непонятная заминка, — не могли собрать конницу, не было начальства и т. д. — это Дрокин делал свое дело, выжидал условное время, когда похитители Романова должны были быть уже за чертой города.

После этого сам Дрокин звонит в ЧК о том, что Михаил убежал и погоню следует направить по Казанскому и Сибирскому трактам (т. е. как раз в обратном направлении маршрута похищенного Романова). К этому времени оба фэтона подкатывали уже к Мотовилихинскому э[аво]ду.

Внутри фэтона происходило следующее. Ехавший с Марковым во втором фэтоне секретарь Романова Джонсон знал, чем должна кончиться их поездка, — сопровождавший его Марков все время держал наготове заряженный револьвер. Но Джонсон вел себя спокойно и говорил Маркову: «Зачем вам расстреливать меня? Богатством я не обладаю, живу на жалованья. Есть у меня одна лишь старуха мать. Романова Михаила также расстреливать не за что. Он человек либеральный, его любит народ».

Когда стали подъезжать к Мотовилихе, он спросил Маркова, куда их везут.

Марков отвечал, что на поезд, который стоит на разъезде, — там в особом вагоне их отправят дальше.

Но затем Марков отказался отвечать на вопросы.

Впереди на расстоянии нескольких саженей ехал Михаил Романов.

Узнав т. Иванченко, сидевшего с ним рядом, Михаил успокоился — Иванченко всегда относился к нему предупредительно, когда он приходил к нему в управление милиции, и Михаил считал его своим непосредственным начальством. Когда оба фэтона поднялись на городские «Горки», Иванченко остановил лошадей, вышел из фэтона и прислушался, нет ли погони, — но ничего не было слышно.

Стало еще темнее, по-прежнему шел дождь.

Когда подъехали к Мотовилихе, Романов вдруг спросил:

— Неужели меня сегодня расстреляют?

Его тревожило, главным образом, присутствие Жужгова, на которого он и указал т. Иванченко. Но Иванченко стал его успокаивать, рассказывая всю дорогу о том, что Пермь грозит опасность в связи с наступлением белогвардейцев, что возможны восстания, неорганизованные выступления массы и т. д.

— Не помню еще какую чепуху я говорил ему, — рассказывает т. Иванченко.

В ответ на все эти речи Михаил крепко жал руку т. Иванченко и говорил ему:

— Знаешь, начальник, если только я спасусь, я засыплю тебя золотом и богатством.

В то же время Михаил вынул записную книжку и в темноте записал себе на память фамилию Иванченко.

Проехав Язовую (район Мотовилихи), около керосинового склада свернули направо по дороге в лес...

Раздалась команда: стой!

Не успел Иванченко попросить Романова выйти из экипажа, как раздался выстрел.

Это т. Марковым был убит наповал выстрелом в висок секретарь Джонсон, по требованию Маркова вышедший из фагона. Колпашиков тоже стрелял, но курок его дал осечку, застрял патрон.

Испугавшись выстрелов, лошадь Иванченко понеслась в глубину леса. Иванченко бросился за ней.

В то же время Жужгов выстрелил в Михаила Романова, но только ранил его.

Раненый Михаил бросился с распростертыми руками к Джонсону и, желая проститься с ним, кричал:

— Разрешите проститься с ним.

В это время Марков в упор на расстоянии сажени дал второй выстрел. Романов был убит.

Вернулся из лесу Иванченко и, желая удостовериться, что все покончено, при свете электрического фонаря увидел лежащих Романова и его секретаря.

Вскоре начало светать.

Остерегаясь, чтобы не заметили большую группу людей с двумя экипажами, участники дела забросали трупы убитых прутьями, хворостом и уехали обратно в Мотовилиху.

Там в управлении милиции обсудили, когда и как зарыть трупы.

Решили, что на следующую ночь Жужгов и Колпашиков должны выкопать ямы приблизительно на три сажени глубины, сложить в них трупы и засыпать, заложить дерном вровень с землей... Так и сделали.

На следующий день, т. е. 13 июня, как только т. Иванченко явился на службу в управление милиции, ему подали рапорт о побеге Михаила Романова.

Все сотрудники были взволнованы. Губчека была вся на ногах. В рапорте были указаны все обстоятельства похищения Михаила и принесена жалоба на т. Дрокина

Василия Андреевича, который, в то время как дана была тревога и конница милиции начала уже выезжать, задержал ее, ссылаясь на то, что он не может без начальника дать распоряжение о выезде конницы.

Таким образом, действительно, благодаря дежурству т. Дрокина, удалось предотвратить погоню.

На другой день губчека уже знала настоящее положение дел. Но это не мешало ей, однако, вести дело своим путем, в результате которого были арестованы родственники и «телохранители» Романова и преданы суду как соучастники побега Михаила.

В первые же дни похищения Михаила Романова в Перми и Мотовилихе стали ходить разные слухи. Говорилось о том, что Романова похитили какие-то офицеры, но какие и кто, неизвестно. (Этот слух пустил заведующий номерами, который принял Маркова Андрея за офицера, т. к. ему показались нашивки на рукаве Маркова, какие носили раненые офицеры; кроме того, у Маркова на левой руке были часы.)

Со стороны красногвардейцев шли слухи, что похищение Романова совершили белогвардейцы; даже в самой партийной организации разносились слухи о том, что Романова похитили ответственные работники — коммунисты, подкупленные белогвардейцами. Рабочие бранили Чрезвычайную Комиссию, у которой «из-под носа» украли Романова, и т. д. Слухи все росли.

На третий день похищения Романова Мясников вновь созывает всех участников дела в управление Мотовилихинской милиции и сообщает следующее: ввиду того, что в Перми идут различные толки о побеге Романова, что взбунтовалась не только обывательская масса, но и рабоче, — необходимо вырыть трупы и подкинуть их на Елошихе (местность между Пермью и Мотовилихой) или к Королевским номерам обратно.

Мясников основывался на том, что масса считает Михаила похищенным и живым и белогвардейщина может воспользоваться ходячими слухами и восстановить сибирским царем какого-нибудь белогвардейца, назвав его Романовым. Мясников объяснил, что таким путем — подкинув трупы — можно заставить замолчать обывательщину и успокоить рабочих.

Т. Иванченко категорически запротестовал. Также и Марков серьезно убеждал товарищей не делать этого. Марков говорил, что такая политика для нас недопусти-

ма, т. к., во-первых, здесь замешан английский подданный секретарь Романова Джонсон, и это грозит последствиями; во-вторых, на похороны съедется вся белогвардейщина, и у нас создастся обстановка, при которой будет возможно восстание.

После этого Мясников не стал возражать, остальные же поддерживали Иванченко и Маркова.

— Но неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы Мясников знал место, где зарыты тела похищенных. Но дело в том, что никто из участников дела не согласился указать местность Мясникову,— заканчивает свои показания т. Иванченко.

Вскоре в Москву ездил т. Туркин⁸⁶, который, будучи в курсе дела, докладывал Свердлову Я. М. о происшествии. Мясников также, будучи в Москве, как непосредственный участник дела информировал о совершенном факте убийства Романова.

Свердлов послал привет остальным участникам дела, вспоминал 1906 год, когда он жил во времена подполья у т. Иванченко в продолжение 3-х недель.

* * *

Расправившись в силу сложившихся обстоятельств с Михаилом Романовым, рабочие Мотовилихи не успокоились. Та же группа задумалась над существованием в то же время в Екатеринбурге самого Николая Романова.

Составив план похищения Романова, группа рабочих поставила в известность о своем намерении Чрезвычайную Комиссию в Екатеринбурге, предлагая свои услуги...

Но в ответ на это рабочие Мотовилихи получили обещание в самом недалеком будущем решить самим вопрос о Николае Романове в официальном порядке.

Через месяц этот вопрос, взволновавший областной Совет рабочих депутатов, был решен окончательно, и в середине июля, в ночь с 16 на 17-е число, Николай был расстрелян.

Только тогда, когда Урал стал могилой Романовых — старейших врагов рабочего класса России,— успокоились рабочие не только Мотовилихи, всего Урала, но успокоились рабочие всей России*.

ВЦИКДНИ, ф. 70, оп. 2, л. 266, л. 357—367. Копия.

* На заседании ВЦИК от 18 июля Я. М. Свердлов сообщил официально о расстреле Романова рабочими Урала.

87. Из воспоминаний Г. И. Мясникова «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова»

И непство, неудержимо заработала мысль в этом направлении. (...) Это как раз то, что надо. Это не расстрел, не убийство, но он исчез, его нет. Он будет убит, это ясно, но ясно это мне и моим товарищам, кому я доверю свою тайну, но для всех он бежал. И хорошо. (...)

Какой же план? Ввиду приближения фронта, необходимо эвакуировать в глубь России. Это будет написано в мандате того товарища, который войдет к нему и прикажет собираться. От кого мандат? От ЧК. Кто подпишет? Поддельный. Печать? Бланк? Приготовлю заранее. Кто напечатает мандат? Я сам нахлопаю.

Сколько нужно человек? Чем меньше, тем лучше. А сколько? Один пойдет с мандатом в его комнату. Другой будет наблюдать с лестницы и передавать вниз третьему, а один в запасе: четыре, и я пятый. Достаточно.

Сколько лошадей? Две. На каждой по три человека. Лошади без кучеров. Кучера наши, из этих четверых.

Куда его везти? В Мотовилиху. А где ему только сделать? За Малой Язовой. Да это неважно. Да только надо точно знать и определить, чтобы бестолковщины и суетни не было.

Приготовить ли заранее яму или нет? Не нужно. Будут разговоры, догадки. Это не так сложно.

Кого намётить на это дело? Нужно твердых, пострадавших от самодержавия, видевших все ужасы, все блочи и скорпионы, готовых зубами глотку перегрызть. Нужно людей, умеющих молчать и, в-третьих, верящих мне больше, чем себе, и готовых на все, если я скажу, что это надо в интересах революции. Таких людей в Мотовилихе немало. Но надо, чтобы они были простыми рабочими, свободными от всяких ответственных постов. Это на всякий случай, чтобы нельзя было свалить на Советскую власть, если даже все это всплывет наружу, что прямо невероятно. Итак, берем двух лошадей без кучеров. К 12 часам ночи подъезжаем к Королевским нумерам и действуем. (...)

Как будто план уже есть?

В первую очередь Николай Жужгов. Рабочий. Был в каторге. Видел все прелести царского режима. 7 лет работал в каторге. Все видел. Все испытал. И злоба у него

не кипит, нет, а злоба какая-то холодная, расчетливая, не волнуемая, а постоянная, пропитывающая все его существо. Он будет казнить, не волнуясь, как будто браунинг пристреливает.

Это коренной мотовилихинец, рабочий, токарь, в движении с 1905 года. В 1918 году ему было лет 33—35. Ниже среднего роста, пропорционально росту широк, немного сутуловат. Лицо с тем характерным оттенком выдающихся скул, которое имеется у носивших долго кандалы. Щеки немного ввалившиеся, нос короткий и не широкий, глаза глубоко в ямах под бровями, глаза серые с голубиной. Брови негустые, русые. Глаза спрятанные и потому кажутся маленькими.

В 1905 году участвовал как активный стачечник и в декабре принимал участие в вооруженном восстании Мотовилихи. После разгрома рабочего движения стал принимать участие вместе с Александром Лбовым, тоже мотовилихинским рабочим, во всех его набегах на полицию, жандармов. Принимал участие в форменных сражениях с войсками (...).

Тов. Жужгов был необыкновенно молчалив и всегда смотрел своими глазами внутрь. Был ли он в комитете партии, в исполкоме, в Совете,— редко кто слышал его голос. Он мало начитан, но много думал и больше переживал. Он всегда был сосредоточен и мало когда улыбался и почти никогда не смеялся. Он был куском динамита, готовым взорваться, но до взрыва не проявить никакой жизни. Если ему сказать, что надо надеть динамитные пояса и самому взорваться, взорвав вместе с собой кучку офицеров из штаба Колчака, он, не задумываясь, сделает это. Это был мститель народный, заряженный на всю жизнь ненавистью к эксплуататорам. Лучшего для моего дела не найти. К тому же он связан со мной дружбой 1905 и 1906 годов.

Второго? Василий Иванченко. Также коренной мотовилихинец. Рабочий, токарь по металлу. Он в движении с 1904 года. Лет ему 32—33. Среднего роста, пропорционально сложен, с хорошим, мягким, добрым лицом. Он не то что красивый, нет, а привлекательный. По всему его лицу разлита какая-то доброта и сердечность. Мягкий взгляд серых коричневатых глаз, сидящих неглубоко, не как у Жужгова, и всегда открытых, излучающих доброту. Овальное лицо и хороший лоб, изрезанный, правда, морщинами, но и у него кандалынные признаки на лице. Он

всегда ровный, спокойный, ласковый, но за этой ласковостью его тенового разговора есть большая решимость и бесстрашие. В 1906 году он был арестован за убийство двух казаков и приговорен к 15 годам каторжных работ. Из каторги он явился в Мотовилиху в 1917 году. (...)

Это уже два. Два каторжника. Хорошее начало.

А кто еще двое? Андрей Марков. Подходит. Среднего роста, коренастый, светловолосый, с большими светлыми усами, перегораживающими ему лицо. Рубаха-парень. Любит свое ремесло. Работает мастером в одном из оружейных цехов завода. В 1906 году был в тюрьме. Сидел некоторое время со мной, а потом получил административную ссылку. Член партии с 1905 года. Участник всех боев, которые пришлось вести передовикам Мотовилихи. Знает на практике все прелести царского режима и горит огнем злобы и мести. Нет такого предприятия, которое он откажется выполнить, лишь бы он верил, что это надо для торжества рабочего дела. Немного ленивый читать и мыслить самостоятельно, он поневоле больше верил, чем знал, и верил в людей, которых он знал, на ум которых он полагался и преданность революции которых он поверил. (...)

Четвертый? Колпашиков. Рабочий. Это не коренной мотовилихинец. Повыше среднего роста, шатен, с коричневым цветом лица, лицо крупное, голос немного не соответствует его здоровой и сильной фигуре в обратном отношении, чем голос у Свердлова: из маленькой, щедрой фигурки Свердлова гремел большущий, сильный бас, тогда как из мощной, здоровенной фигуры Колпашикова жалобно, почти пискливо, выходил слабый тенорок. Но пропорция несоответствия все-таки была меньше, чем у Свердлова. Сидел в тюрьме. В 1917 году был всегда в Комитете как красногвардеец и забывал всего себя, отдаваясь самой кропотливой, тяжелой и черной работе. (...)

Михаил живет без всякой охраны: в любую минуту может удрать. Двенадцать апостолов, что охраняют Михаила, — это пажи, которые готовы исполнить любую прихоть Михаила. (...)

Но что же я буду делать с этими двенадцатью, что охраняют Михаила? Ничего не буду делать. Михаил бежал. ЧК их арестует и за содействие побегу расстреляет. Значит, я провоцирую ЧК на расстрел их?

А что же иначе? Иного выхода нет. Выходит так, что

не Михаила одного убиваю, а Михаила, Джонсона, 12 апостолов и двух женщин — какие-то княжны или графини, и, несомненно, жандармский полковник Знамеровский. Выходит ведь 17 человек. Многовато. Но иначе не выйдет. Только так может выйти. (...)

Собирался убить одного, а потом двух, а теперь готов убить семнадцать!

Да, готов. Или 17, или реки рабоче-крестьянской крови (...). Революция это не бал, не развлечение. Думаю, даже больше, что если все сойдет гладко, то это послужит сигналом к уничтожению всех Романовых, которые еще живы и находятся в руках Советской власти. (...)

И все четверо плотно полукругом усаживаются против меня на поленья. (...) Я посмотрел на них сразу на всех и сказал:

— Товарищи, я вас позвал сюда для очень ответственного дела. И прежде, чем сказать вам, в чем это дело состоит, мы должны связать себя обещанием, твердым словом рабочих-революционеров, что ни в каком случае не будем рассказывать никому ничего из того, что вы здесь услышите. (...) Вы, товарищи, видите, что я был уверен в вас и потому из всей нашей организации я выбрал вас четверых. Я знал, что вы будете согласны.

Эти две фразы сразу отдали их в мое распоряжение: мы уже составляли с ними не пять голов, не пять волю, а одну волю и одну голову. И эти же фразы придали им сознание ответственности, важности и серьезности дела, и внимание их, напряжение повысились до предела.

— Вы знаете, товарищи, — продолжал я, — что в Перми живет Михаил Романов?

Сказав это, я обвел их глазами и у всех прочитал одно и то же: а, вот оно что. Вот какое дело. И видел я, что они уже согласны. Можно было сразу спросить — согласны? И они не только поняли бы, но и ответили бы разом — согласны. Но я не хотел ничего строить на догадках и недоговоренностях. Хотел ясности и точности. И потому я продолжал.

— Вы, знаете, товарищи, также и то, что он живет без всякой нашей охраны, со своей собственной охраной из пажей. Когда его привезли сюда, его посадили в тюрьму. Вскоре губисполком и губчека получают телеграмму за подписью Ленина и Свердлова, что Михаила необходимо освободить. Никто не протестовал, и освободили. Тюрьмы строились царями, но для нас, а не для них. (...)

Неужели мы отступим перед этой падалью истории, Михайлом? Нет, товарищи, мы не можем сделать этого ни во имя прошлых мук поколений, ни во имя грядущих страданий и мук, которые неминуемо придут, если мы его оставим живым. Мы его должны уничтожить и уничтожим. (...)

Минувшее: Исторический альманах.— Вып. 18.— М.— СПб., 1995.— С. 7—191.

88. Письмо И. Г. Новоселова в редакцию газеты «Правда» об участии в расстреле великого князя Михаила Романова*

8 августа 1928 г.

В Московскую Центральную Редакцию газеты Правда ВКП (б)

Прошу поместить на страницах «Правды» под заглавием «Ищу правды».

Я член партии ВКП (б) с 1918 года и участник расстрела, великого Князя Михаила Романова вноч с 11-го на 12-го июня** 1918 года. Михаил Романов, после свержения с престола, своего Брата, проживал в г. Перми в Бывших Нумерах, т. е. Королевских нумерах.

Понелегальному постановление Мотовилихинского организации Р.К.П.б. т. е. участниками. Михаил Романова был взят и расстрелян в пределах, Мотовилихинского района Уральской области.

Т. е. участники которым взяли из Королевских Нумеров М. Романова. 1) Иванченко Василий Алексеевич. 2) Марков Андрей Васильевич, 3) Жужгов Николай Васильевич 4) Колпачников Иван (Иваля) Феодорович и доставив его в Мотовилихинский завод а откудов Романов был совместно с совоим, англиско поданым афисером увезеный по Шоссинной дороге к селу Левшино на расстояние пяти верст, где был Растреляным, в расстреле, Рома-

* Сохранены орфография и особенности письма.

** В этом документе, так же как и в следующем, дата расстрела Михаила Романова указана неверно.

нова принимал участие, 1-м Жужгов Н. В. и 2-м я Новоселов Иосиф Георгиевич. больше участия никто не принимал и труп. Растреленого Романова предании земле. Из участвующих никто визнает за из ключением Николая Васильевича Жужгова. в каком месте он закопанный Эта Историческая Могила хранится в моей памяти и тов. Жужгова.

А те упомянутые участники растрела Романова, Иванченко Вас. Алексеич был участником только на золотые часы шести угольные за, что и попал в Историю, где имеется впечате окончине Дома Романовых.

Я неоднократно писал в Центральный Истпарт В.К.П.б., а также в Уральский Истпарт «В.К.П.б» кроме того в Пермский и, Тобольский Истпарт «В.К.П.б.» о своем Историческом подвиге. Но мне ниоткуда нет никакого ответа.

Таким образом я решил все же искать правду пусть будет на страницах нашей газеты Правды Кто-же в действительности является прямым участником Растрела Михаила Романова.

Если это действительно растрелял Иванченко В. А. и, Марков А. В., Колпачников И. Ф. М. Романова то пусть они найдут и докажут могилу растреленого Михаила Романова и докажут то-что я действительно не принимал участия в растреле М. Романова. Но пусть эти тов. чужими историческими подвигами непользуются а совершат их сами;

Я сын крестьянина. Я проработал десять лет на ответственных постах, три споловиной года моей работы при Особом отделе ВЧК в должности уполномоченного по конотразветке «при Штабе 3-й армии».

Шесть споловиной лет моеише работы на юридическом попрще в должности старшего следователя тюменского Ревтрибунала. А потом в должности народного судья Дальнего Севера и уполобласуда по Тобольскому округу.

Я одав все для советского строительства по теряя свое здорovie, а внастоящи время живу одностатый месяц совершенно безработным Словом выкинут на произвол судьбы сосвоим семейством и спотеряным с доровием.

Прошу Центральную Редакстию газеты Правда поместить мою статью в газету Правда. Если только я имею предсобою историчийские подвиги то неверно кто нибуть подтвердит мое прошлое Революционное.

К сему подписуюс член В.К.П.б. Иосиф Георгиевич Новоселов.

Местожительство мое — Село Кресты, Шадринского района и округа, Уральской области.

РГХИДНИ. ф. 688, оп. 3, д. 22, л. 1—2 об. Автограф.

89. Из воспоминаний И. Г. Новоселова «Эту историческую могилку я... еще не забыл»

Мне пришлось быть участником уничтожения великого князя Михаила Романова. (...)

В ночь с 11 на 12 июня 1918 года я [находился] на дежурстве при управлении Мотовилихинской уездной милиции (...), в то время исполнял обязанности помощника начальника Уголовного розыска.

Около 10 часов вечера я получил распоряжение от помощника начальника Мотовилихинской милиции Николая Васильевича Жужгова, который приказал мне быть строго на посту, потому что в сегодняшнюю ночь будет взят великий князь Михаил Романов (...), взят будет по полуполюгальному постановлению Мотовилихинской организации РКП(б) (...) под видом (...) перевода в село Левшино.

После нашей беседы с тов. Жужговым были поданы два фаэтона хороших, запряженных лошадьми, принадлежащими управлению Пермских пушечных заводов.

За Михаилом Романовым поехали следующие участники: 1) Мясников Гаврила Ильич, председатель Мотовилихинского уисполкома; 2) Жужгов Николай Васильевич; 3) Марков Андрей Васильевич; 4) Колпащиков Иван Федорович и 5) начальник Пермской губмилиции Иванченко Василий Алексеевич. (...)

Часов около 12 ночи вышеупомянутые участники (...) подъезжают быстрым ходом на трех фаэтонах к управлению Мотовилихинской милиции (...) с арестованным Михаилом Романовым и его камердинером*, английским подданным офицером (...), фамилию которого я совер-

* Личный секретарь великого князя Н. Н. Джоксон ошибочно назван камердинером.

шенно не припомню. (...) Первым забегает Иванченко В. А., который мне предложил сейчас же одеваться и следовать с ними. (...)

Не теряя времени, один из участников тов. Мясников Г. И. остался, а вместо него поехали я, Новоселов, и Плешков А. И. (...) И мы сейчас [же] тронулись по шоссе, трактовой дороге к селу Левшино, но сначала по главной улице Мотовилихинского завода, а потом по улице по Подвышенской и выехали в поле. Ехали самой быстрой ездой.

С Михаилом Романовым ехали (...) Иванченко В. А. и Жужгов Николай Васильевич, а с камердинером ехали Марков А. В. и Колпащиков И. Ф. (...), а я, Новоселов И. Г., и Плешков ехали на третьем фазтоне, в сопровождении (...).

Отъехав от самого селения Мотовилихинского завода на расстояние 5-ти верст, сворачиваем в правую сторону. [Углубляемся] на расстоянии пятидесяти саженей в густой [ельник?], где приступили к расстрелу Михаила Романова и его камердинера.

(...) [первым в расстреле] принял (...) участие т. Жужгов Николай Васильевич. Первым выстрелом Михаил Романов ранен только в правое плечо, а потом наган не стал работать у Жужгова ввиду того, что боковой затвор отскочил и одна пуля [застряла], и в то время Михаил схватил Жужгова в охапку и они стали барахтаться. (...) Я своим выстрелом Михаила ранил смертельно, а потом стреляли Жужгов и Плешков.

Участниками расстрела камердинера [были] гг. Иванченко, Марков и Колпащиков И. Ф.

Мое непосредственное участие в расстреле Михаила Романова и тов. Жужгова Н. В. [не ограничилось на этом] (...). После совершения расстрела все участники возвратились в управление Мотовилихинской милиции, где провели первое заседание, на котором было решено расстрелянных Михаила Романова с его камердинером придать, т. е. зарыть глубже в землю. Таким образом, пал жребий на меня и тов. Жужгова. (...)

13 июня 1918 года в 10 часов утра я и тов. Жужгов Николай Васильевич (...) прибыли на место расстрелянных, где выкопали по обыкновению могилу, куда и зарыли Михаила Романова и его верноподданного камердинера.

Когда мы закопали в землю [трупы], я на одном из

сосновых (?) деревьев над могилой Романова вырезал своим перочинным ножом четыре буквы: (...) ВК МР, что обозначало: здесь расстрелян Великий князь Михаил Романов. Эту историческую могилку я в настоящее время еще не забыл. (...)

ЦДНИСО, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 202—206 об. Автограф.

90. Отношение Пермского истпарт в Уралиспарт о роли И. Г. Новоселова в похищении и убийстве Михаила Романова

18 декабря 1928 г.

Истпарт отдела ОК ВКП(б) в отношении Новоселова сообщает следующее. С большим трудом, наконец, была выявлена роль в деле убийства Михаила Романова. При похищении Михаила Романова проездом через Мотовилиху был захвачен с лопатой и дежурный в Мотовилихе милиционер Новоселов, который проезжал напрасно до места расстрела, так как в тот день Мих[аила] Романова не зарывали, а зарывали на другой день сами участники похищения без участия Новоселова.

Разрешение вопроса об отобрании именных вещей Романова * истпарт отдела ОК ВКП(б) не может взять на себя, т. к. вещи Мих[аила] Романова находятся, по рассказам, у многих работников, не только у участников расстрела, живущих в разных местах СССР.

К. Ольховская.

ЦДНИСО, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 232. Подлинник.

* В заявлении И. Г. Новоселова в Уралиспарт говорится: «После совершения расстрела по возвращении в управление Мотовилихинской милиции, когда производился раздел вещей с расстрелянных между участниками, то 1-му Иванченко В. А. были отданы с расстрелянного Михаила Романова золотые шестиугольные именные часы червонного золота, с надписью на одной из крышек Михаил Романов (...). С расстрелянного Романова также было снято золотое именные кольцо и пальто и штюблеты — бывшему расстрелянному нач. милиции А. Ив. Плешкову. А с расстрелянного камердинера вещи разделены между Марковым и Колпацниковым И. Ф.» (ЦДНИСО, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 237—238. Копия).

91. Из воспоминаний чекиста А. А. Микова ⁹⁶ «Что делать с Мишкой Романовым?»

21—25 августа 1956 г.

(...) Все находили, что обстановка очень серьезная. Вот эта обстановка на фронте и создала необходимость поставить на обсуждение в нашей тесной среде вопрос: что делать с Мишкой Романовым?

Мишка, как мы его называли, Романов содержался у нас в Перми на положении какого-то ссыльного, проживая свободно в верхнем этаже быв[шей] гостиницы (против «Козьего загона», угловой дом рядом с банями) вместе со своим секретарем Сельтиссоном (особый вид колбасы из отходов колбасного производства), как мы его называли для смеха ради условным именем, и лейб-хирургом «Его Императорского двора» — Боткиным ⁹⁷.

Временем своим он располагал свободно; ходил, как и когда ему «вздумается», по гостям, по купечеству, что осталось еще не ликвидированным в городе. Агентурные сведения указывали, что около него начала группироваться разная черносотенная сволочь с целью тайного увоза его, и офицерство старое возглавляло эти планы. Все это мы подробно обсуждали, судили и рядили в большинстве случаев в частных разговорах друг с другом.

А в середине июня, день не припомню, вечером на даче я увидел Малкова Павла Ив. — председателя ЧК в г. Перми. (...) Помню хорошо — день был воскресный. Под вечер уже около койки т. Решетникова ⁹⁸ в углу большой комнаты собрались: Мясников, М. Туркин, Смилга ⁹⁹, Борчанинов Александр, Постаногов и еще двое из города, по фамилии их уже не припомню. Был, кажется, и жилец из флигеля — Сорокин. Опять, уже который раз, речь была относительно Мишки Романова.

Малков выразил опасение, что дальше «держат» Мишку опасно: может сбежать, хотя наблюдение за ним строгое. Мясников посоветовал: постановить — отозвать его обратно в Москву — эвакуировать. «На кой черт возить его туда и обратно — ликвидировать его и все, спустить в Каму и всего делов!» — эта моя реплика как будто смутила всех, а все же я был уверен, за нее были все, и я уверен, что это подтолкнуло на более решительное разрешение вопроса о Мишке.

Через некоторое время с Трофимовым Александром

я два раза заходил к Романову. То обстоятельство, что Трофимов был мне близкий товарищ по боевой организации 1905—1906 гг., и вместе побег из тюрьмы устраивали (...) в 1907 г., и затем опять вместе работали после каторги в 1917 году, и что Трофимов работал в особом отделе ЧК, между нами были вполне откровенные разговоры и беседы относительно этого дела.

Романов при нашем последнем «визите» к нему был настроен, видимо, сильно «нервически». Холодный, острый взгляд его буравил вопросительно нас обоих, видимо, он догадывался, что вскоре будет с ним (...). Об обстановке, как и где все «это» произошло вскоре, кем все это было выполнено,— все мы об этом хорошо знаем, кому следует знать.

Но вот что следует рассказать. Возвратившись из эвакуации в Пермь из Вятки (...), где я одно время опять работал в ЧК вместе с П. И. Малковым, я занял квартиру по Пермской ул. *, д. 85, флигель — верх, где до взятия Перми нашими войсками в июне месяце проживал колчаковский полковник, бежавший с Колчаком обратно в Сибирь. Впопыхах, видимо, полковник не успел ничего уничтожить из своего имущества, обстановки своей квартиры, книг и кой-каких бумаг своего письменного стола. Кое-что было уже уничтожено жильцом, который до меня занимал эту квартиру. Работал он в окружном суде кем-то, где и я работал пред. Военного трибунала, фамилию его забыл и вспомнить не могу (...).

В числе этого бумажного «наследства», оставленного полковником, был целый комплект подшитых аккуратно газет — «Сибирский стрелок», орган Колчаковской военной ставки при штабе Колчака, как он именовался. Из любопытства перелистывая этот «Сибирский стрелок», в одном из его номеров, не помню хорошо, за январь или декабрь, а может февраль, я наткнулся на объявление, напечатанное жирным шрифтом на первой странице газеты: «Все! Старший по особым делам следователь при ставке Его Высокопревосходительства командующего войсками нашей Родины адмирала Колчака, г. Омск, разыскивает следующих лиц: Малкова, Мясникова, Колпашикова, Жужгова, Иванченко, Маркова, Микова. Всех лиц просят, если им известны адреса указанных лиц, сообщить немедленно по адресу: г. Омск, Ставка военного командо-

* Ныне ул. Кирова.

вания. За указанные адреса этих лиц или поимку их и доставку в указанный адрес следует вознаграждение в 10 000 руб. за каждого».

Был ли этот приказ следователя сфабрикован вскоре же по занятии г. Перми Колчаком (24/XII—1918 г.), или позже, через некоторое время, — установить это следует обязательно, а жаль, что за это беремся после 40 лет! Из этого следует следующий вывод: «Как, каким образом, из каких источников и когда именно к следователю поступили сведения об указанных лицах, связанных с именем «Его Императорского Величества Романова»? Каким образом вскоре же после занятия г. Перми Колчак распорядился «во что бы то ни стало» разыскать «в бозе почившего» Мишку Романова и именно в надлежащем районе, где он и «почивал» вместе со своим секретарем и «хирургом», именно в лесу около керосинового склада э. Мотовилиха.

Воинские команды, которым были поручены розыски «в бозе почивших», как стадо диких свиней, перерыли и ископали значительную площадь в лесу, но ничего, кроме разочарования, не нашли. Да и чем они виноваты в этом! Была зима, снег был глубокий, и, как теперь выражаются дипломаты, «позабыли», видимо, поставить над их могилами простые деревянные кресты по православному требованию, даже простого осинового кола, черти этакие, не вбили! Поиски колчаковцами — самим Колчаком, ибо он в это время был уже и сам в Перми, проживал в доме Любимихи*, — указывают на то, что «чья-то информация» была верной и точной и исходила из верного источника. Видимо, осведомитель был близок к нам. Да и не мудрено: мы мало соблюдали конспирацию.

ПОГАНИИ О П Д, ф. 90, оп. 2, д. М-22 б, л. 47—60. Подлинник.

* Дом Е. И. Любимовой, вдовы известного пермского предпринимателя, пароходчика, мецената И. И. Любимова (сейчас в этом здании располагается Пермский театр юного зрителя).

92. Из воспоминаний А. Н. Марковой¹⁰⁰ «Ну, рассказывайте, как вы там расправились с Михаилом?»

20 апреля 1966 г.

В 1918 году в июне по поручению горкома партии большевиков и губчека было поручено товарищам Иванченко В. А., Жужгову Николаю, Маркову А. В. и Колпашикову Ивану увезти из гостиницы Михаила Р[оманова] и его дядьку англичанина и произвести акт ликвидации их, что и выполнила эта четверка. После этой операции через некоторое время снялись на фотокарточку, которую я послала в Пермский партархив. На фото снят вместе с четверкой Мясников (...), его участие выражалось в расстановке товарищей для охраны 2-х фаэтонов по пути следования, в которых увозили Михаила и его дядьку по направлению Соликамского тракта через Мотовилиху.

Спустя несколько месяцев Марков А. В. был командирован Пермским губисполкомом в Москву по вопросу о выделении средств для культурно-просветительных предприятий, над которыми Марков был комиссаром, — театры, кино, клуб и т. д.

По приезде в Москву А. В. пошел в Кремль к т. Свердлову Я. М., коротко сообщил ему о расстреле Михаила Романова. Яков Михайлович сразу повел Маркова к В. И. Ленину. Владимир Ильич, поздоровавшись, спросил: «Ну, рассказывайте, как вы там расправились с Михаилом?» А. В. кратенько сообщил, как было дело, упомянув при этом дядьку англичанина. Тогда т. Ленин сказал: «Хорошо», — но предупредил, чтобы нигде об этом не было оглашено, т. к. англичане могут предъявить нам иск и расплачивайся тогда Советская власть всю жизнь со всеми родичами его. Так вот о том, что А. В. встречался и говорил с В. И. Лениным, тоже не написал в своей биографии.

ПОГАНИ«ОПД, ф. 90, оп. 2, л. М-6, л. 30. Подлинник.

(...) В первых числах июня (1918 г.), проводив Чусовскую роту, я перебрался на квартиру, указанную мне Латкиным. Это был номер гостиницы при бывшем Благородном собрании (ныне клуб им. Дзержинского). К такой квартире после солдатского общежития я никак не мог привыкнуть и через несколько дней нашел небольшую комнату в губисполкомовской квартире для приезжающих, куда и перетащил свой незамысловатый багаж.

От первой барской квартиры осталась в памяти встреча с Михаилом Романовым, который жил в номере, расположенном против моего, до того, как его перевели в бывшие Королевские номера. Произошло это утром. Когда я уходил на работу, одновременно со мною в коридор вышел высокий стройный блондин с военной выправкой, в сером свободном плаще, в фуражке военного образца и начищенных сапогах. При виде его невольно возникало представление о гвардейце.

Заинтересовавшись этим человеком явно не нашей среды, я пошел следом за ним, и так мы дошли до губчека. Там он зашел в комнату дежурного коменданта, а я прошел к Малкову и, рассказав о встрече, спросил, кто это такой.

Павел Иванович, улыбаясь, спокойно ответил мне, что это калиф на час Михаил Романов, в пользу которого Николай II отказался от престола. Он здесь в ссылке и обязан утром и вечером регистрироваться в нашей комендатуре. За ним установлено наблюдение.

Этот разговор с Малковым вспомнился мне, когда я прочел вскоре хроникерскую заметку в пермских «Известиях» за 15 июня, в которой подробно рисовалось «похищение Михаила Романова».

После этой заметки по Перми и губернии поползли всевозможные слухи. Приверженцы старого режима, которых было немало, видели в похищении «перст господень» — чудо спасения от большевиков члена царской семьи. Они заказывали молебны «о здравии раба божия Михаила» и ждали, когда этот чудом спасенный появится во главе войска, «освободит пленного монарха и восстановит порядок». Слухи доходили до меня, я рассказывал их Малкову, а по его информации я знал, что подобные

настроения были и среди значительной части служащих советских учреждений Перми и Мотовилихи.

Все это были слухи, а мне хотелось знать правду, и на мой вопрос по этому поводу Павел Иванович совершенно спокойно отвечал: «Найдется Михаил, куда он денется!» Судя по ответу Малкова, мольбы монархистов и церковников не дошли до адресата. (...)

Свяков В. Ф. Пережитое.— Пермь, 1968.— С. 185—186.

94. Из воспоминаний камердинера А. А. Волкова «Около царской семьи»

В ПЕРМСКОЙ ТЮРЬМЕ

В Пермской тюрьме мы впервые узнали об убийстве государя. В газетах сообщалось только о нем одном, об убийстве же остальных членов семьи не говорилось ни слова. Смотритель тюрьмы оказался очень добрым и благожелательным человеком. Кормили очень плохо, но спасало то обстоятельство, что у сербов, с которыми я сидел в одной камере, были деньги, на которые покупалось для всех нас продовольствие. В Екатеринбурге я исхудал и обессилел, в Перми же несколько поправился. Елена Петровна¹⁰², граф[иня] Гендрикова и Шнейдер сидели все вместе в другой камере. Виделись мы с ними издали только на прогулках и в церкви. На прогулку я и Смирнов¹⁰⁸ выходили дважды в день. Гуляли во дворе, одни, без надзирателя. Сербы не гуляли, опасаясь за свою жизнь. Действительно, некоторых заключенных в это время расстреливали. Так, расстреляли Знамеровского. Он был жандармским офицером в Гатчине, откуда, так же как и великий князь Михаил Александрович, был выслан в Пермь, где он жил в одной гостинице с великим князем, с которым часто проводил время и совершал прогулки. К Знамеровскому приехала жена с сыном. Она поселилась вместе с мужем. Ее обыскали, нашли письма к Михаилу Александровичу. Письма взяли, а Михаила Александровича и его секретаря через некоторое время увезли из гостиницы. На другой день после увоза великого князя

арестовали самого Знамеровского, оставив пока на свободе его жену. Знамеровский, так же как камердинер великого князя Челищев *, а также шофер великого князя, сидели с нами в Пермской тюрьме. Через некоторое время арестовали и Знамеровскую, отдав ее сына дяде, брату самого Знамеровского.

Однажды Знамеровского позвали, как будто бы для допроса. Он сказал какую-то резкость. Его грубо вытолкали во двор и тут же расстреляли. Это стало известно заключенным и давало повод сербам воздерживаться от проулок.

В полночь с 21 на 22 августа старого стиля в камеру вошел надзиратель и спросил: «Кто Волков?» Я отозвался. «Одевайтесь, пойдете». Я стал одеваться. Смирнов тоже оделся и, сам сильно взволнованный, успокаивал меня. Я отдал ему бывшие у меня золотые вещи; мы попрощались, поцеловались. Смирнов сказал мне: «И моя участь, Алексей Андреевич, такая же, как ваша» **.

* Правильно: Челищев.

** Привожу здесь по весьма понятным для читателя причинам вариант С. Н. Смирнова об этой же — увы! бытовой тогда — сцене.

Вечером, 21 августа (3 сентября) я сидел почему-то позже обыкновенного, читая «Екатерину II» Брикнера. Наши уже легли. Была мертвая тишина (...). Около 11-ти я уменьшил огонь, разделся, помоллся, что привык делать аккуратно утром и вечером, накрылся своей охотничьей буркой и скоро заснул. Но вот сквозь сон услышал я шум шагов в коридоре, потом звон ключей, посмотрел на часы, я увидел без десяти двенадцать. Ключ вставляли в нашу дверь, открыли, на фоне света в коридоре образовалась фигура надзирателя. В такой час посещение было зловеще. «Который тут Волков?» — спросил надзиратель. Все проснувшись, и Волков ответил: «Я». — «Одевайся». Одевшись, Волков подошел ко мне, передал мне форменный жилет с золотыми часами и обручальное кольцо, прося передать жене; потом посмотрел на икону и, крестясь, прошептал: «Боже мой, Боже мой, Боже мой», перекрестился трижды, поцеловался со мной и ушел. Защелкнул замок и все затихло. Никто из нас не спал. (...) Но вот послышалась вновь шаги в коридоре, приближавшиеся вновь к нашей камере. Я понял, что идут за мной, и начал одеваться, чтобы идти на казнь. Меня начала бить холодная лихорадка. (...) Щелкнул замок. Открылась дверь, и на свету обрисовалась фигура Волкова. «Не беспокойтесь, меня переводят в Арестный дом, разрешили взять вещи». Быстро собрал он свой сверточек в газете, я ему подал жилет, но он его не взял. «Нет, нет, нет, оставьте у себя».

До утра я не спал: тотчас после проверки узнали мы, выйдя в коридор умываться, что внизу, в эту ночь, в это же время, увели Гендрикову и Шнейдер, и что арестовали начальника тюрьмы. Настроение у всех было подавленное. Я пошел к Павлову и попросил не оставлять княгиню одну; сейчас же он перевел к ней гувернантку или

Пришел с надзирателем в контору, где уже ожидали трое вооруженных солдат. (...) Послали поторопить Гендрикову и Шнейдер. Скоро подошли и они в сопровождении надзирателя. Тотчас, под конвоем трех солдат, очень славных русских парней, тронулись в путь. Он был не особенно далек. На вопрос, куда нас ведут, солдат ответил, что в Арестный дом. Здесь нас ожидали еще восемь человек: пять мужчин и три женщины. Между ними были Знамеровская и горничная той гостиницы, где жил вел[икий] кн[язь] Михаил Александрович. Таким образом, нас все оказалось одиннадцать человек. Конвойных было двадцать два человека. Начальником являлся какой-то матрос. Среди конвойных, кроме приведших нас трех солдат, не было ни одного русского.

Гендрикова пошла в уборную и спросила конвойного о том, куда нас поведут отсюда. Солдат ответил, что нас поведут в пересыльную тюрьму. «А потом?» — спросила Гендрикова. «Ну, а потом — в Москву», — ответил конвойный. Пересказывая свой разговор с солдатом, Гендрикова сделала пальцами жест: «Нас так (т. е. расстреливать) не будут».

Матрос, уже одетый, веселый, с папироской во рту, не раз выходил на улицу: очевидно, смотрел, не рассветает ли. (...)

Вывели нас на улицу, выстроили попарно: впереди мужчин, позади женщин, — и повели. Провели через весь город, вывели на Сибирский тракт, город остался позади. Я думаю: где же пересыльная тюрьма? И в душу закралось подозрение: не на смерть ли нас ведут?

Впереди меня шел мужчина. Я спросил его, где пересыльная тюрьма. «Давным-давно ее миновали, — был ответ. — Я сам тюремный инспектор». — «Значит, нас ведут на расстрел». — «Какой вы наивный. Да это и к лучшему.

учительницу французенку, арестованную, когда хватили всех иностранцев. Потом княгиня рассказала мне про уход Анастасия Васильевны и Екатерины Адольфовны. Точно так же назвали их фамилии. Они спали. Анастасия Васильевна вскочила, сказала «*Ça y est!*», быстро оделась, подошла к столу, на котором лежала какая-то книга, написала на ней карандашом в адрес своей сестры Балашевой в Кисловодске. Затем она сказала княгине: «*Si quelque chose m'arrive*», и их обеих увели. Через некоторое время княгиня узнала, что их в чека допрашивали. Анастасию Васильевну спросили, добровольно ли она поехала за царской семьей. (Она ответила утвердительно и гордо.) (Прим. Волкова.)

Все равно — теперь не жизнь», — трубка, из которой он курил, задрожала в его руках.

Оглянулся я назад. Смотрю, идет старушка Шнейдер: едва идет. Несет в руках корзиночку. Я взял у нее корзиночку и нес ее остальную дорогу. В корзиночке были две деревянные ложки, кусочки хлеба и кое-какая мелочь.

Крестьяне везут сено. Остановились. Остановились по свистку и команде матроса и мы. У меня зародилась мысль о побеге. Думаю: можно проскользнуть между стоявшим впереди возом сена и лошадью, позади идущей и щиплющей сено с воза. Наклонясь, можно было проскользнуть, но было еще темно, и я не мог видеть, что находится за лошадью по ту сторону дороги: может быть, глубокая канава, забор. Обдумав, решил, что в таких случаях бежать нельзя.

Матрос свистнул, крикнул: «Идем», и мы двинулись дальше. Пройдя некоторое расстояние, опять остановились. Шел мальчик с портфелем, по-видимому, переводчик (среди наших конвойных было очень много нерусских). Матрос подошел к мальчику, о чем-то переговорил с ним, и нас повели дальше. Возле того места, где мы только что стояли, раздалась три залпа.

Стало чуть-чуть рассветать. Дорога, оказалось, была обнесена довольно высокой изгородью. Конвойные предложили свою помощь в переноске вещей. Хороших, ценных, более или менее, вещей, было немного. Отбрали корзиночку Шнейдер и у меня.

Прошли не очень далеко, и матрос скомандовал: «Направо». Свернули на дорогу, ведущую в лес. На дорогу был уложен накатник. По этой лесной дороге сделали несколько десятков шагов. Опять свисток и команда матроса: «Стой».

Когда матрос сказал: «Стой», я сделал шаг влево. В этот момент как будто мне кто-то шепнул: «Ну, что же стойшь. Беги». Словно меня кто-то подталкивал к побегу. Сказав в уме: «Что Бог даст», я тотчас же прыгнул через канаву и пустился бежать.

Лес был мелкий, на земле валежник. Я пробежал несколько шагов. Вслед раздался выстрел. Пуля просвистела возле уха. Бегу дальше. Второй выстрел. Пуля пролетела на большом от меня расстоянии. Я споткнулся и упал. Слышен был голос конвойного: «Готов». Во время падения с головы свалилась шапка. Хотел было ее под-

нять, но не удалось, я вскочил и побежал дальше. Третий выстрел. Но на этот раз пуля пролетела далеко от меня. Я ждал, что меня станут преследовать, но погони за мной не было. (...)

Волков А. А. Около царской семьи.— Париж, 1928.— С. 68—72.

95. Из книги следователя Н. А. Соколова «Убийство царской семьи»

УБИЙСТВО В ПЕРМИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Спасся ли великий князь Михаил Александрович?

Он был выслан из Гатчины в феврале 1918 года и жил в Перми, пользуясь сравнительной свободой, в гостинице купца Королева.

В этой же гостинице жили его секретарь Николай Николаевич Джонсон, камердинер Василий Федорович Челышев и шофер Борунов.

12 июня вечером у великого князя был его повар Георгий Федорович Митревели, живший отдельно в своей квартире.

По приказанию великого князя Митревели должен был утром 13 июня явиться к нему.

Митревели утром явился в гостиницу Королева, но не нашел здесь ни великого князя, ни Джонсона, ни Челышева с Боруновым.

От прислуги гостиницы он узнал, что минувшей ночью великий князь с Джонсоном был куда-то увезен большевиками, Челышев же с Боруновым спустя некоторое время были арестованы.

Мне удалось установить, что оба последние содержались большевиками в Пермской тюрьме, откуда они по ордеру Пермской чека от 21 сентября 1918 года за № 3694 были уведены и через некоторое время, по сведениям тюремного начальства, расстреляны.

В одной камере с Челышевым содержался уже известный нам камердинер Государыни Алексей Андреевич Волков.

Челышев рассказал Волкову, как был увезен великий князь Михаил Александрович.

При допросе у меня Волков показал:

«В одной тюрьме с нами (в Перми) сидел камердинер великого князя Михаила Александровича Василий Федорович Челышев. С ним я встречался в коридоре, и он мне рассказывал, как он попал в тюрьму.

Михаил Александрович проживал в Перми в Королевских номерах, где в другом номере жил с ним и Челышев. Там же жил и его секретарь Джонсон. Приблизительно недели за полторы, как говорил Челышев, до нашего прибытия в Пермь, ночью, часов в 12, пришли в Королевские номера какие-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них у всех были револьверы. Они разбудили Челышева и спросили, где находится Михаил Александрович. Челышев указал им номер и сам прошел туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеваться. Он стал одеваться, но сказал: «Я не пойду никуда. Вы позовите сюда вот такого-то. (Он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал.) Я его знаю, а вас я не знаю». Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: «А, вы, Романовы! Надоели вы нам все!» После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их. Больше Челышев не видел ничего и не знал, в чем и куда увели Михаила Александровича. Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезен), Челышев сам отправился в Совдеп, как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича. По его словам, на это заявление не было обращено внимания, и спустя час, как он мне говорил, большевики стали делать что-то вроде погони за Михаилом Александровичем, но в чем она выразилась, Челышев не говорил. На него же они произвели впечатление, что они нисколько не спешили догнать Михаила Александровича и вообще как бы не обратили должного внимания на его заявление. Я забыл еще сказать, что, когда Михаил Александрович уходил из номера, Челышев ему сказал: «Ваше Высочество, не забудьте там взять лекарство». Это были свечи, без которых Михаил Александрович не мог жить. Приехавшие как-то обругались и увели Михаила Александровича. Лекарство же так и осталось в номере. На другой же день после этого Челышев был

арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян».

Большевичка Вера Карнаухова была секретарем Пермского комитета партии большевиков, а ее брат Федор Лукоянов — одним из следователей Уральской областной чека.

Карнаухова показала: «Пришел как-то в наш комитет чекист Мясников, человек кровожадный, озлобленный, вряд ли нормальный. Он с кем-то разговаривал, и до меня донеслась фраза: «Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел расправиться, как и с Михаилом».

Данными моей агентуры установлено, что великий князь вместе с Джонсоном был увезен пермскими чекистами в соседний с Пермью Мотовилихинский завод, где они оба и были убиты.

Их тела были там же, видимо, сожжены.

После этого большевики распространили в Перми слух, что великий князь был увезен монархистами, а в Москве они распространили должное известие, что в Екатеринбурге убит Государь Император.

Это последнее известие появилось в Москве, и я имею много подлинных телеграмм их ответственных деятелей, точно устанавливающих этот факт.

Таким путем они отвлекли внимание общества от osoby великого князя, приковав его к мнимому в то время факту гибели Государя.

Слух о «спасении» великого князя многими был принят с доверием, так как убийство Государя было скоро опровергнуто ими же самими.

В Перми вместе с камердинером Государыни Волковым содержалась графиня Гендрикова и Шнейдер.

Волков показал у меня на допросе:

«В ночь на 22 августа по старому стилю меня привезли из камеры в контору. Тут же были и Гендрикова со Шнейдер. Отсюда нас повели в Арестный дом и ввели в особую комнату, где было 8 человек. Здесь же было 22 вооруженных человека. Это были, очевидно, палачи. Среди них были и русские, но по большей части были и не русские, а, видимо, латыши, хотя, быть может, были и мадьяры. Командиром у них был какой-то человек в матросской одежде. Мы сидели ждали света. Гендрикова мне шепнула, с чьих-то слов, что нас отведут в пересыльную тюрьму, а потом отправят в Москву или Петроград. Я не стал ей возражать, хотя и ясно видел, куда нас поведут.

Повели нас за город. Кончились строения, показался лесок. Стали мы подходить, должно быть, к месту казни нашей, потому что наши палачи стали услужливо предлагать свои услуги: «Позвольте, я понесу ваши вещи», очевидно, каждый желал сейчас же завладеть нашими вещами, чтобы потом не делиться ими с другими. Потом нас остановили. Я улучил минуту и перепрыгнул канаву, которая была около меня. Я бросился бежать. В меня было выпущено три пули. Я упал, потерял шапку и слышал вдогонку слова: «Готов». Но я тут же поднялся и снова побежал (упал я после второго выстрела). В меня был произведен третий выстрел, но Господь Бог меня сохранил, и я убежал. В течение 43 суток я блуждал и вышел на линию железной дороги в 70 верстах от Екатеринбурга на территорию, свободную от большевиков».

Графиня Гендрикова и Шнейдер были тогда же расстреляны.

Их трупы были найдены весной 1919 года *.

Соколов Н. А. Убийство царской семьи.— М., 1990.— С. 329—332.

96. Из воспоминаний председателя Уральского ревкома М. Ф. Горшкова-Касьянова¹⁰⁴ **

Значительно осложнилась обстановка, когда из Пертбурга в Пермь пришел специальный поезд, в котором оказался Михаил Романов. Прибывший поезд принимали члены Совета, большевики Белобородов, Борчанинов и Мясников. Приняв секретный поезд, депутаты-большевики поместили Михаила в Сибирской гостинице. Вход и выход в гостиницу зорко охранялся отрядом Красной

* В газете «Современная Пермь» от 7 июня 1919 г. было опубликовано следующее сообщение: «В конце мая городским самоуправлением производились раскопки расстрелянных большевиками, главным образом на 4-й и 5-й верстах от города по Сибирскому тракту, около мест свалки нечистот. Велось следствие, которым занимался следователь по важнейшим делам Пермского окружного суда. В числе погребенных трупов, обнаруженных около свалочного места, были опознаны трупы графини Гендриковой, баронессы Менген и фон-лектриссы Шнейдер». (Прим. сост.)

** Воспоминания написаны до 1958 г.

гвардии. Появление Михаила в Перми держали большевики в секрете. Однако в городе стали распространяться слухи, главным образом среди мещан, буржуазии и солдат седьмого полка, о том, что не худо бы вновь на престол пригласить Михаила. Стали всячески говорить о его полководческом искусстве и связях с буржуазией. Было ясно, что буржуазия готовится встать под знамя Михаила. Держать в такой обстановке Михаила было невозможно. К тому же он, видимо, знал о подготовке восстания и гордо ходил по номерам гостиницы. Высокий, смуглый, с окладистой черной бородой и Георгиевским крестом на ленте. Около гостиницы вечерами стали появляться подозрительные личности.

В один из таких вечеров я и Александр Шамарин (...) были вызваны в горсовет. А. Белобородов в присутствии Мясникова, Зорина и Лукоянова, вручая нам решение Совета, сказал: Михаила Романова нужно «эвакуировать» в Мотовилихинскую тюрьму — это островок против завода, где расстреливали контрреволюционеров.

Мне с Шамариным было ясно, что мы выполняем волю народа. Через час приговор был приведен в исполнение. Этим самым предотвратили кровопролитие, которое готовили буржуазия Урала и верный Михаилу сто седьмой полк*.

ПОГАНИжОПД, ф. 90, оп. 2, д. Г-19, л. 52—53. Копия.

* Выше упоминается седьмой полк.— Так в документе.

ЗА ПРИЗРАЧНОЙ ТЕНЬЮ

97. Выписка из газеты «Современная Пермь»

26 мая 1919 г.

В некоторых сибирских газетах появились сведения, почерпнутые, очевидно, из советских источников, об аресте и расстреле между остальных членов бывшей царской семьи и Михаила Александровича Романова.

Местные газеты со слов будто бы очевидцев приводили даже подробности ареста Михаила Александровича пермской «чрезвычайкой».

Ходили также неясные слухи о том, что Михаилу Александровичу удалось избежать большевистского суда и скрыться. В настоящее время мы имеем возможность положить конец всяческим слухам.

В Перми сейчас находится пор[учик] Соссионкин, который любезно сообщил нам следующее.

Соссионкин был очень близок к бывшему царскому семейству и во время войны за выдающиеся подвиги был особо представлен бывшему государю.

Во время пребывания Михаила Александровича в Перми, пор[учик] Соссионкин находился все время около князя, исполняя обязанности осведомителя Мих[аила] Алекс[андровича] о событиях в России и за границей. Они виделись каждый день, вплоть до того времени, когда летом прошлого 1918 г., в июне месяце, через несколько дней после симуляции с арестом князя Мих[аила] Алекс[андровича], со своим секретарем Джонсоном и матросом сели в моторную лодку и благополучно отбыли вверх по Каме, имея у себя строго обдуманый план дальнейших действий. Им удалось благополучно добраться до Иркутска, откуда пор[учик] Соссионкин

и получил последнее извещение от князя. Дальнейшее пребывание Мих[аила] Алекс[андровича] неизвестно.

РЦХИДНИ. ф 528, оп. 3, д. 8, л. 203—203 об. Заверен. копия

98. Из протокола допроса Р. М. Нахтмана ¹⁰⁶

1919 года, декабря 12 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите (...) допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Роман Михайлович Нахтман — сведения о личности см. л [ичное] д [ело] 66 том. 8.

Население города Перми, как мне удалось это заметить, пока я там был, относилось к Михаилу Александровичу прекрасно. Он принужден был ходить преимущественно по вечерам: иначе его окружал народ и открыто выражал ему свое сочувствие. Провизией его затаскивали: почти каждый день у него в номере была в банке свежая стерлядь. Великий князь занимал в Корлевских номерах четыре номера: 18—21. Джонсон жил не в 8 номере, как я вчера сказал, а в 18. Сам великий князь с Наталией Сергеевной занимали 21 номер, остальные два номера занимали камеристка Екатерина Даниловна и лакей Борунов и Чельшев.

Я видел в Перми на Михаиле Александровиче такой костюм: серую шляпу, поля которой он обыкновенно опускал, серую английскую накидку из резины (плащ), гимнастерку защитного цвета, без погон, защитные штаны и высокие сапоги.

Знамеровская впоследствии возвратилась в Пермь, где, как мне говорил князь Вяземский ¹⁰⁶, она была убита большевиками вместе с мужем.

Я справился в своих заметках. Оказывается, Наталия Сергеевна Брасова не ходила к Урицкому, а была отыскана в Петрограде и арестована.

У меня остались в Гатчине двое детей и жена. Я отыскивал великого князя на свои деньги и все их прожил.

Я ни малейшего сомнения не имею в спасении Михаила Александровича. Конечно, его вместе с Джонсоном похитила организация и увезла по Каме. Весь вопрос в том, где он теперь находится. Недаром же Знамеровский говорил тогда об этом, изучал карту. Коршунов с архиереем безусловно в полном курсе дела. Но они не говорят ничего, молчат. (...)

Прочитано.

Роман Михайлович Нахтман.

РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 7, л. 77—77 об. Заверен. копия.

99. Отношение Российской дипломатической миссии в Сиаме в Российское посольство в Париже с опровержением слуха о спасении великого князя Михаила Александровича

29 ноября 1920 г.

Считаю долгом покорнейше просить посольство, если то будет признано желательным во избежание распространения ложных слухов, опровергнуть в печати помещенное газетой «Фигаро» в № 277 от 4 октября с. г. и перепечатанное затем другими органами прессы сообщение Н. Брешко-Брещковского¹⁰⁷ о том, будто бы великий князь Михаил Александрович спасен и нашел убежище при дворе Сиамского короля. Российская миссия в Бангкоке может удостоверить, что великий князь не находится в Сиаме и сюда не приезжал.

Управляющий миссией.
Генеральный консул *.

ГА РФ, ф. 6851, оп. 1, д. 72, л. 94. Подлинник.

* Подпись неразборчива.

100. Из письма А. Сотникова к Э. Фрейбергу¹⁰⁶
о слухах насчет проезда великого князя Михаила
Александровича через Сибирь на Дальний Восток

19 апреля 1921 г.
Вамбек.

Многоуважаемый Эрин Георгиевич!

(...) Работа моя подвигается теперь хорошо, всего написано 190 страниц, через три-четыре недели думаю кончить окончательно и тогда перешлю к Вам с нарочным.

Капитану Булыгину могу только передать следующее:

1) Е. И. В. великий князь Михаил Александрович в январе 1919 года проехал через Забайкалье. До Даурии его сопровождал атаман Семенов¹⁰⁹, от Даурии и до Харбина он был сопровождаем бароном Унгерн-Штернбергом^{*110}. Из Харбина Е. И. Высочество направился на юг в Китай, но по какому маршруту — на Дайрен (Порт-Артур) или Шанхай, — мне не известно. Эти сведения мною получены от начальника контрразведки — подполковника Мальца, человека в высшей степени порядочного и которому я безусловно верю, тем более что эти сведения были мне даны в обмен на некоторые мною данные важные сведения, — разговор носил частный, личный характер.

2) Княгиня Вяземская, очень близкая к морганатической супруге Е. И. Высочества княгине ** Брасовой, в разговоре со мной перед отъездом очень интересовалась участью великого князя Михаила Александровича и говорила, что она ведет розыски вел[икого] князя Михаила Александровича, но пока что они безуспешны. Ею мне было дано письмо на имя княгини Брасовой, опущенное мною в Италию. Письмо было адресовано в Англию, и я, опасаясь обыска при проезде через Австрию и Германию, был принужден по совету некоторых людей сделать это, хотя я хотел его лично доставить по месту назначения.

* В документе ошибочно указано: Урген-Штернбергом.

** Н. С. Брасова имела титул графини.

3) Из частных разговоров с японскими офицерами Генерального Штаба мне приходилось слышать, что великий князь Михаил Александрович бывал в Японии после его проследования через Харбин в начале 1919 года.

4) Из разных многочисленных источников мне перед отъездом приходилось слышать, что великий князь Михаил Александрович живет в одной из английских южно-азиатских колоний, где-то в районе Сиама.

Более определенных сведений у меня нет; зная определенно об участии Государя Императора, я, будучи также твердо убежден, что великий князь Михаил Александрович жив, не мог придавать особо важного значения его временному местонахождению и был всецело занят вопросом о местонахождении Государя Императора. Сведения мои о Е. И. Величестве великом князе Михаиле Александровиче настолько устарели, что я их поэтому не пишу на отдельном листе и в виде показания, т. к. большого света они пролить не могут в данное время из-за большой давности.

Интересно знать, получила ли княгиня Брасова письмо, датированное началом июня м[еся]ца 1920 года, от княгини Вяземской или нет? Быть может, капитан Булыгин в состоянии навести эти справки.

К княгине Вяземской в Чите относились довольно критически, считая, что она являлась представительницей и работницей английской партии и была очень враждебно настроена в отношении барона Унгерна, у которого ее муж командовал полком. В дальнейшем супруги Вяземские получили 5000 золотом от атамана Семенова, что не помешало им вести чуть ли не агитацию против Семенова в Харбине. Вот все сведения, что могу сообщить.

Уважающий Вас

А. Сотников.

ГА РФ, ф. 601, оп. 2, д. 26, л. 19—21 об. Автограф.

101. Из показаний греческого подданного Н. К. Спиридиса о судьбе великого князя Михаила Александровича

9 марта 1922 г.

Спиридис Николай Константинович. Греческо-подданный, приехал из России в октябре 1921 г. в Афины. С 1909 г. жил в Перми и Екатеринбурге, где имел торговлю маслом и был казначеем греческой колонии на Урале. Сообщил, что знает о судьбе царской семьи и вел[иком] кн[язе] Михаиле Александровиче. Сведения всегда имел верные от советских служащих и, главное, от комиссара Лепа (латыша).

Первое время Спиридис находился под покровительством английского консула Томаса Престона, который был старшим из всех консулов на Урале. После реквизиции имущества Спиридиса советскими властями он поступил на службу в Комиссариат народного здоровья. На родину его не выпускали три года. (...)

О судьбе вел[икого] кн[язя] Михаила Александровича сообщил: вел[икий] кн[язь] был арестован в Перми в отдельном доме-особняке. Караул стражи не допускал к нему никого. Однажды к дому подъехал огромный автомобиль («шикарный» — какие имеются у некоторых богачей-заводчиков), на нем было до 10 человек в красноармейской форме, вооруженные. Среди них был один в форме комиссара. Предъявив приказ на производство обыска, был впущен с частью солдат, затем все вышли и быстро скрылись. Оказалось, что вел[икий] князь и его секретарь пропали. Телефон оказался испорченным. Поднялась сильная тревога. Было приказано оцепить вокруг города район в 50 верст для проверки пропусков и задержания едущих. После побега никто никогда не говорил, что где-нибудь был задержан вел[икий] князь. Все уверены, что он спасся. Все восстания, бывшие в Зап[адной] Сибири, шли под лозунгом: «За царя Михаила Александровича». Выехал Спиридис из Перми после долгих хлопот, под предлогом нездоровья, в Новороссийск, через Москву, затем попал пароходом в Батум и далее. Ехал более месяца. У Ростова на поезд было нападение, причем крестьянами было вырезано два вагона большевиков и комиссаров холодным оружием.

Восстания всюду, но неорганизованные, внезапные, т. к. более крупные загодя предупреждаются и жестоко ликвидируются. В Красной Армии коммунистов менее 10%.

Спирядис в настоящее время проживает в Афинах и имеет сапожную мастерскую.

Эти показания лично сняты и записаны контр-адмиралом князем Николаем Сергеевичем Путятиным 26 апреля правосл[авного] стиля 1922 г.

РЦХИДНИ, ф. 539, оп. 3, д. 7, л. 117—117 об., 118. Заверен. копия.

102. Орывок из рассказа А. И. Куприна «Шестое чувство»

Мы пришли в небольшой скромный кабинет, выходящий окнами на Неву. Следователь показал мне место против себя. Матрос сел сбоку в кресло.

Странный был следователь. Точно из сказок Гофмана. Казалось, что лицо его было грубо вырезано из мореного дуба и вставлено в темно-серый костюм. Неподвижные глаза глядели, но в них не было никакого выражения. Он был похож на мертвеца, поздно вынутого из могилы, или на тех спокойных католических великомучеников, деревянные изображения которых так часто встречаются в каплицах Юго-Западного края, поставленных на перекрестках дорог. В голосе его не было никакого тембра. Фамилия его была Самойлов. Говорили, что он из румын, из той страны, где до сих пор водятся загадочные вурдалаки.

Он пошевелил бумагами, порылся в них и разгладил один газетный лист.

— Вот эта статья,— спросил он бесцветным голосом,— озаглавленная «Михаил Александрович», не вами ли она написана?

— Мной.

— Единлично или в сотрудничестве с другими лицами?

— Одним мною.

— Что же вы хотели этой статьей сказать?

— Да ведь в статье все сказано. Вы ее, конечно, прочитали?

— Прочитал или не прочитал—это другой вопрос. Мы желали бы только знать, какие мысли или идеи хотели вы внушить широкой публике посредством вашей статьи?

— Совсем я ничего не хотел. Мне просто стало стыдно за представителей нового режима. Зачем они подвергают великого князя таким оскорблениям, унижениям и стеснениям? Он простой и добрый человек. Он совсем не властолюбив. Наоборот—у него отвращение к власти. Он родился в высокой царской семье, но душою и всеми помыслами он истинный прирожденный демократ. Он бесконечно щедр. Он не может видеть нужды, чтобы не помочь ей немедленно. Наездники Дикой дивизии обожали его, называя «наш джигит Миша». Он женился без разрешения престола, на женщине, которую полюбил, и был за это долго в опале. Когда отрекшийся Государь оставил власть в его руки, он первый сказал: я последую воле народа. Он редкий, почти единственный человек в мире по чистоте и красоте души и т. д., и т. д. Я процитировал ему всю статью мою наизусть и закончил словами: вот и все.

Настала тишина. Он долго, очень долго глядел на меня своими неглядящими глазами. Лицо его не изменилось. У меня было такое же тревожное и брезгливое чувство, которое невольно испытываешь, оставшись один на один с сумасшедшим.

Вдруг он очнулся.

— Итак,—равнодушно сказал он.—Из ваших слов я могу вывести только одно заключение: что вы не только ненавидите, но и презираете установленную пролетарскую народно-рабочую власть и ждете взамен ее великого князя Михаила Александровича, как бы архистратига Михаила, стоящего с огненным мечом. Не так ли?

Мне хотелось сказать ему: «балбес», но я ответил уныло:

— Да какая же здесь связь?

И опять мы скучно замолчали. Я обернулся на матроса, моего проводника. Он сидел с кислым, но смешливым

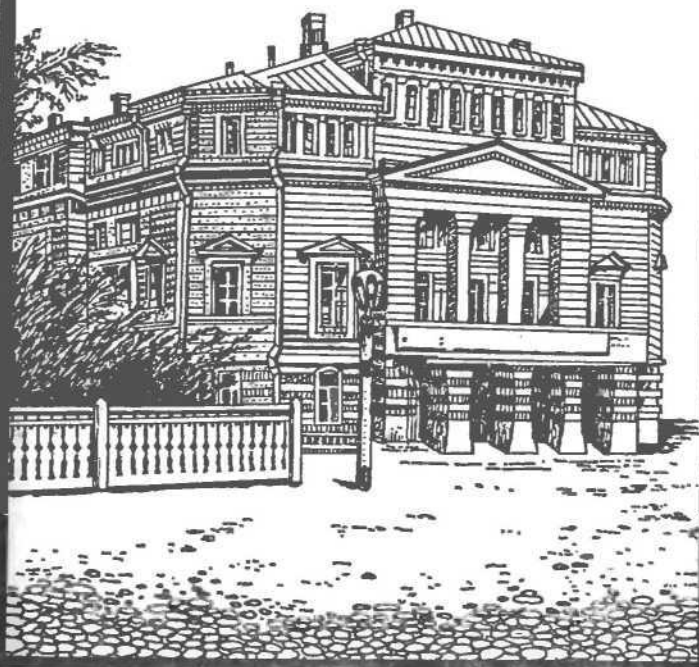
лицом, шурясь, курил папиросу. Я вспомнил, что забыл свой табак внизу, и попросил: одолжите покурить.

Он охотно и предупредительно дал мне папиросу и зажег спичку. И еще прибавил другую папиросу про запас.

Мы опять довольно долго говорили со следователем, но у нас по-прежнему ничего не выходило. Я очень был обрадован, когда он наконец сказал:

— Можете идти. Все равно: все ваши уловки, обходы и разные хитрости вам не помогут. Правосудие все равно доберется до ваших гнусных замыслов.

САМОСУД
СОВРЕМЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ
МЕСТНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ
И КРАЕВЕДОВ

Из очерка С. Торопова «Самосуд»

Темная история эта разыгралась в Королевских номерах, в здании гостиницы по ул. Сибирской (ныне ул. К. Маркса, 5). Дом когда-то возвышался над другими одно- и двухэтажными постройками, окружавшими его. Позднее построили рядом многоэтажные дома, и здание оказалось зажато ими вплотную. Но и сейчас оно смотрится.

Исследуя справочники разных лет, я обнаружил, что дом был построен по проекту инженера-архитектора Е. И. Артемова, возглавлявшего в начале двадцатого века губернский архитектурный строительный отдел. Возведен дом в 1907 году по заказу лесопромышленника В. Н. Королева, который три года сдавал его в аренду некоему А. Г. Степанову. В рекламе 1910 и 1911 годов говорится о «первоклассных гостинице и номерах «Королевские».

Пермяки для простоты их называли «Королевские» — ну как же, роскошные интерьеры, лепные украшения...

В годы Великой Отечественной войны у дверей и ворот гостиницы стоял часовой. Пацанами, помню, мы бегали смотреть на красноармейца. Только много позднее я узнал, что здание занимали штабы формирувавшихся в Прикамье дивизий. Последние годы здесь было общежитие обкома КПСС, гостиница для артистов театра оперы и балета. Интересно отметить, что в 1908—1918 годах в Королевских номерах любили останавливаться все приезжающие в Пермь артисты оперы, драмы и цирка. В 20-х годах здесь жила Маяковский, Луговской... Думаю, краеведов еще ждет немало открытий, касающихся людей, живших в лучшей для того времени гостинице города.

Старожилам этот дом известен еще и тем, что в нем останавливался великий князь Михаил Романов, брат царя Николая II, бывший февральский кандидат на царский престол России. Как известно, это в его пользу отрёкся от власти последний самодержец.

После буржуазно-демократической революции Михаил Романов жил в Гатчинском дворце под Петроградом. А в ноябре 1917 года ему был выдан документ о «свободном проживании» — как рядовому гражданину России. Когда в феврале 1918 года общая ситуация в республике резко ухудшилась (германское наступление на Петроград), М. Романову было предписано Петроградским Советом выехать на жительство в Пермь.

Вместе с ним в Королевских номерах жили англичанин-секретарь Брайан Джонсон, камердинер Василий Челышев и шофер Петр Борунов (в Пермь был привезен личный автомобиль великого князя «роллс-ройс»). Вначале Михаил Романов каждый вечер отмечался в штабе Красной гвардии (ул. Луначарского, 37, бывшая гостиница при Дворянском собрании, дом снесен). В. Ф. Сивков, почетный гражданин Перми, вспоминает об этом в своей книге «Пережитое».

В июне Пермский Совет снял ограничение свободы для М. Романова. Вольготная жизнь великого князя, его выезды, загородные пикники, его вечеринки, хождения в театр и на концерты и т. п. — все это раздражало местное население, особенно рабочую Мотовилиху. Многие открыто выражали свое недовольство. На заводских собраниях и митингах слышались требования: «Отправить Михаила в тюрьму. Казнить его».

С митинга на Мотовилихинском заводе в городской Совет поступила резолюция: если органы власти не посадят Михаила Романова под замок, рабочие «сами с ним разделаются». Совет предупредил М. Романова: если он не изменит свой образ жизни, ответственность за возможные последствия Совет с себя слагает.

О последних часах Михаила Романова долго бродили (и бродят!) самые разные сведения, слухи, легенды. Мой отец (он был член городского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 году) рассказывал, помню, что когда вечером 12 июня группа рабочих Мотовилихи пришла Михаила арестовывать, то он бежал через крышу, прыгнул и сломал ногу. На самом деле ничего такого не было...

Не совсем точно и версия, которую подробно разрабатывает М. Касвинов в книге «Двадцать три ступени вниз». Он пишет, например, что о тайной операции не знали ни в ЧК, ни в Пермском Совете.

Гелий Рябов, драматург, лауреат Государственной

премии, приехавший в Пермь для сбора материалов о последних днях Романовых, сообщил такие данные: всего за 1918—1919 годы было уничтожено 18 Романовых (см. журнал «Родина», 1989, № 5). Кинодраматург приводит две версии конца великого князя, а с ним секретаря его Джонсона и шофера Борунова. Все трое были перевезены группой Мясникова в Мотовилиху, где жертвы самосуда были расстреляны или сожжены, или живыми брошены в печь Мотовилихинского завода.

Руководитель «группы захвата» Г. Мясников на допросе в ЧК объяснил: рабочие Мотовилихи узнали, что М. Романов добивается разрешения на выезд за границу, поэтому они его «прихватили».

То, что это был самосуд, а не казнь по приказу «центра», пытается доказать известный историк Г. Иоффе. Он ссылается при этом на книгу эмигрантского историка С. П. Мельгунова «Судьба императора Николая II после отречения» (Париж, 1951).

Будучи в Свердловске, я познакомился с Фондом Романовых. Он выставлен теперь в музее, к нему открыт широкий доступ. В экспозиции этого фонда есть и групповая фотография пяти участников расстрела Михаила Романова.

В Пермском областном партийном архиве хранятся воспоминания одного из запечатленных на фото — Андрея Васильевича Маркова, рабочего Мотовилихинского завода. (...)

Воспоминания Маркова сугубо описательны, бесстрастны и фактографичны. И только жизнь, прожитая им до операции по захвату Михаила Романова, позволяет догадываться, что на приглашение председателя поселкового Совета Г. Мясникова участвовать в уничтожении великого князя Марков откликнулся из идейных убеждений.

Они привлекли к этому делу также комиссара по охране Перми, начальника милиции В. А. Иванченко. Первое совещание провели тайно, втроем.

Что получилось из этой затеи — судите сами...

«По рекомендации Иванченко пригласили Жужгова Николая, — пишет Марков, — а по моему — Колпащикова Ивана Федоровича. Чтобы нас не подслушали, провели совещание в будке киномеханика кинотеатра «Луч» (Марков был тогда управляющим кинотеатром «Луч» — ныне «Горня» — в Мотовилихе), здесь же наметили план, распределили роли. На следующий день около 7 часов вече-

ра на двух крытых фаятонах направились в Пермь. Лошадей поставили во дворе губчека и посвятили в это дело председателя губчека П. И. Малкова и помощника комиссара милиции В. А. Дрокина.

Здесь окончательно выработали план похищения Михаила Романова. Подготовили мандат о якобы срочном выезде Михаила Романова из Перми. В. А. Иванченко поручил своему помощнику Дрокину охрану Перми и ждать у телефона его указаний. Малков остался в ЧК, Г. Мясников ушел пешком в Королевские номера, а мы четверо: В. А. Иванченко, Н. В. Жужгов на первой лошади, я с И. Ф. Колпашиковым на второй — около 11 часов вечера подъехали к парадному Королевских номеров.

Н. В. Жужгов и И. Ф. Колпашиков отправились в номера, мы же с В. А. Иванченко остались на улице в резерве...» *

И тут — осечка. Михаил Романов настроен отказался следовать куда бы то ни было, он все требовал, чтобы Малкова вызвали по телефону в номера. Явно требовалось подкрепление, и Марков с Иванченко вошли в гостиницу.

«Я, вооруженный наганом и бомбой, — читаем дальше, — вошел в номер, перед этим оборвал провод телефона, что был в коридоре. Михаил Романов продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора и Малкова. Тогда я потребовал взять его в чем есть. (...) Михаил Романов накинул плащ, Н. В. Жужгов взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Б. Джонсон добровольно шел следом.

Михаила Романова посадили в фаятон, Н. В. Жужгов сел за кучера, а В. А. Иванченко — рядом с Михаилом Романовым. Я посадил Джонсона рядом во второй фаятон, а Колпашиков за кучера. Таким образом в закрытых фаятонах тронулись к Мотовилихинскому тракту. Моросил дождь...»

Как видно из воспоминаний, Г. Мясников в последнем акте трагедии не участвовал, он выступил в роли вдохновителя и организатора.

Сначала похищенные вели себя спокойно, но когда приехали в Мотовилиху, стали проявлять признаки беспокойства, спрашивать, куда их везут. Марков сказал, что

* Здесь и далее автор цитирует другой вариант воспоминаний А. В. Маркова, нежели помещенный в данном сборнике. (Прим. сост.)

везут на поезд, который стоит на разъезде, откуда в особом вагоне их отправят дальше.

«Доехали до Керосиновых складов... это в 5 верстах от Мотовилихи,— повествует далее Марков,— отъехали еще версту от складов и повернули направо в лес. По дороге никого не встретили (была ночь).

Отъехавши сажень 100—120, Жужгов кричит: «Вылезай!». Я быстро выскочил и потребовал, чтобы мой седок Джонсон тоже вышел. И только он стал выходить из фэтона,— я выстрелил ему в висок, он, качаясь, упал.

И. Ф. Колпашиков тоже выстрелил в Джонсона, но у него застрял патрон в браунинге. Н. В. Жужгов в это время проделал то же самое, но только ранил Михаила Романова.

Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у Н. В. Жужгова застрял барабан нагана (у него пули были самодельные). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же.

Первая лошадь, испугавшись выстрелов, понеслась дальше в лес, но коляска за что-то зацепилась и перевернулась. В. А. Иванченко побежал догонять, а когда он вернулся, все уже было кончено.

Начало светать. Это было 12 июня, но было почему-то очень холодно.

Зарыть трупы нам нельзя было, так как светало быстро и недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе в сторону, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху. Зарывать ездили на другую ночь Жужгов с одним надежным милиционером...»

Весть о похищении Михаила Романова облетела на другой день весь город. В местной газете было сообщено, что совершили это неизвестные лица. Заведующий Королевскими номерами утверждал, что это сделали офицеры. Может быть потому, что Марков был в офицерской гимнастерке.

Марков вспоминает, что кроме М. Романова с ним проживали еще двое из его свиты, их расстреляла ЧК.

Свидетельство одного из участников расстрела М. Романова в деталях воссоздает картину убийства — иным словом это трудно назвать. Конечно, не все здесь ясно,

многое исследователям предстоит сопоставить, осмыслить факты.

Для автора воспоминаний А. В. Маркова «особое поручение» оказалось не последним. Как он сам пишет: «...Лично расстрелял задержанную в Оханске (...) рабу божью Марию, или Марицу, из Черногории, фаворитку бывшего дара Николая II». (...)

Продолжать поиск в архивах нужно для того, чтобы воссоздать полную картину этого исторически насыщенного и противоречивого времени.

Вечерняя Пермь.—1990.—15 января.

Из воспоминаний Н. Аликиной ¹¹² «Серебряные часы — плата за страх» *

Апрель 1994 г.

Я поняла значение моей встречи с А. В. Марковым — участником расстрела Михаила Романова — спустя десятилетия, когда новые времена дали возможность открыто говорить, писать повести, создавать фильмы, спектакли о многих наглухо закрытых темах, в том числе и об убийстве царской семьи на Урале. (...)

После XX съезда КПСС в период хрущевской оттепели партийные архивы страны, в том числе Пермский архив, развернули широкую работу по сбору воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны. Велись активные поиски адресов, переписка. Только в Москве были установлены контакты более чем с сорока пермяками-ветеранами партии, в разные периоды взятые на работу в столицу. (...)

Это были достаточно знаменитые люди, такие как А. И. Быховский — директор Мотовилихинского завода в 1938—1950 годах, А. В. Альбенский — академик, Ф. И. Чикирисов — дипломат, Н. Н. Накоряков — директор Гослитиздата в 20-е годы, А. И. Мильчаков — секретарь ЦК

* Воспоминания Н. А. Аликиной написаны специально для данного сборника. Статья аналогичного содержания «Взвесить на весах истории» напечатана в газете «Вечерняя Пермь» от 3 февраля 1990 г.

ВЛКСМ, К. Г. Ольховская — зав. Пермским истпаротделом в 20—30-х годах и другие.

Как же оказались в Москве супруги Марковы — Анна Никитична и Андрей Васильевич?

В 1930 году женорганизатора А. Н. Маркову направили в Москву на курсы марксизма-ленинизма, а затем оставили на работе в аппарате ЦК ВКП(б). Андрей Васильевич переселился в Москву к жене.

Как выглядел Марков? Невысокого роста, полноватый, угрюмый, малоразговорчивый человек. (...)

Беседа об убийстве Михаила Романова произошла совершенно случайно. В эти годы я собирала материалы о Г. И. Мясникове, а Марков был с ним хорошо знаком и в период борьбы с «рабочей оппозицией» активно выступал против Мясникова. Разговорить Маркова, заставить его рассказать о Мясникове было нелегко, но однажды мне это удалось. Маркову в то время было уже около восьмидесяти лет, говорил он плохо, все ходил вокруг да около (...) и многозначительно поглядывал на наручные часы. Позже я поняла: ему, вероятно, захотелось привлечь внимание мое к необыкновенным часам и рассказать не о Мясникове, а о себе. Часы явились поводом к разговору об убийстве Михаила Романова.

На них нельзя было не обратить внимания: серебряные, очень несовременные, я бы сказала музейные, они напоминали дольку срезанного круто сваренного яйца. На вопрос — откуда такие, — Андрей Васильевич после некоторого раздумья загадочно улыбнулся и сказал, что они принадлежали личному секретарю Михаила Романова англичанину Брайану Джонсону: «Я снял их с руки убитого в ту ночь 12 июня 1918 года, когда мы произвели расстрел Михаила. С тех пор не снимаю» — и добавил: «Идут хорошо, ни разу не ремонтировал, только время от времени отдаю в чистку». (...)

Марков, забыв об усталости, стал рассказывать. Куда девалось его косноязычие! Речь была гладкая, слова словно от зубов отскакивали. Если правда, что он об этом никому не рассказывал, то уж в собственном мозгу прокручивал это событие много раз — настолько складно у него получалось. (...)

Несколько месяцев спустя, в июле 1965 года, Марков скончался, а воспоминания его еще более четверти века пролежали в архиве невостребованные. (...)

В письменных воспоминаниях Марков не пожелал ска-

зять о снятых «на память» с убитого англичанина часах. Но они не давали ему покоя. В воспоминаниях есть абзац: «Когда ехали обратно (после расстрела.— Н. А.), то я ехал с тов. Иванченко вместе, разговаривали по этому случаю, были оба очень хладнокровны, только я замерз, так как был в одной гимнастерке, с часами на левой руке, почему меня, когда мы были еще в номерах, приняли за офицера...»

Лукавил Марков по поводу часов на левой руке, которые якобы были у него еще до совершения акции, хотя никто и ничто не вынуждало его это делать.

В устном рассказе Маркова, как я его запомнила, и в письменных воспоминаниях имеются существенные расхождения, касающиеся места расстрела Михаила Романова. Марков пишет: «...в закрытых фазтонах мы тронулись по направлению к Мотовилихе... Таким образом проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 верст от Мотовилихи. (...) Отъехавши еще с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100—120, Жужгов кричит: «Приехали, вылезай!»

Я же хорошо запомнила слова Маркова о том, что в Мотовилихе они поехали в район речушки Архиерейки (излюбленное место, где в летнее время скрывались от полиции, проводили партийные собрания, маевки, встречи.— Н. А.), где и осуществили задуманное.

Это первое, на что хотелось бы обратить внимание. Второе — в воспоминаниях Марков значительно выпячивает свою роль в деле (...). Например, пишет: «Мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова изъять из обращения путем похищения (...). Первая мысль об этом зародилась у тов. Мясникова Г. И. Об этом он сказал в управлении милиции тов. Иванченко, который был комиссаром по охране г. Перми (...). Мясников посвятил нас, в чем дело (...)». Из всего вышесказанного Марковым можно сделать вывод, что он все знал лишь поверхностно, внешнюю сторону дела. «Мы... вздумали» здесь совершенно неуместно. Марков ничего не режал, он был рядовым исполнителем, и только.

Инициатором, организатором и, если позволено будет так сказать по поводу этого трагического события, душой всей проводимой акции являлся Гавриил Ильич Мясников.

Попробую доказать. За две недели до этого события,

27 мая 1918 года, общее собрание Мотовилихинской парт-организации приняло решение: «Товарища Мясникова делегировать в губернский комитет по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией». (...)

Ныне некоторые авторы исследований об убийстве царской семьи утверждают, что это убийство было санкционировано Москвой. Вероятно, так оно и было в отношении расстрела Николая II и его семьи в Екатеринбурге. Что же касается Михаила, то, исходя из многих конкретных фактов и обстоятельств, можно утверждать: инициатива была местная и принадлежала только что назначенному на должность зам. председателя губчека Мясникову. (...)

Мясников — смелый человек — пользовался огромным авторитетом не только среди мотовилихинцев, поэтому свое «делегирование» в чека он должен был ознаменовать каким-либо громким делом. Расстрел Михаила Романова — как раз достойное событие.

Можно с большой долей уверенности предположить, что благополучно проведенная акция в Перми 12 июня воодушевила московские и екатеринбургские власти месяц спустя, 17 июля 1918 года, дать команду расправиться с Николаем II и его семьей.

И еще одно. В 1921 году в письме к Ленину Мясников напомнил: «...меня знает рабочая масса..., а был бы я просто слесарь... меня бы «бежали», как я некогда «бежал» Михаила Романова...»

«Я бежал» — весомые слова, сказанные не в разговоре с друзьями, а в письме к Ленину. И если, — а это точно известно — Мясников непосредственно не принимал участия в расправе, то сказанные им слова означают одно: он, Мясников, инициатор и организатор акции.

В связи с этим делом известен еще такой факт. «Во время гражданской войны в Казани кто-то сказал: «Вы, уральцы, только Романовых и умеете расстреливать». Это Мясникова взорвало, и он стал говорить грубо и даже дерзко, за что был выслан комендантом Казани в 24 часа из города». (Из допроса чекиста М. Овчинникова по делу Мясникова. 1922 г.)

В автобиографии, написанной 2 июля 1957 г., Марков упомянул о встрече с Лениным по поводу «ликвидации» М. Романова: «Я рассказал ему (Ленину. — Н. А.), что сделано было чисто, он сказал: «Ну вот и хорошо, правильно сделали».

В устном же рассказе Маркова я запомнила еще одну фразу, сказанную ему Лениным: «И помалкивайте об этом». Запомнила, потому что, занимаясь темой, получившей в последующие годы название «Пермская Лениниана», запоминала все, что касалось Ленина, а кроме того, сам Марков несколько раз сказал, что всю жизнь боялся, что монархисты с ним расправятся.

Несколько слов о В. А. Иванченко. Он непосредственно руководил расстрелом, и все же Марков пытается говорить о нем как о втором лице в проводимой акции. Например, первая лошадь, которой управлял Иванченко, испугавшись выстрелов, понеслась в лес, но перевернувшаяся коляска остановила ее, и тов. Иванченко побежал ее догонять.

Марков довольно злорадно фиксирует тот факт, что Иванченко как руководитель оказался не на высоте, пробежал за лошадью, а тем временем «уже все было кончено».

Можно высказать предположение, что обида у Маркова на Иванченко затаилась вследствие того, что последнему достались золотые часы Михаила, а ему, Маркову, — серебряные Джонсона. К тому же, как выяснилось впоследствии, В. А. Иванченко был привлечен к партийной ответственности за присвоение части личных вещей Михаила Романова, однако, учтя его революционные заслуги, ограничились просто выговором, обязав передать в краеведческий музей награбленные вещи.

Очевидцы рассказывали: в конце 20-х годов в экспозиции краеведческого музея выставлялись некоторые из личных вещей Михаила Романова, в том числе посуда, фужеры с царскими вензелями, другие предметы быта.

Как я понимаю, у Маркова всегда было двойственное отношение к описываемой акции. С одной стороны, постоянный страх за содеянное, с другой — ощущение собственной значимости, чувство приобщения к важному историческому событию, по существу, главному эпизоду его жизни. (...)

Исследование краеведа Л. Перескокова «Могила в Красном логу»

Какой дорогой везли на расстрел великого князя? Ответить на этот вопрос оказывается непросто. Во-первых, в скупых на факты воспоминаниях участников событий нет точных сведений, более того, они противоречат друг другу. Во-вторых, указываемая местность (Мотовилиха) в те годы не входила в состав городской территории, а потому отсутствует на картах и в справочниках города.

В данной попытке исследования в основу закладывалась та версия развития событий, которая так или иначе проходит через воспоминания всех главных участников дела (Иванченко В. А., Маркова А. В., Жужгова Н. В., Колпашикова И. Ф., Мясникова Г. И., Малкова П. И., Микова А. А.). В пользу такого подхода свидетельствует сам факт розыска следственными службами колчаковской армии именно этих людей. Таким образом, версии, говорящие о том, что М. Романов был расстрелян в здании бывшего Торгового банка или на острове среди Камы у Мотовилихинского завода, а тем более о мифическом бегстве Михаила Романова (официальные сообщения заматавших следы советских органов власти), и другие варианты не принимались*.

Итак, следуем по наиболее вероятному маршруту движения двух фаэтонов, отправивших в ночь с 12 на 13 июня 1918 года в последний путь еще живых великого князя Михаила и его секретаря Джонсона. Экипажи выехали от гостиницы Королевские номера, что по улице Сибирской (ныне Карла Маркса, 5). Г-н Крумын свидетельствует: «Я наблюдал из своего окна (гостиницы), как экипаж поднимался по Сибирской улице по направлению к Сибирскому тракту и исчез».

На какую улицу они свернули, чтобы двигаться в сторону Мотовилихи? В официальном сообщении газеты «Известия Пермского окрисполкома Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов» упоминается улица

* Напрашивается вопрос: почему сведения участников так отличаются? Эта неразбериха была на руку главному организатору «дела» — ЧК и, вероятно, даже им инспирировалась. Кроме того, из чувства «престижа» некоторые лица, имевшие косвенное отношение к убийству великого князя, заявляли о своем непосредственном участии в нем. Их воспоминания, вероятно, содержат значительную часть вымысла. К принятой версии склоняются современные исследователи, в частности, О. А. Платонов, С. А. Торопов.

Торговая (ныне Советская). Могла, конечно, быть и она, так как едва ли выбор пал на более оживленную Покровскую (сейчас Ленина). Хотя более предпочтительными в данной ситуации стали бы улицы Пермская (Кирова), или Екатерининская (Большевикская), или даже Вознесенская (Луначарского), потому что организаторам необходимо было продемонстрировать отъезд именно по Сибирской улице, чтобы впоследствии пустить погоню по ложному следу (хотя бы для видимости). Если принять за истину свидетельство г-на Крумниса, то как раз наиболее вероятными будут эти улицы. Иначе бы он видел, что экипажи свернули. Но по какой бы улице они ни ехали, им необходимо было пересечь речку Егошиху.

Еще сохранившийся тогда Егошихинский пруд можно было объехать или с севера, через плотину (здесь уже был тогда запроектирован мост для трамвая и в 20-е годы построен), или с юга (приблизительно где сейчас проходит северная дамба), по дороге, которая одновременно вела и на кладбище. Причем эта вторая дорога, по утверждению М. Н. Степанова, пермского ученого-географа и краеведа, который хорошо помнит город с конца 20-х годов, была основной. И начиналась она с нынешней улицы Парковой. Пройдя мимо кладбища через достаточно глубокий лог, эта южная дорога поднималась извилистой линией на правый высокий берег Егошихи и соединялась с той первой, северной, уже наверху, приблизительно в том месте, где ныне размещается здание управления сельского хозяйства. Далее эта дорога, миновав деревню Горы, по верхней террасе камского берега приводила к старому мотовилихинскому кладбищу (Рабочий поселок). Затем экипажи могли спуститься, допустим, по Начальнической (ныне Свердлова) улице на главную улицу Мотовилихи — Большую улицу (ныне улица 1905 года).

После рыночной площади в Мотовилихе — развилка. Здесь экипажи, конечно, повернули на Соликамский тракт, который упоминается как основная трактовая дорога. Указывается также в воспоминаниях улица Подвышинская. Это, вероятно, та, что и выводила на тракт.

Итак, продолжаем движение вместе с экипажами уже по Соликамскому тракту. На этой трассе отмечают только два ориентира: железнодорожный разъезд, на котором якобы был приготовлен специальный вагон для великого князя, и керосиновые склады Нобеля, миновав которые они повернули направо.

Еще до войны нынешняя станция Кислотный именовалась Разъезд № 100. Он был необходим для доставки сырья и вывоза продукции с кислотного завода (пущен в 1916 году), а также для устройства железнодорожного ответвления на склады Нобеля. Они же размещались несколько ближе к Мотовилихе, между дорогой и камским берегом. Как тракт, так и железная дорога проходили по нижней террасе берега у подножия высокой и крутой возвышенности. Отвороты вправо возможны на этом участке лишь в редких местах впадения притоков в Каму. Любопытно, что железнодорожные станции расположены именно в тех местах, где таковые есть.

Проехать разъезд похитители не могли. В противном случае они бы себя просто разоблачили, что вызвало бы реакцию Михаила. Да и не было необходимости так далеко ехать. По утверждению М. Н. Степанова, самые глухие места еще в 30-е годы были как раз в районе нынешней станции Балмошная. Так что наиболее вероятных мест поворота экипажей вправо только два: балка возле Балмошной и лог на месте нынешнего переезда авто-транспорта через железную дорогу.

Теперь важно определить, где размещался склад Нобеля. И опять, как и все в этой загадочной истории, ответ не имеет определенности. Удалось найти только два документа, которые дают указания о месте положения складов, но их сведения существенно расходятся. По карте Пермского уезда, составленной в 1909 году (издание Пермского уездного земства), из масштаба можно допустить, что обозначенные склады находились приблизительно в 8 верстах * от Мотовилихи. А это значит, что далее, чем кислотный завод. Такое положение не соответствовало действительности. Другой же источник — «Иллюстрированный путеводитель по р. Каме и по р. Вишере с Колвой» (Пермь, 1911 год) — сообщает нам о том, что склады размещались в 4 верстах от железнодорожной станции. И, отложив эти 4 версты на современной карте города, мы попадаем на станцию Юбилейная, что тоже не могло быть хотя бы потому, что сами-то участники говорят о расстоянии в 5—6 км. Так что истина по местоположению бывших складов где-то посередине. И опять необычайно ценными оказываются пояснения М. Н. Степанова, видевшего склады в 30-е годы. Они были приблизительно око-

* 1 верста — 1,0668 км.

до нынешнего переезда. Следует сказать и о том, что в процессе строительства Камской ГЭС берег реки, особенно в промежутке от Кислотного до Левшино, существенно видоизменился. Перенесено было и полотно железной дороги. При том по первоначальному проекту 30-х годов гидроэлектростанция должна была располагаться немного ниже по течению. И работы по этому проекту перед войной активно проводились.

Если принять, что склады Нобеля располагались за устьем речки Язовая (следуя из Мотовилихи), то мы попадаем на отметку 6 км от железнодорожной станции Мотовилиха, что и соответствует утверждениям участников событий. По уже упоминаемой карте Пермского уезда выясняется, что и взаимное расположение железной дороги и тракта было иное, можно сказать противоположное нынешнему. Был ли переезд через железную дорогу в районе Балмошной? Если нет, то до конца пятой версты вправо просто-напросто не позволяла повернуть железная дорога.

Следуя логике приведенных рассуждений, наиболее вероятным местом поворота была ложбина на месте нынешнего переезда.

И вот, проехав склады Нобеля, «...круто повернули по дороге в лес направо, — вспоминает Марков. — Отъехавши сажень 100—120, Жужгов кричит: «Приехали — вылезай!»

Многое изменилось здесь с тех давних пор. Леса, о котором говорят участники расправы, и тем более сосны с вырезанными буквами В. К. М. Р. мы сейчас не найдем. Хотя чуть дальше, на возвышенности, еще сохранились остатки леса, в нем как раз преобладают хвойные породы. Может быть, именно это место имела в виду старожил здешних мест Кочева Анна Васильевна (род. в 1908 году) в своем рассказе о Красном логе, приведенном О. А. Платоновым в книге «Убийство царской семьи». Действительно, место для такого «дельца», пожалуй что, подходящее: глухое, лесистое, с тракта закрыто рельефом, в сотне метров, на горе — кладбище; и лихие люди тут, в глухом сосняке, подступавшем к болоту, разбойничали, и большевики «врагов народа» расстреливали...

Пермские новости. — 1995. — 4 августа.

Из статьи С. Артемова
«Михаил Романов: «побег» и его последствия»

Статья С. А. Торопова «Самосуд» о расстреле Михаила Романова вызвала огромный интерес у читателей и подтолкнула исследователей к поиску документальных свидетельств трагических событий 1918 года в Перми. В опубликованных позднее материалах и воспоминаниях участников событий немало разногласий по поводу того, кто какой пост занимал и кто был организатором акции. Это и не удивительно: каждый из участников, пытаясь увековечить свое имя в истории, приписывал себе побольше славных дел.

В 1956 году в своей автобиографии П. И. Малков писал: «В марте 1918 года Пермским губкомом и губисполкомом я был назначен для организации губернской Чрезвычайной Комиссии. Работая в должности председателя коллегии, я, по поручению Пермского городского комитета партии большевиков, вместе с товарищами А. В. Марковым и А. В. Трофимовым был организатором похищения из номеров гостиницы Михаила Романова (брата Николая II) и его расстрела».

Давайте заглянем в «Бюллетень Пермского окружного Чрезвычайного Комитета», первый номер которого был выпущен 13 июня 1918 года (обратите внимание на дату), и посмотрим, какие должности занимали интересующие нас участники акции по «изъятию из обращения» Михаила Романова. В передовой статье читаем: «Сконструировался Чрезвычайный Комитет следующим образом: председатель — т. Маратов (Ф. Лукоянов) — губернский Совет; товарищ председателя — т. Ивонин — Главный дорожный комитет; заведующий отделом борьбы с контрреволюцией — т. Мясников — городской Совет; его помощник — т. Воробцов — Военный комиссариат; зав. отделом борьбы со спекуляцией — т. Малков — Военный комиссариат; казначей — т. Трофимов — городской Совет».

Получается, что трое из шести членов коллегии Пермского окружного Чрезвычайного Комитета играли главные роли в организации расстрела М. Романова, да к тому же двое из них представляли в ЧК Пермский городской Совет. Все их последующие действия иначе как организованным заговором против великого князя и его окружения не назовешь.

О том, как «приговор» был приведен в исполнение, подробно написано в других публикациях. Я же хочу осветить ход событий после того, как похитители «сообщили» в губчека и в милицию о «побеге» Романова. Организаторы акции дали в газету «Известия Пермского окрисполкома» информацию о том, что «в ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явились трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных», и, предъявив «какой-то ордер на арест», силой посадили М. Романова и его секретаря Джонсона в закрытый фаэтон и увезли в неизвестном направлении.

«Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения, (...), по всем трактам были разосланы коинные отряды милиции. (...) Производятся энергичные розыски».

Обвиняя духовенство в черносотенной агитации, советская печать указывала, что оно «...распустило слух в проповедях и на церковном собрании, что в Москву едет брат царя Михаил Александрович короноваться на престол. Что он, Михаил Александрович, возьмет народ под свою защиту и спасет весь народ как от немцев, так и от внутренних хулиганов».

Как бы оправдываясь перед гражданами за расстрел бывшего царя Николая II, местная газета вновь напомнила о побеге Михаила. В статье под заголовком «Свершилось!» читаем: «Русский народ, сваливший вековое ярмо рабства, оказался слишком великодушным для того, чтобы мстить своим вчерашним тиранам. Только бесчисленные заговоры, только участвовавшие за последнее время побегу отдельных членов этой семьи коронованных негодяев, только поход против рабоче-крестьянской России чужеземных чехословацких орд, объединившихся с русскими белогвардейцами — черносотенцами, кадетами, меньшевиками и правыми эсерами, — одним словом, только ясно обнаружившаяся тенденция врагов Советской власти снова посадить этого венценосного клоуна и богопомазанного вампира на спину трудящихся масс России определили участь «Кровоопийцы-Колюшки...».

Удачно проведенная версия «лжепобега» была повторена в Алапаевске, о чем читатели были проинформированы через «Известия Пермского губисполкома», при этом газета уверяла, что побег Михаила сыграл не по-

следнюю роль в тех событиях. Сыновья великого князя Константина Константиновича — Игорь, Константин и Иоанн, великий князь Сергей Михайлович, князь Палей и княгиня Елизавета Федоровна из Вятки были переведены в Алапаевск под надзор местного Совета. Однако свободное их проживание было недолгим: «После побега Михаила Романова из Перми ко всем этим лицам был применен, по распоряжению облсовета, тюремный режим».

После расстрела великих князей, находящихся под арестом в Алапаевске, за подписью председателя Уральского областного Совета Белобородова, были опубликованы сообщения о том, что «18 июля утром банда неизвестных вооруженных людей напала на школу, где помещались упомянутые князья. Во время перестрелки один бандит убит и есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении». Белобородов указал также, что жертвы имеются с обеих сторон.

Соревнуясь с советской печатью во лжи, белогвардейский «Уфимский вестник» опубликовал сообщение о том, что «в Екатеринбурге арестованы: комиссар Голошошкин, руководивший расстрелом Николая II; Белобородов — председатель Совета комиссаров Урала; Чуцкаев — председатель Екатеринбургского уездного Совдепа; комиссар Юровский, по приказанию которого расстреляны жители Екатеринбурга, отправленные на окопные работы; Сафаров — редактор «Уральского рабочего», и другие».

Данная заметка была перепечатана в «Известиях Пермского губисполкома» под заголовком «Ври да знай меру», как будто ложь, печатавшаяся на страницах советских газет, была менее лжива, чем ложь белогвардейская.

Политическая борьба продолжалась. По постановлению Чрезвычайного Комитета был произведен ряд арестов среди кадетов и части реакционных железнодорожников, а также взяты заложники в Перми и уездах. В списке заложников значится фамилия Чельшева, камердинера Михаила Романова.

Привлекает внимание и ряд других фамилий, занесенных в список заложников: Знамеровский, Знамеровская, Тупицин, Алин, Кобяк. Проживая в Перми, Михаил Романов поддерживал с ними дружеские отношения, о чем свидетельствуют записи в его дневнике. Алин, Кобяк и Тупицин через некоторое время были освобождены, а остальные оставались под арестом.

Вечером 2 октября, после осмотра Арестного дома,

группа чекистов возвращалась на автомобиле из Новой Слободки. На углу улиц Кунгурской и Садовой позади автомобиля разорвалась бомба, но никто из чекистов не пострадал. Покушавшемуся удалось скрыться. В ответ на покушение по постановлению губчека было расстреляно 37 заложников.

Среди расстрелянных были шофер великого князя Петр Яковлевич Борунов, камердинер Василий Федорович Челышев и супруги Знамеровские — Петр Людвигович, бывший жандармский полковник, и Вера Михайловна. И что совсем удивительно, в списке значится Серафима Семеновна Лебедева, служащая Петроградской центральной электрической станции, расстрелянная за соучастие в побеге Михаила Романова.

Чем больше документов получает огласку, тем больше вопросов возникает. За что же все-таки расстреляли Лебедеву? Какие показания дали на допросах в ЧК слуги Романова, Знамеровские и другие? Что выявила губернская контрольная комиссия РКП(б), расследовавшая факты присвоения имущества Романова? Кто ездил на «роллс-ройсе» после «побега» Михаила Романова? Чьи столы украшала посуда с царскими вензелями и где она сейчас?.. Ответы на эти и многие другие вопросы есть, их только нужно извлечь из архивов Пермского обкома КПСС и Управления КГБ. Возможно ли это?

В газете «Звезда» за 23 сентября 1990 года и в журнале «Позиция» № 17 были опубликованы воспоминания А. В. Маркова, одного из участников расстрела Михаила Романова и его секретаря Джонсона, где говорится: «Кроме самого Михаила Романова, его секретаря, с ним проживали еще двое из его свиты: одного я видел в форме моряка — пожилой, другой в штатском — тоже немолодой. Они остались в номерах, и что дальше было с ними, я не знаю, слышал только, что их допрашивали, каким образом произошло похищение. (...)».

Были ли они арестованы сразу же после похищения М. А. Романова или некоторое время спустя, сейчас установить трудно. Извещение об аресте заложников было опубликовано в «Известиях Пермского губисполкома» 28 июля 1918 года. Следователь по особо важным делам Омского суда Н. А. Соколов, занимавшийся делом по убийству царской семьи, указывал: «Мне удалось установить, что оба последние (камердинер Челышев и шофер Борунов.— С. А.) содержались большевиками в Перм-

ской тюрьме, отсюда они по ордеру Пермской ЧК от 21 сентября 1918 года за № 3694 были увезены и через некоторое время, по сведениям тюремного начальства, расстреляны».

Многие бойцы Пермского красногвардейского железнодорожного батальона в своих воспоминаниях писали, что в августе и сентябре 1918 года они охраняли около двухсот заложников, которые использовались на принудительных работах. Начальником отряда конвоя был назначен Владимир Петрович Дедов, а командовал батальоном Пермской ЧК, в состав которого входил отряд конвоя, Михаил Федорович Барандохин.

Заложники — офицеры царской армии, жандармерии и полиции, священники, инженеры, служащие железной дороги, купцы — рыли окопы на берегу Сылвы в районе сел Троица и Сылва. На окопных работах использовались и жители Екатеринбургa, впоследствии расстрелянные по приказу комиссара Юровского. Такая же участь постигла заложников и в Перми.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции хранятся две телеграммы, имеющие самое непосредственное отношение к пермским событиям. 14 августа 1918 года из Пермской ЧК в Совнарком РСФСР была направлена телеграмма следующего содержания: «[В] тюрьме находится прислуга Романовых, ходатайствует об освобождении. Телеграфируйте как поступить». Через неделю, 21 августа, председатель ВЦИК РСФСР Я. М. Свердлов ответил: «Относительно прислуги Романовых предоставляю поступить [по] вашему усмотрению согласно обстоятельствам».

Старая русская поговорка гласит: «Снявши голову, по волосам не плачут». Руководители Пермской ЧК, самовольно (?) расстреляв великого князя М. Романова и его секретаря Джонсона, не знают, что делать с их прислугой, и обращаются за помощью в Совет Народных Комиссаров. Из содержания этих телеграмм можно сделать вывод: «голова была снята» с санкции Совнаркома.

30 августа 1918 года правые эсеры убили председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого, а вечером этого же дня при выходе с завода Михельсона был тяжело ранен В. И. Ленин. Весть о ранении Владимира Ильича вызвала взрыв негодования трудящихся. ВЦИК объявил республику военным лагерем. 5 сентября Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Ф. Э. Дзержинского о де-

тельности ВЧК, принял постановление о красном терроре как временной чрезвычайной мере самообороны пролетарского государства.

В ответ на белый террор по постановлению Пермской губчека была расстреляна первая группа заложников — 42 человека. Извещение о расстреле было опубликовано в «Известиях Пермского губисполкома» 11 сентября 1918 года. В списке расстрелянных значатся слуги Романовых: Василий Федорович Челышев — камердинер великого князя Михаила, Алексей Андреевич Волков — слуга Николая II*, Анастасия Васильевна Гендрикова и Екатерина Адольфовна Шнейдер — придворные фрейлины.

Санкция ВЦИК РСФСР на расстрел прислуги Романовых была получена еще в августе, однако В. Ф. Челышев значится в списке расстрелянных как монах; скрыта принадлежность к Романовым и фрейлин А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер. Сообщения о Романовых в местных газетах часто носили ложный характер. Исходя из этого, нельзя с уверенностью назвать точную дату расстрела заложников. Вернемся к мнению следователя Н. А. Соколова, который считает, что слуги Романовых были увезены из Пермской тюрьмы 21 сентября.

Предположим, что после извещения о расстреле заложников до фактического расстрела слуги Романовых пробыли в тюрьме еще несколько дней. Что же помешало чекистам привести «приговор» в исполнение сразу же? Может быть, ответ на этот вопрос заключается в объявлении Пермской губчека о задержании Михаила Романова? Это объявление было напечатано в газете «Известия Пермского уисполкома» 18 сентября 1918 года, но в последний момент заштамповано типографской краской.

В нем говорилось о том, что «12 сентября в 10 верстах от Чусовского завода, по Пашийскому тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на двоих (...) лиц, которые держали себя довольно подозрительно», имели сомнительные документы и, как оказалось после задержания, были загримированы; в них были опознаны Михаил Романов и его секретарь Джонсон, «каковые тотчас были заключены под сильную охрану».

Чтобы «поймать» Михаила Романова и Брайана

* А. А. Волкову, камердинеру императрицы Александры Федоровны, удалось бежать из-под расстрела.

Джонсона, пермским чекистам потребовалось ровно три месяца. В течение трех месяцев они «прилагали огромные усилия» к «поимке беглецов», а беглецы все это время находились на территории Пермской губернии и смогли «убежать» только до г. Чусового. «Задержали» М. Романова и Джонсона, видимо, для того, чтобы можно было легализовать расстрел прислуги Романовых. Извещение о расстреле второй партии заложников было опубликовано в «Известиях Пермского губисполкома» 9 октября 1918 года.

Зеркало.—1990.— № 9 (12), 12 (15).

Из очерка В. Коробейникова «Приведено в исполнение»

В последнее время в печати появился ряд публикаций об уничтожении императорской семьи, в том числе о расстреле в Перми брата Николая II — великого князя Михаила Романова. В безусловно интересном и необходимом для знания своей истории описании убийства (иначе это не назовешь) Михаила Романова все же нет очень существенного — политического и человеческого портрета организаторов и непосредственных исполнителей «революционного приговора». Об одном из них — Николае Жужгове — и пойдет речь в этом материале.

Родился Николай Жужгов в 1877 году в семье мотовилихинского рабочего. После окончания 4-классного училища в 13 лет был принят на Мотовилихинский завод. Спустя много лет в своей автобиографии он напишет, что революционной деятельностью начал заниматься в 1902 году, а в 1905-м активно участвовал в вооруженном восстании в Мотовилихе.

Но в списке лиц, привлекавшихся по делу о вооруженном восстании, фамилия Жужгова не значится. Следовательно, ни о каком активном участии в восстании не может быть и речи. Ведь вооруженное восстание — это открытый бой. А открытому и честному бою Жужгов уже в то время предпочел «революционную борьбу» с безоружными.

Весной 1906 года в окрестностях Мотовилихи из рабочих, не желавших сложить оружие, образовался партизанский отряд под руководством Александра Лбова. Дерзкие налеты отряда на динамитные и оружейные склады, заводские конторы, денежные экспроприации, частые схватки с полицией и войсками принесли Лбову всероссийскую известность и в известном смысле популярность.

В Мотовилихе у Лбова было много сочувствующих. Погреться в «ореоле революционной славы», а также урвать кое-что от денежных экспроприаций решил и Николай Жужгов. Но кочевая, полная риска жизнь в отряде быстро охладил революционный пыл Жужгова. К тому же деньги от экспроприаций шли не в карманы лбовцев, а на закупку оружия и в кассы революционных комитетов. Пробыв в отряде Лбова меньше месяца, Жужгов вернулся в Мотовилиху.

В один из осенних дней 1906 года Николай решил устроить с друзьями пирушку. Когда компания была уже в изрядном подпитии, в дом вошли несколько лбовцев и попросили провизии. Неожиданный визит бывших товарищей по оружию пришлось не по душе Жужгову и его пьяной компании. Началась драка, которая перешла в перестрелку. Жужгов и один из лбовцев, Александр Постанового, были ранены. На шум прибежала полиция. Жужгов из страха или из чувства мести выдал полиции Постанового, который был схвачен и вскоре повешен. Понимая, что лбовцы не простят ему предательства, он сам явился к Лбову и представил дело так, что не имеет отношения к аресту Постанового. Лбов решил проверить Жужгова, послав его за оружием в Екатеринбург. Но Жужгов, уже не испытывая судьбу, сдался там в руки полиции.

В Пермской губернской тюрьме, куда Жужгов был переведен, за ним прочно укрепилась репутация «легавого». Будучи помещен в общую камеру, он в первый же день был избит и изгнан из нее, после чего Жужгова назначили ламповщиком, то есть перевели в разряд тюремной прислуги. Пользуясь свободой перемещения по тюрьме, ламповщики были осведомителями тюремной администрации.

В 1909 году Жужгов был осужден за незаконное хранение оружия, принадлежность к отряду Лбова и выслан в Амурскую губернию. После Февральской революции

1917 года он возвращается в Мотовилиху в ореоле борца с самодержавием. К сожалению, разрушить этот ореол в то время было некому. Лбовцы почти все были или убиты, или повешены. Сыграло свою роль и то, что еще до 1905 года Жужгов имел близкие отношения с Гавриилом Мясниковым, который занял в 1917 году пост председателя Мотовилихинского Совета. В 1918-м Жужгов не без помощи Мясникова назначается помощником начальника милиции Мотовилихинского завода. Именно на этой должности Жужгов в полной мере проявил свои «таланты». Сам он не без хвастовства пишет о своей новой работе в автобиографии: «...Все важные дела поручались мне, как то: аресты контрреволюционеров, эсеров, а также их расстрелы. Мною были лично арестованы и расстреляны Михаил Романов, Андроник и много других».

Сейчас, к сожалению, трудно установить, сколько имен скрывается под словами «много других». Вероятно, десятки. Жужгов к своей работе подходил ответственно и даже изобретательно. Не будем вновь описывать убийство Михаила Романова. Добавим лишь, что архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника, схваченного и казненного без всякого суда, Жужгов заставил выкопать для себя могилу и живым его в эту могилу закопал, выстрелив для порядка уже в землю. Жужгов сам подробно описывал это в своих воспоминаниях.

Страшная, но сладкая для него работа была прервана лишь в декабре 1918 года взятием Перми Колчаком. После сдачи Перми командование 3-й армии решило использовать Жужгова для подпольной работы в тылу у Колчака. Но, увы... Вот как пишет об этом эпизоде в своей биографии сам Жужгов: «...В тыл к Колчаку мне не пришлось пройти, так как меня в этой личности многие знали, и пришлось вернуться обратно, после чего был направлен с эшеломом эвакуированных семей». Между тем, начальник Пермской милиции Василий Иванченко, которого тоже вся Пермь знала, был заброшен в тыл к Колчаку и выполнял в Перми работу резидента вплоть до освобождения. А Жужгов после провала задания отправился не на фронт, а с эвакуированными семьями подалее в тыл.

Но вернулся Жужгов из глубокого тыла в освобожденную Пермь уже с повышением, заняв должность помощника начальника губернской милиции. Естественно, прибавилось у него «любимой» работы. Но всему есть

предел. В 1921 году Жужгов был обвинен в использовании служебного положения в корыстных целях, хулиганстве, пьянстве, грубом обращении, неисполнении парт-обязанностей и исключен из партии. Такого букета обвинений, которые подтвердились, в то время хватило бы для вынесения смертного приговора. Но революция была склонна уничтожать скорее своих героев, а не палачей. И окружная контрольная комиссия ВКП(б) отменила постановление райкомиссии об исключении Жужгова, заменив эту меру туманной формулировкой — «считать из партии выбывшим».

К чести тех, кто совершал революцию, надо отметить, что они не приняли Жужгова в свои ряды. В конце 20-х годов было организовано общество старых большевиков, бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Жужгов подал заявление о приеме в общество. Внимательно изучив его биографию, собрав большое количество документов и свидетельств, которые использованы в данном очерке, члены общества старых большевиков постановили: «Прием Жужгова в члены общества только подорвет авторитет общества в глазах пролетарской общественности».

История всех революций показывает, и пример с Жужговым это только подтверждает, что эпоха перемен выдвигает как героев, так и антигероев. События, происходящие в нашем обществе сегодня, тоже носят революционный характер. Будем помнить: как только борьба с существующей системой или, наоборот, за систему переходит в борьбу против людей, появляются новые палачи.

КОММЕНТАРИИ

1. *Михаил Александрович* (22 ноября 1878—13 июня 1918) — великий князь, младший брат Николая II, генерал-адъютант Свиты императора, член Государственного Совета. В 1899—1904 гг. до рождения цесаревича Алексея Николаевича, являлся наследником престола. Послеmorganатического брака с Н. С. Вульферт (Шереметьевской) в 1912 г. был уволен со службы. Ему запретили въезд в Россию, на имущество наложили опеку. Благодаря вмешательству вдовствующей императрицы Марии Федоровны семейный конфликт был улажен. В августе 1914 г. семья великого князя вернулась в Россию. Во время первой мировой войны в чине генерал-лейтенанта Михаил Александрович командовал в Галиции Кавказской кавалерийской туземной (дикой) дивизией, позднее — 2-м кавалерийским корпусом. За боевые заслуги в 1918 г. награжден Георгиевским крестом. В конце 1916 г. назначен генерал-инспектором кавалерии. В дни Февральской революции пытался добиться уступок царя в пользу создания «правительства доверия». 2 марта 1917 г. император Николай II отрекся от престола, передав его не наследнику Алексею, а брату. На следующий день Михаил Александрович отказался от престола и подписал манифест, согласно которому форма правления в России должна была быть определена Учредительным собранием. Подвергался аресту Временным правительством в дни корниловского мятежа и Петроградским ВРК во время Октябрьского переворота. По постановлению Совнаркома в марте 1918 г. был выслан из Гатчины в Пермь. В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. вместе с личным секретарем Н. Н. Джонсоном был вывезен чехослами из города и убит.

2. *Алексеев Михаил Васильевич* (1857—1918) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Участник русско-японской и первой мировой войн; в 1914—1915 гг. начальник штаба Юго-Западного фронта и главнокомандующий Северо-Западным фронтом; в 1915—1917 гг. начальник штаба Верховного главнокомандующего; после Февральской революции до 21 мая 1917 г. Верховный главнокомандующий. Участник белого движения. 2 ноября 1917 г. на Кавказе в Новочеркасске создал так называемую «Алексеевскую организацию», ставшую ядром Добровольческой армии, которую возглавил вместе с генералом Л. Г. Корниловым; в марте 1918 г. стал ее Верховным руководителем и главой правительства. Умер в октябре 1918 г. в Екатеринодаре, похоронен в Белграде.

3. *Голицын Николай Дмитриевич* (1850—1925) — князь, архангельский, калужский, тверской губернатор, сенатор; председатель Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находившимся в неприятельских странах; член Государственного Совета, последний

председатель Совета Министров (с 27 декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г.). Был близок к императрице Александре Федоровне; после Февральской революции отошел от политической деятельности.

4. *Львов Георгий Евгеньевич* (1861—1925) — князь, юрист; главноуполномоченный Всероссийского земского Союза помощи больным и раненым воинам, член Верховного совета по признанию семей лиц, призванных на войну; гласный Московской городской думы; после Февральской революции (до июля 1917 г.) глава двух первых кабинетов Временного правительства; эмигрировал во Францию.

5. *Иванов Николай Иудович* (1851—1919) — генерал-адъютант, генерал от артиллерии; член Государственного Совета. С июля 1914 г. до марта 1916 г. главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, позднее состоял при Стяжке Николаю II. С 27 февраля 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа. Во главе батальона георгиевских кавалеров предпринимал попытку организации подавления восстания в Петрограде. В марте 1917 г. был арестован Чрезвычайным солдатским комитетом, но через некоторое время освобожден А. Ф. Керенским. После Октябрьского переворота бежал в Киев, а затем на Дон; в октябре — ноябре 1918 г. командовал белоказацкой Южной армией, разбитой под станицей Вешенской. Умер в 1919 г. от сыпного тифа.

6. *Николай II* (6 мая 1868—17 июля 1918) — император, старший сын императора Александра III, вступил на престол в 1894 г., после смерти отца; сочетался браком с принцессой Алисой-Викторией-Еленой-Луизой-Беатрисой Гессенской, которая после принятия православия получила имя Александры Федоровны, и имел четырех дочерей и сына. Расстрелян вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге.

7. *Родзянко Михаил Владимирович* (1859—1924) — политический деятель, один из лидеров партии октябристов, помещик Екатеринославской губернии. В 1906—1907 гг. член Государственного Совета; в 1907—1917 гг. — депутат III и председатель IV Государственных Дум. Во время Февральской революции возглавлял Временный комитет Государственной Думы. Один из организаторов корниловского мятежа. Принимал активное участие в организации Белогвардейского движения, в 1918—1920 гг. находился при армии А. И. Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, где и скончался. Автор мемуаров «Крушение империи».

8. *Кирилл Владимирович* (1876—1938) — великий князь, двоюродный брат Николая II, контр-адмирал Свиты императора. Участвовал в русско-японской войне, находился вместе с командующим флотом адмиралом Макаровым на борту броненосца «Петропавловск», когда тот подорвался на mine при выходе из Порт-Артура, но остался жив. В годы первой мировой войны (с февраля 1916 г.) в действующей армии, командир Гвардейского флотского экипажа и начальник морского батальона. В дни Февральской революции до отречения Николая II привел Гвардейский экипаж в Государственную Думу и поддержал Временное правительство. Летом 1917 г. выехал в Финляндию, а затем эмигрировал. В эмиграции был одним из пре-

тендентов на русский престол, в 1924 г. объявил себя императором Всероссийским — Кириллом I.

9. *Павел Александрович* (1860—1919) — великий князь, младший сын императора Александра II, генерал-адъютант Свиты Николая II, генерал от кавалерии. 28 мая 1916 г. был назначен командиром гвардейского корпуса, позже — инспектором войск гвардии. За боевые заслуги награжден Георгиевским крестом. 4 июня 1889 г. сочетался браком с греческой королевой Александрой Георгиевной, от брака имел сына Дмитрия и дочь Марию. После смерти первой жены в 1902 г. вступил вmorganатический брак с Ольгой Валериановной Палей (урожденной Карнович), из-за чего вынужден был некоторое время жить за границей. Вернулся в Россию с разрешения царя в начале первой мировой войны. Почетный председатель Русского общества охраны народного здоровья. Расстрелян в Петропавловской крепости по постановлению ВЧК в январе 1919 г. Его сын Владимир Павлович Палей был убит в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. под Алапаевском на Урале.

10. *Брасова Наталия Сергеевна* (1880—1952) — графиня, урожденная Шереметьевская, в первом браке Мамонтова, во втором — Вульферт,morganатическая супруга великого князя Михаила Александровича, дочь известного московского адвоката Шереметьевского. Имела от брака с великим князем Михаилом Александровичем сына Георгия Михайловича. В мае 1918 г. приехала к мужу, который находился в ссылке в Перми. Ходатайствовала перед Советским правительством об его освобождении и выезде с ним за границу. После нисценерования побега великого князя Михаила Александровича графиня Брасова была арестована чекистами в Гатчине. По ходатайству влиятельных лиц и ее друзей в сентябре 1918 г. была освобождена и выехала на Украину, откуда затем эмигрировала.

11. *Палей Ольга Валериановна* (1865—?) — княгиня, урожденная Карнович, по первому мужу фон Пистолькорс, с 1902 г. —morganатическая супруга великого князя Павла Александровича; после признания Николаем II брака в 1904 г. получила титул графини Гогенфельзен, в 1916 г. — титул княгини Палей. После гибели сына Владимира и расстрела мужа эмигрировала.

12. *Иванов Николай Никифорович* — присяжный поверенный, был близок по своим адвокатским делам к великим князьям Михаилу Александровичу и Павлу Александровичу, являлся одним из авторов так называемого «Манифеста великих князей».

13. *Виктория Федоровна* (1876—1936) — великая княгиня, урожденная принцесса Виктория-Мелита Саксен-Кобург-Готская. По первому браку жена великого герцога Эрнста Гессен-Дармштадтского (брата императрицы Александры Федоровны). В 1905 г. вышла замуж за великого князя Кирилла Владимировича без разрешения Николая II. В 1907 г. брак был признан. Летом 1917 г. с семьей выехала в Финляндию, а затем эмигрировала.

14. *Ксения Александровна* (1875—1960) — великая княгиня, дочь Александра III, сестра Николая II, с 1894 г. состояла в браке с великим князем Александром Михайловичем. После Февральской ре-

волочки вместе с семьей и матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, находилась на положении ссыльной в Крыму; с 1919 г. жила в Лондоне.

15. *Мария Федоровна (1847—1928)* — урожденная принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмара, дочь датского короля Христиана IX, с 1866 г. супруга Александра III; от их брака родилось шестеро детей. Осуществляла высшее управление учреждениями ведомства императрицы Марии. По ее инициативе возникли Маринские женские училища для малообеспеченных девушек-горожанок, являвшиеся промежуточной ступенью между начальными низшими школами и средними учебными заведениями. После Февральской революции вместе с семьей старшей дочери великой княгини Ксении Александровны находилась на положении ссыльной в Крыму. В конце марта 1919 г. эмигрировала из России.

16. *Алексей Николаевич (1904—1918)* — цесаревич, наследник престола; сын Николая II и Александры Федоровны. Расстрелян в Екатеринбурге вместе с родителями и сестрами в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

17. *Русский Николай Владимирович (1854—1918)* — генерал-адъютант Святи императора, генерал от инфантерии; в 1909—1914 г. член Военного совета при Военном министерстве; с августа 1915 г. по апрель 1917 г. командующий Северным фронтом, затем в отставке по болезни. Отказался от участия в гражданской войне на чьей-либо стороне. В октябре 1918 г. в числе прочих заложников убит в Пятигорске.

18. *Гучков Александр Иванович (1862—1936)* — крупный промышленник, основатель и лидер Союза 17 октября — партии октябристов, член и председатель III Государственной Думы. В 1915—1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне, с 1915 г. член Государственного Совета. Участвовал в подготовке дворцового переворота с целью заставить Николая II отречься от престола; по некоторым сведениям, входил в состав военной масонской ложи; в первом составе Временного правительства (март — май 1917 г.) военный и морской министр; один из организаторов корниловского мятежа; активно боролся против Советской власти, эмигрировал в 1918 г. в Германию, умер в Париже.

19. *Шульгин Василий Витальевич (1878—1976)* — публицист, один из лидеров националистов в IV Государственной Думе, монархист. Во время Февральской революции 2 марта 1917 г. как член Временного комитета Государственной Думы вместе с А. И. Гучковым принял отречение от престола Николая II. После октября 1917 г. участвовал в создании Добровольческой армии, возглавлял Южно-русский национальный центр; после гражданской войны в эмиграции. В 1944 г. арестован НКВД в Югославии и приговорен к тюремному заключению, которое отбывал во Владимирской тюрьме. В 1956 г. освобожден и жил в г. Владимире, где и умер. Автор книг «Дни» (1925), «1920-й год» (1927), «Три столицы» (1927), «Годы» (1980).

20. *Эверт Алексей Ермолаевич* (1857—1926) — генерал-адъютант Свиты императора, генерал от инфантерии, участник русско-японской и первой мировой войн; с августа 1915 г. главнокомандующий армиями Западного фронта; в марте 1918 г. уволен в отставку. Жил в Смоленске, затем в Вере, занимаясь пчеловодством.

21. *Николай Николаевич* (1856—1929) — великий князь, внук Николая I, двоюродный дядя царя, генерал-адъютант Свиты императора. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; в 1895—1905 гг. генерал от кавалерии; в 1904—1914 гг. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, а также (1905—1909 гг.) председатель Совета Государственной обороны; с 20 июля 1914 г. по 23 августа 1915 г. Верховный главнокомандующий, смещен по настоянию императрицы Александры Федоровны, опасавшейся усиления его влияния; с 24 августа 1915 г. по 1 марта 1917 г. главнокомандующий Кавказской армией и наместник царя на Кавказе. При отречении Николая II вновь назначен Верховным главнокомандующим, но был вынужден отказаться от назначения под давлением Петросовета и Временного правительства. После отставки жил в имении Дюльбер (Крым), в конце марта 1919 г. эмигрировал из Крыма в Италию. С 1922 г. проживал во Франции. Среди части белой эмиграции признавался кандидатом на русский престол. С декабря 1924 г. принял от П. Н. Врангеля руководство всеми русскими военными зарубежными организациями, которые к этому времени сформировались в Русский общевоинский союз (РОВС). Был женат на великой княгине Анастасии Николаевне (Стене), дочери Черногорского князя.

22. *Андрей Владимирович* (1879—1956) — великий князь, младший сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны (старшей), двоюродный брат Николая II, внук Александра II. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Александровскую военно-юридическую академию. Участник первой мировой войны, генерал-майор Свиты императора; с 7 мая 1915 г. командующий лейб-гвардейской конной артиллерией. От мorganатического брака с известной балериной М. Ф. Кшесинской имел сына Владимира. Во время Февральской революции находился в Кисловодске, где был подвергнут домашнему аресту, затем эмигрировал.

23. *Палолог Морис* (1895—1944) — французский посол в Петрограде в 1914—1917 гг., бывший директор политического департамента Министерства иностранных дел Франции. После Февральской революции заменен Нулансом. Автор книг «Царская Россия во время мировой войны» (1923), «Царская Россия накануне революции» (6/г.).

24. *Милюков Павел Николаевич* (1859—1943) — политический деятель, историк, публицист, один из организаторов партии кадетов и с 1907 г. председатель ее ЦК, редактор газеты «Речь». Член Государственной Думы III и IV созывов; в дни Февральской революции выступал за сохранение монархии; министр иностранных дел в I-м кабинете Временного правительства (до 2 мая 1917 г.). После Октябрьского переворота вел борьбу с Советской властью. С 1920 г.

в эмиграции; возглавлял левое крыло кадетов, редактировал газету «Последние новости». В годы второй мировой войны выступал против сотрудничества русской эмиграции с фашистами, приветствовал успехи Красной Армии. Автор воспоминаний, трудов по истории России XVIII—XIX вв., Февральской и Октябрьской революций.

25. *Некрасов Николай Виссарионович* (1879—1940) — сын священника, профессор Томского политехнического института, член партии кадетов, депутат Государственной Думы III и IV созывов, член бюро Прогрессивного блока, министр путей сообщения, министр финансов Временного правительства. После 1910 г. масон, входил в известную «масонскую ятерку» (вместе с А. Ф. Керенским, И. Н. Ефремовым, А. И. Коноваловым, М. И. Терещенко). Вместе с А. И. Гучковым участвовал в подготовке дворцового переворота с целью смещения Николая II. Во время Февральской революции 1917 г. поначалу являлся сторонником военной диктатуры. Участвовал в подготовке проекта манифеста об отречении Михаила Романова от престола. В ночь на 3 марта составил проект декрета об объявлении России республикой. В период июльского кризиса 1917 г. вышел из партии кадетов и 8 июля занял пост зам. министра-председателя Временного правительства. После Октябрьского переворота принимал участие в заседаниях подпольного Временного правительства. В дальнейшем подвергся аресту, после освобождения (по указанию В. И. Ленина) перешел на работу в советские учреждения. Репрессирован и 7 мая 1940 г. расстрелян. Реабилитирован в 1990 г.

26. *Керенский Александр Федорович* (1881—1970) — присяжный поверенный, лидер фракции Трудовая группа в IV Государственной Думе. В марте 1917 г. вступил в партию социалистов-революционеров. Во Временном правительстве с марта по май 1917 г. министр юстиции, с мая по сентябрь — военный и морской министр, с 8 июля — министр-председатель, одновременно с 30 августа — Верховный главнокомандующий. Во время Октябрьского вооруженного восстания покинул Петроград и предпринял неудачную попытку с помощью войск генерала П. Н. Краснова взять город. В эмиграции с 1918 г., занимался публицистикой, издавал собственную газету. Жил во Франции, с 1940 г. — в США. Один из организаторов Лиги борьбы за народную свободу. Автор мемуаров, исторических исследований, составитель и редактор документальных публикаций по истории русской революции.

27. *Набоков Владимир Дмитриевич* (1869—1922) — один из основателей партии кадетов, товарищ председателя ее ЦК, юрист, публицист. Депутат I Государственной Думы. В 1917 г. управляющий делами Временного правительства. Принимал участие в подготовке манифеста Михаила Романова о невосприимчивости верховной власти до решения Учредительного собрания. Редактор газеты «Речь», журнала «Вестник партии Народной свободы», в эмиграции редактировал газету «Русь». Автор воспоминаний «Временное правительство и большевистский переворот» (Архив русской революции. Т. 1.—Берлин, 1921), перевода «Писем императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II» (Берлин, 1922). 28 марта 1922 г. был смертельно ранен монархистом, заслонив собой выступавшего с публичной лекцией П. Н. Милокова.

28. *Шингарев Андрей Иванович* (1869—1918) — один из лидеров кадетов, депутат Государственной Думы II, III и IV созывов. Входил в состав Временного правительства. Убит революционными матросами.

29. *Нольде Борис Эммануилович* (1876—1948) — барон, сын видного русского сановника, юрист, кадет, один из главных экспертов партии в области международных отношений. В годы первой мировой войны советник министра иностранных дел С. Д. Сазонова. В дни Февральской революции вместе с В. Д. Набоковым, Н. В. Некрасовым и В. В. Шульгиным составил манифест великого князя Михаила Романова об отречении от престола и передаче всей власти до созыва Учредительного собрания Временному правительству. Участвовал в работе Всероссийского комитета по выборам в Учредительное собрание. Весной 1918 г. вошел в Правый центр, принадлежал к числу его членов, сменивших антантовскую ориентацию на германскую. До весны 1919 г. читал лекции в Петроградском университете и в Морской академии. Летом эмигрировал из России. С весны 1920 г. член парижской группы кадетов, возглавлявшейся П. Н. Милоковым. С середины 20-х годов отошел от политики. В годы второй мировой войны награжден орденом Почетного легиона. С 1947 г. председатель Международного института права.

30. *Хабалов Сергей Сергеевич* (1855—1924) — генерал-лейтенант, военный губернатор Уральской области, наказный атаман Уральского казачьего войска; с 5 по 28 февраля 1917 г. — главнокомандующий Петроградским военным округом. Участвовал в подавлении революционных выступлений в Петрограде; 28 февраля арестован и заключен в Петропавловскую крепость, в сентябре освобожден Временным правительством из заключения; 11 ноября 1917 г. был уволен из армии, после чего эмигрировал.

31. *Николай Михайлович* (1859—1919) — великий князь, внук Николая I, старший сын великого князя Михаила Николаевича, двоюродный дядя Николая II, генерал-адъютант Свиты императора, генерал от инфантерии по гвардейской пехоте. Окончил Академию Генерального штаба, с 1884 по 1903 г. на различных командных должностях в армии; историк, занимался изучением эпохи Александра I; председатель Русского исторического общества. Расстрелян 27 января 1919 г. в Петропавловской крепости.

32. *Врангель Николай Александрович* — барон, полковник, адъютант великого князя Михаила Александровича в действующей армии.

33. *Дмитрий Павлович* (1891—1942) — великий князь, сын великого князя Павла Александровича, флигель-адъютант Свиты императора Николая II, штабс-ротмистр лейб-гвардии конного полка, принимал участие в убийстве Григория Распутина, после чего был выслан в Персию.

34. *Татищев Илья Леонидович* (1859—1918) — граф, генерал-адъютант великого князя Владимира Александровича, с 1905 г. генерал-майор Свиты императора Николая II. Добровольно последовал с царской семьей в ссылку, при переводе в Екатеринбург вместе с князем В. А. Долгоруковым был посажен в тюрьму и расстрелян 10 июля 1918 г.

35. *Нарышкина Елизавета Алексеевна* (1840—?) — урожденная княгиня Куракина, обер-гофмейстерина императрицы Александры Федоровны, статс-дама, кавалер-дама, вдова А. Д. Нарышкина; председатель Петроградского дамского благотворительного торемного комитета, убежища имени принца Ольденбургского для женщин, отбывавших наказание в петербургских местах заключения, общества попечения о семьях ссыльно-каторжных и приюта для арестантских детей.

36. *Александра Федоровна* (1872—1918) — императрица, урожденная принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессенская, жена императора Николая II. Расстреляна вместе с семьей в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

37. *Буксевден Софья Карловна* (1884—1956) — баронесса, фрейлина императрицы Александры Федоровны. Добровольно последовала за царской семьей в Тобольск, но не была допущена к ней и жила отдельно. Сопровождала царских детей в Екатеринбург, где была с ними разлучена. Умерла в Лондоне.

38. *Вырубова Анна Александровна* (1884—1964) — урожденная Танеева, фрейлина императрицы Александры Федоровны с 1904 по 1917 г. В 1920 г. эмигрировала в Финляндию. Была тайно пострижена в монахини под именем Мария. Автор книги мемуаров «Фрейлина императрицы».

39. *Гендрикова Анастасия Васильевна* — графиня, фрейлина императрицы Александры Федоровны; добровольно последовала в ссылку в Сибирь за царской семьей; расстреляна чекистами 4 сентября 1918 г. в Перми вместе с гофлестриссой Шнейдер и баронессой Менген. Их трупы были обнаружены белогвардейцами 7 мая 1919 г., подвержены медицинской экспертизе и захоронены по христианскому обычаю.

40. *Бенкендорф Павел Константинович* (1833—1921) — граф, генерал-адъютант Святи императора, генерал от кавалерии, обер-гофмаршал, зав. гофмаршальской частью, член Государственного Совета. Принадлежал к ближайшему окружению царской семьи. Автор воспоминаний о царской семье.

41. *Распутин (Новых) Григорий Ефимович* (1877—1916) — крестьянин села Покровское Тобольской губернии, «старец». Имел большое влияние на императрицу Александру Федоровну в качестве провидца и целителя, обладал способностью успокаивать боль и останавливать кровотечение у наследника — цесаревича Алексея, страдавшего гемофилией — болезнью рода Гессенских. Убит монархистами.

42. *Долгоруков Василий Александрович* (1868—1918) — князь, пасынок П. К. Бенкендорфа, гофмаршал, генерал-майор Святи императора Николая II. Сопровождал царскую семью в Тобольск и Екатеринбург. Был арестован, заключен в тюрьму и расстрелян 10 июля 1918 г.

43. *Савинков Борис Викторович* (1879—1925) — один из лидеров партии эсеров, террорист, комиссар при Ставке; в августе 1917 г.

управляющий Военным министерством Временного правительства. Активный противник Советской власти; арестован в 1924 г. при переходе советской границы; покончил жизнь самоубийством. Автор (псевдоним В. Рошнин) стихотворных и прозаических произведений.

44. *Сергей Михайлович* (1869—1918) — великий князь; с 1905 г. генерал-инспектор артиллерии, в 1915—1917 гг. полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем; убит 18 июля 1918 г. под Алапаевском.

45. *Хитрово Маргарита Сергеевна* — фрейлина; 18 августа 1917 г. она, по собственной инициативе, приехала в Тобольск, желая быть рядом с царской семьей. 22 августа ее арестовали и выслали в Москву. «Дело Хитрово» было раздуто властями и прессой.

46. *Бадмаев (до крещения — Жамсарайн) Петр Александрович* (1851—1919) — бурят, крестник императора Александра III, действительный статский советник, с 1875 г. на службе в Азиатском департаменте МИД; доктор тибетской медицины; входил в распутинский кружок; пользовался популярностью в придворных кругах.

47. *Жильяр Пьер (Петр Андреевич)* (1879—1962) — швейцарский гражданин, гувернер и преподаватель французского языка наследника Алексея Николаевича; последовал вместе с царской семьей в тобольскую ссылку, при переводе Романовых в Екатеринбург был отделен от них и отправлен в Тюмень. Принимал деятельное участие в содействии следствию, проводимому Н. А. Соколовым по делу убийства царской семьи. Автор воспоминаний.

48. *Александр Михайлович* (1866—1933) — великий князь, внук Николая I, муж великой княгини Ксении Александровны, генерал-адъютант Свйты императора, вице-адмирал. С 1885 г. служил на флоте. Способствовал развитию в России военной авиации, в частности учреждению первой в стране военной авиационной школы на р. Кача (Крым). Во время первой мировой войны заведующий организацией авиационного дела в действующей армии, с декабря 1916 г. генерал-инспектор военного воздушного флота. Уволен со службы в марте 1917 г. Вместе с семьей и вдовствующей императрицей Марией Федоровной находился на положении ссыльного в Крыму. В конце марта 1919 г. эмигрировал. Автор «Книги воспоминаний».

49. *Ленин (Ульянов) Владимир Ильич* (1870—1924) — основатель партии большевиков и Советского государства.

50. *Свердлов Яков Михайлович* (1885—1919) — советский государственный, партийный деятель. Член РСДРП с 1901 г. Участник революции 1905—1907 гг. на Урале. В 1912 г. был кооптирован в члены ЦК РСДРП, член Русского бюро ЦК. В апреле 1917 г. возглавлял создание Уральской областной партийной организации. Делегат 7-й (Апрельской) конференции и VI съезда РСДРП(б), на которых избирался членом ЦК. Возглавлял секретариат ЦК РСДРП(б), вел большую работу по расстановке кадров, налаживанию связей с местными организациями, учреждению печатных партийных органов. Член Военно-революционного центра и Петроградского ВРК. Делегат II Всероссийского съезда Советов, избран чле-

ном ВЦИК. 8 ноября 1917 г. по предложению Ленина избран председателем ВЦИК, продолжая оставаться секретарем ЦК РСДРП(б). С апреля 1918 г. председатель комиссии по выработке первой Конституции РСФСР. Партийный куратор «дела Романовых», несет непосредственную ответственность за расстрел царской семьи в Екатеринбурге и уничтожение великих князей в Алапаевске. Участник III Всеукраинского съезда Советов. Возвращаясь со съезда в Москву, выступал на митингах, простудился и 16 марта 1919 г. умер. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены в Москве. В его честь г. Екатеринбург перенменован в г. Свердловск.

51. *Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович* (1879—1940) — в революционном движении с 1897 г.; председатель Петросовета, нарком иностранных дел (1917), нарком путей сообщения (1920), Председатель РВС Республики (1918—1925); в 1919—1926 гг. член Политбюро. Выслан из СССР в 1929 г.

52. *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870—1918) — сын коллежского секретаря. Окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Военную академию. Участник русско-японской и первой мировой войн. В дни Февральской революции командующий Петроградским военным округом. После отставки генерала М. В. Алексеева 21 мая 1917 г. — Верховный главнокомандующий. В конце августа поднял мятеж и двинул войска на Петроград с целью установления военной диктатуры. 29 августа отстранен от должности и предан суду. Находился под арестом в Быховской тюрьме, откуда бежал в Новочеркасск, где вместе с генералом М. В. Алексеевым возглавил Добровольческую армию. Убит взрывной волной 31 марта 1918 г. во время 1-го Кубанского похода под Екатеринодаром. Позднее его труп был выкопан красноармейцами и уничтожен.

53. *Мария Николаевна* (1899—1918) — великая княжна, третья дочь Николая II и Александры Федоровны. Расстреляна в Екатеринбурге вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

54. *Анастасия Николаевна* (1901—1918) — великая княжна, четвертая дочь Николая II и Александры Федоровны. Расстреляна в Екатеринбурге вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Позднее появилась легенда об ее чудесном спасении.

55. *Урицкий Михаил (Моисей) Соломонович* (1873—1918) — деятель российского революционного движения. Из семьи купца; юрист. Член РСДРП с 1898 г., позже меньшевик, с 1917 г. большевик. Делегат VI съезда РСДРП(б), избран членом ЦК. В дни Октябрьского переворота член Военно-революционного партийного центра по руководству восстанием, член Петроградского ВРК. Делегат II съезда Советов, член ВЦИК, комиссар МИД, с ноября 1917 г. член коллегии НКВД, комиссар Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. В феврале 1918 г. член Комитета революционной обороны Петрограда. В вопросе о Брестском мире примыкал к «левым коммунистам». С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК. Участвовал в разгроме контрреволюционных организаций, разоружении анархистов. Причастен к высылке великих князей из Петрограда и его окрестностей в ссылку, наблюдению за ними, а

также к их уничтожению. С 1918 г. кандидат в члены ЦК РКП(б). 30 августа 1918 г. убит эсером в Петрограде. Похоронен с почестями на Марсовом поле.

56. *Знамеровский Петр Людвигович* — бывший начальник Гатчинского жандармского железнодорожного управления, полковник, был выслан в Пермь вместе с великим князем Михаилом Александровичем, после исчезновения великого князя арестован и позднее расстрелян как заложник вместе со своей супругой Верой Михайловной Знамеровской.

57. *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873—1955) — советский государственный и партийный деятель, доктор исторических наук. Член РСДРП с 1895 г. После Февральской революции член исполкома Петросовета, член редакции газет «Известия», «Рабочий и солдат». В дни Октября комендант района Смольный — Таврический дворец, председатель Комитета по борьбе с саботажем и контрреволюцией, член Комитета революционной обороны Петрограда. В 1917—1920 гг. управляющий делами Совнаркома РСФСР. Затем на научной работе. Автор трудов по истории революционного, религиозно-общественных движений в России.

58. *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875—1933) — советский государственный и общественный деятель, писатель, академик Академии наук СССР. Член РСДРП с 1895 г. В годы реакции отошел от большевиков. В 1917 г. после возвращения из эмиграции в Петроград работал заведующим литературным отделом газеты «Правда»; член Петроградской городской думы. Участник Октябрьского переворота. С 1917 г. нарком просвещения. С 1929 г. председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. В 1933 г. полпред в Испании. Автор многочисленных трудов.

59. *Дзержинский Феликс Эдмундович* (1877—1926) — советский партийный, государственный деятель, участник польского и русского революционного движения. Член РСДРП с 1895 г. В 1899 г. в Варшаве один из организаторов Объединенной партии социал-демократии Королевства Польского и Литвы. В 1907 г. член ЦК РСДРП. Более 11 лет провел в тюрьмах и ссылках. Один из организаторов Октябрьского переворота, член ВЦИК и его Президиума. С декабря 1917 г. председатель ВЧК; одновременно в 1919—1923 гг. нарком внутренних дел, а с 1921 г. нарком путей сообщения. С февраля 1924 г. председатель ВСНХ СССР. С 1917 г. член ЦК партии, с 1921 г. член Оргбюро, с 1924 г. кандидат в члены Политбюро ЦК.

60. *Лукоянов Федор Николаевич* (1894—1947) — член РСДРП с 1913 г., организатор и редактор первой легальной печатной большевистской газеты в Перми «Пролетарское знамя». Совмещал работу в газете с деятельностью председателя штаба Красной гвардии в Перми. В начале 1918 г. участвовал в ликвидации крестьянских восстаний. С организацией Пермской ЧК возглавлял ее до перевода в конце июня 1918 г. на должность председателя Уральской областной ЧК. Имел непосредственное отношение к гибели Михаила Романова и царской семьи. В последующие годы на руководящей издательской и хозяйственной работе.

61. *Трофимов Александр Васильевич* (1887—1942) — рабочий Мотовляхи, член РСДРП с 1905 г., участник боевых дружин и экспроприаций, приговорен к смертной казни через повешение, которая была заменена пятнадцатилетней каторгой. После Февральской революции член Мотовляхинского Совдепа, с марта 1918 г. член коллегии Пермской губчека. В 1919 г. начальник особого отдела 29-й дивизии 3-й армии Восточного фронта. После гражданской войны некоторое время служил в органах ГПУ, а затем на хозяйственной и партийной работе. Умер в 1942 г. в Ташкенте.

62. *Тупицины* — семья предпринимателей и общественных деятелей. Основатель династии Евграф Козмыч Тупицин открыл в Перми москательнo-аптекаpский магазин и химическую лабораторию, а затем первый в России фосфорный завод на р. Давылке. После его смерти завод унаследовали сыновья — Александр и Владимир. Оба известны активной общественной и благотворительной деятельностью. Упоминаемый в дневнике Михаила Романова Сергей Владимирович Тупицин (р. 1899) — сын Владимира Евграфовича. Дальнейшая судьба Тупициных неизвестна. По-видимому, они уехали из Перми в июне 1919 г. перед взятием города красными. Все имущество Тупициных было национализировано, а их огромная и уникальная химическая библиотека легла в основу библиотеки Пермского завода им. С. Орджоникидзе.

63. *Борунов Петр Яковлевич* — личный шофер Михаила Романова, после исчезновения великого князя был арестован и расстрелян как заложник.

64. *Архиепископ Андроник (Владимир Никольский)* (1870—1918) — с июля 1914 г. епископ Пермский и Солжакский; в 1916 г. после реорганизации Пермской епархии стал именоваться епископом Пермским и Кунгурским; в апреле 1918 г. возведен в сан архиепископа. Во время первой мировой войны вел активную работу по организации церковью помощи раненым воинам, а также детям воювавших. Много сделал для развития культуры края. Поддерживал просветительскую деятельность Пермского церковно-археологического общества. Активный противник Советской власти, организатор антисоветских выступлений духовенства и верующих. Убит 20 июня 1918 г. Сохранились воспоминания Н. В. Жужгова об убийстве Андроника: он был живым закопан в землю.

65. *Архимандрит Матвей (Матфей)* — ректор Пермской семинарии, впоследствии вошел в состав комиссии, командированной Церковным Собором из Москвы летом 1918 г. для расследования дела архиепископа Андроника. После завершения расследования, на обратном пути в Москву, за железнодорожным мостом через Каму поезд был остановлен, члены комиссии выведены из вагона и убиты. Тела их были закопаны тут же, у железной дороги. (Свободная Пермь.—1919.—18 ян.)

66. *Алина Таисья Александровна* — вдова известного пермского купца, владельца мехового магазина. Глава семьи Александр Семенович скончался в 1915 г., оставив собственный дом на ул. Сибирской (сейчас ул. К. Маркса, 19) жене и детям — сыну Семену и дочери Агнии.

67. *Ольга Александровна* (1882—1960) — великая княгиня, младшая дочь императора Александра III, сестра Михаила Романова; в первом браке жена Петра Александровича, принца Ольденбургского; в 1916 г. вступила вmorganaticкий брак с ротмистром Николаем Александровичем Куликовским. После Февральской революции находилась с семьей в Крыму и Новороссийске. Проживала в эмиграции вместе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной в Дании.

68. *Кобяк* — семья пермских предпринимателей и общественных деятелей, потомственных дворян. Глава семьи Георгий Игнатьевич — почетный гражданин Перми. В 1896—1909 гг. редактор «Пермских губернских ведомостей». В 1912 г. получил патент на изобретение аппарата для производства электролитной воды. Владел небольшим заводом по изготовлению искусственных и минеральных вод и магазином при нем. Семья Кобяк имела собственный дом на Екатеринбургской улице, рядом с домом губернатора.

69. *Чельшев Василий Федорович* (1884—1918) — камердверер великого князя, после похищения Михаила Романова был арестован и позднее расстрелян как заложник.

70. *Шервашидзе Георгий Дмитриевич* — князь, обер-гофмаршал, состоявший при вдовствующей императрице Марии Федоровне.

71. *Обыденов Михаил Петрович* — полковник царской армии.

72. Видимо, речь идет о *Шипилине Владимире Павловиче*, пермском враче, занимавшемся частной практикой.

73. *Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич* (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1901 г.; участник революции 1905—1907 гг.; с 1908 по 1917 г. в эмиграции. Участник конгрессов и конференций II Интернационала. В апреле 1917 г. вместе с В. И. Лениным вернулся в Россию, входил в состав Петросовета. В июне 1917 г. избран в ЦИК от большевиков. В октябре 1917 г. выступал против вооруженного восстания, в ноябре — за создание коалиционного правительства с участием эсеров и меньшевиков. С декабря 1917 г. по 1925 г. председатель Петросовета. В 1919—1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна. В 1912—1927 гг. член ЦК партии; в 1921—1926 гг. член Политбюро ЦК; член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1927 г. и 1932 г. исключался из партии по обвинению во фракционной деятельности, был восстановлен в ее рядах. Дважды осужден: сначала по делу Московского центра (январь 1936 г.), затем по делу антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра (август 1936 г.). Расстрелян. В июле 1988 г. пленум Верховного суда СССР приговор отменил, признав все обвинения необоснованными.

74. *Сапосожников Илья Николаевич* (1867—?) — управляющий (комиссар) гостиницы Королевские номера в Перми.

75. *Белобородов Александр Георгиевич* (1891—1938) — профессиональный революционер, уроженец Александровского завода Пермской губернии; работал на уральских заводах конторщиком и элект-

тронтером. Член РСДРП(б) с 1907 г., в 1908 г. был арестован и просидел в тюрьме около четырех лет; был близок к Я. М. Свердлову, избирался на VI съезд партии. После Октябрьского переворота председатель Уральского областного Совета. Организатор и непосредственный участник расстрела царской семьи в Екатеринбурге. В 1920—1921 гг. член ЦК РКП(б), с 1923 г. нарком НКВД, в дальнейшем занимал ответственные посты в аппарате власти. В 1927 г. исключен из партии и уволен со всех постов как троцкист. В августе 1936 г. арестован, в феврале 1938 г. осужден и погиб в заключении. В 1958 г. приговор был отменен за отсутствием состава преступления.

76. *Малков Павел Иванович* (1892—1956) — родился в бедной крестьянской семье в Орловском уезде Вятской губернии, столяр. Член РСДРП(б). С марта 1917 г. член Мотовилихинского Совдепа, возглавлял цеховую партийную организацию, входил в Пермский общегородской партийный комитет. Один из организаторов и руководителей Красной гвардии. С марта 1918 г. член коллегии Пермской губчека, с августа — ее председатель. Руководил подавлением мятежей в Чердынском и Усольском уездах, а в 1920 г. — на Северном Кавказе. С 1921 г. на хозяйственной работе. Завершил свой жизненный путь на дипломатическом и внешнеэкономическом поприще — работал в Аргентине, Уругвае, Бразилии, Колумбии, Испании.

77. *Елизавета Федоровна* (1864—1918) — великая княгиня, жена великого князя Сергея Александровича, старшая сестра императрицы Александры Федоровны. После гибели мужа ушла от мирской жизни. Настоятельница Марфо-Мариинской обители. Убита вместе с великими князьями в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. под Алапаевском. Позднее останки великой княгини были перезахоронены в Иерусалиме, в усыпальнице русского монастыря Марии-Магдалины в Гефсиманском саду.

78. *Берзин (Берзиньш) Рейнгольд Иосифович (Язепович)* (1888—1939) — командир и политработник Красной Армии. Член РСДРП с 1905 г. Из батраков. Учитель. Участник первой мировой войны, в 1916 г. окончил школу прапорщиков, поручик. В 1917 г. председатель корпусного комитета, член исполкома и ВРК 2-й армии Западного фронта. С ноября 1917 г. командующий войсками Северной группы при ликвидации Ставки в Могилеве, затем командир 1-го Минского революционного отряда. С января 1918 г. командующий 2-й революционной армией, в феврале-марте главнокомандующий Западным революционным фронтом по борьбе с контрреволюцией. С июня 1918 г. председатель Высшей военной инспекции в Сибири, командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом, проверял по заданию Совнаркома содержание царской семьи в Екатеринбурге. В июле — ноябре 1918 г. командующий 3-й армией. В декабре 1918 г. — июне 1919 г. инспектор армии Советской Латвии, затем член РВС Западного, Южного и Юго-Западного фронтов. В декабре 1923 г. — июле 1924 г. член РВС Туркестанского фронта. В дальнейшем работал в военной промышленности и сельском хозяйстве. Репрессирован в 1939 г., посмертно реабилитирован.

79. *Волков Алексей Андреевич* — камердинер императрицы Александры Федоровны, последовал с царской семьей в ссылку; при переводе Романовых из Тобольска в Екатеринбург был арестован и

посажен в тюрьму, затем вместе с Гендриковой и Шнейдер перевезен в Пермь, где в сентябре 1918 г. ему удалось бежать из-под расстрела. Автор воспоминаний «Около царской семьи».

80. *Ребухин (Рябухин) Александр Семенович* — красногвардеец, допрашивался в ходе белогвардейского следствия по делу об убийстве царской семьи, великих князей и архиепископа Андроника.

81. *Кирста Александр Федорович* — сыграл значительную роль в расследовании белогвардейцами убийства царской семьи. Был очень активным, но действовал сумбурно. Находясь во главе Екатеринбургского уголовного розыска, был отстранен от должности и арестован начальником гарнизона генералом Голицыным за незаконные поступки, обнаруженные в работе розыска. После отъезда Голицына на фронт вел расследование по убийству царской семьи тайно от судебного следствия. Кирста поверил в версию, будто часть царской семьи была увезена из Екатеринбурга и избежала смерти, и посвятил всю свою энергию нахождение следов якобы спасенных императрицы Александры Федоровны и ее дочерей, а также великого князя Михаила Романова.

82. *Плешков Алексей Иванович* — эсер; в 1918 г. начальник милиции в Мотовилихе. Принимал непосредственное участие в расстреле великого князя Михаила Александровича и его личного секретаря Н. Н. Джонсона. Расстрелян белыми.

83. *Берсенева (Берестнев) Иван Петрович* — эсер, товарищ председателя исполнительного комитета Мотовилихинского Совета.

84. *Жужгов Николай Васильевич* (1879—1941) — мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1902 г., большевик. В годы первой русской революции — боевик, был связан с «лесными братьями» А. Лбова. В 1918 г. помощник начальника милиции Мотовилихи, член Пермской губчека. Участник гражданской войны на Урале, после освобождения Перми от белых — помощник начальника губмилиции. Лично расправился с архиепископом Пермским и Кунгурским Андроником, живым закопав его в землю. Когда Жужгов подал заявление о приеме в общество старых большевиков, полеткаторжан и ссыльнопереселенцев, то получил отказ со следующей резолюцией: «Прием Жужгова только подорвет авторитет общества в глазах пролетарской общечественности». В 1921 г. постановлением партийной Пермской окружной контрольной комиссии исключен из партии за пьянство. Позднее работал на Невьянском заводе токарем, с 1927 г. по инвалидности перешел на пенсию.

85. *Мясников Гавриил Ильич* (1889—1946) — профессиональный революционер, мотовилихинский рабочий, член РСДРП(б) с 1906 г., в 1917—1921 гг. на руководящей советской и партийной работе в Мотовилихе и Перми — председатель Мотовилихинского райкома партии, член окружного комитета партии, член губисполкома, зам. председателя Пермской губчека. Член ЦИК. Широко известна его переписка с В. И. Лениным и развернутая им борьба против линии партии, получившая название «мясниковщины»; за оппозиционную деятельность был арестован, исключен из партии. Находясь в ссылке, бежал за границу. В годы второй мировой войны активный участник антифа-

инстского сопротивления. После войны вернулся в СССР, вскоре был арестован и умер в тюрьме.

86. *Сретенский Иван Матвеевич* — до февраля 1917 г. служил уездным исправником в Пермском уезде, с весны 1919 г. участвовал в следствии по делу Михаила Романова, допрашивал крестьян деревни Коптелки и жителей Верх-Исетского завода, помогал следователю Н. А. Соколову.

87. *Соколов Николай Алексеевич* (1882—1924) — уроженец г. Мокшан Пензенской губернии; окончил юридический факультет Харьковского университета, служил следователем в Пензенском окружном суде. После Октябрьского переворота бежал в Сибирь, получил назначение следователем по особо важным делам при Омском окружном суде. С начала 1919 г. полностью переключился на дело об убийстве царской семьи и вел его до конца своих дней. Умер в ноябре 1924 г. во Франции.

88. *Ляк (Лякс)* — латыш, член Уральской областной ЧК.

89. *Борчанинов Александр Лукчи* (1883—1932) — профессиональный революционер. Уроженец Оханского уезда Пермской губернии. С 1903 г. член Пермского комитета РСДРП. В 1906—1917 гг. отбывал каторгу и ссылку в Сибирь. Делегат II Всероссийского съезда Советов и VI съезда РСДРП(б). В 1918 г. председатель Пермского городского Совета. Участник гражданской войны. Участвовал в подавлении Дутовского мятежа, целого ряда крестьянских восстаний, в борьбе с белочехами. В 1921 г. председатель Пермской губчека, а позднее — начальник ГПУ. В дальнейшем на хозяйственной, партийной и советской работе. Умер в 1932 г. от сердечного приступа.

90. *Марков Андрей Васильевич* (1882—1965) — мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1906 г., большевик. С установлением Советской власти в Перми — комиссар по национализации и управлению культурно-просветительными учреждениями, член Мотовилихинского ревкома и Пермской губчека. В своей автобиографии от 24 декабря 1930 г. написал: «...Фактически ревкомом руководили мы, местные работники, во главе с т. Мясниковым, распоряжения же операционного характера выполнялись мной как командантом завода совместно с тт. Колпацниковым Иваном и Жужговым Николаем, которые участвовали со мной в расстреле Михаила Романова. Письменных решений не выносилось, да и не было времени их писать, так как сама обстановка была сверхбоевая: тут и отступающие голодные части красной гвардии, голод в самом заводе, саботаж среди технического персонала завода, за что мы расстреляли управляющего завода Темникова, его сына офицера и заведующего снарядами цехом № 3 Иванова. Это мы сделали с Колпацниковым Иваном, а для быстроты бросили в Каму, много было и других дел, всех не перечесть...» (ГА РФ, ф. 639, оп. 5, д. 1552, л. 46). Во время наступления колчаковцев перешел на нелегальное положение и под фамилией Афанасьев жил в Иркутске и Владивостоке, участвуя в подпольной работе. После окончания гражданской войны на руководящей хозяйственной работе. За революционные и трудовые заслуги в 1956 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени.

91. *Иванченко Василий Алексеевич* (1874—1938) — мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1902 г., большевик. С июня 1917 г. член исполкома Мотовилихинского Совдепа, с 1918 г. депутат Пермского горсовета, комиссар Перми и начальник городской милиции. Один из непосредственных исполнителей расстрела великого князя Михаила Александровича. Участник гражданской войны на Урале, после освобождения Перми от белогвардейцев — начальник местной милиции, затем заведующий отделом в Управлении городского и уездного исполкома, член коллегии Пермской губернии; после гражданской войны на советской работе.

92. *Коллацков Иван Федорович* — мотовилихинский рабочий, красногвардеец, непосредственный участник похищения и расстрела великого князя Михаила Александровича.

93. *Дрокин Владимир Александрович* (1893—1938) — мотовилихинский рабочий, член РСДРП(б) с 1912 г., за участие в революционном движении в августе 1914 г. был арестован и выслан в Архангельскую губернию. Участник Октябрьской революции и гражданской войны в Прикамье. Во время акции по уничтожению великого князя Михаила Романова служил в милиции. В последующие годы член Пермского окружного РКП(б), депутат Мотовилихинского Совдепа; делегат нескольких съездов и конференций ВКП(б).

94. *Новоселов Носиф Георгиевич* — служил в милиции при Мотовилихинском заводе, участвовал в расстреле великого князя Михаила Александровича и его секретаря Н. Н. Джонсона; в октябре 1918 г. являлся старшим агентом Бюро уголовного розыска г. Перми.

95. *Туркин Михаил Павлович* (1887—1947) — профессиональный революционер, несколько раз арестовывался и привлекался к суду. Отбывая ссылку в Туруханском крае, совершил побег, жил за границей до 1917 г. После революции вернулся в Пермь. Работал в Мотовилихинском исполкоме, возглавляя Пермский продовольственный комитет. После гражданской войны — на партийно-пропагандистской работе. Несколько лет был редактором газеты «Звезда». Скончался в Перми от туберкулеза.

96. *Миков Александр Алексеевич* (1886—1963) — уроженец Чусовского завода Пермской губернии, рабочий Мотовилихи, член РСДРП с 1902 г., боевик, участвовал в террористических актах и эскапарациях, был арестован и приговорен к 8 годам каторжных работ. В 1917 г. вернулся в Пермь. В годы гражданской войны работал в ЧК в Перми и Вятке, в судебных органах, затем в суде, прокуратуре, в партийных, советских и хозяйственных органах. Награжден орденом Ленина. Умер в Ялте, где жил в последние годы.

97. *Боткин Евгений Сергеевич* (1865—1918) — лейб-медик императора Николая II, приват-доцент Военно-медицинской академии. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг. Добровольно как врач при цесаревне Алексее последовал вместе с императорской семьей в Тобольскую ссылку. Расстрелян вместе с Романовыми в Ипатьевском доме в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Никогда не был вместе с великим князем Михаилом Александровичем в Перми.

98. *Решетников Василий Иванович* (1891—1919). Даты рождения и смерти документально не подтверждены. Нет достоверных сведений и о месте его рождения. В Пермь оказался случайно весной 1917 г., возвращаясь из ссылки. Возглавил Мотовилихинскую партийную организацию, а затем стал председателем исполкома Пермского городского Совета; участник разоружения казаков, следующих через Пермь с фронта, организатор отрядов Красной гвардии. Весной 1918 г. ушел на фронт, был ранен под Петроградом и вернулся в Пермь лечиться. В конце 1918 г. выехал в Саратовскую губернию, и дальнейшая судьба его неизвестна.

99. *Смилга Ивар Тенисович* (1893—1938) — член ЦК первого состава; возглавлял политуправление РККА. В 1918—1919 гг. член Реввоенсовета Восточного фронта. В 1920-е гг. перешел в оппозицию к партиям большевиков. В феврале 1938 г. расстрелян.

100. *Маркова Анна Никитична* (1885—1974) — жена А. В. Маркова; учительница по образованию и профессиональная революционерка. С 1906 г. член РСДРП. Вела активную пропагандистскую работу среди женщин. После гражданской войны женорганизатор в Мотовилихе, затем заведующая женотделом в Уральском обкоме партии. С 1930-х гг. в аппарате ЦК, Президиума ВЦИК, Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР.

101. *Сивков Владимир Федорович* (1889—1979) — рабочий Чусовского завода, член РСДРП, член штаба Красной гвардии, член Пермского губисполкома. В апреле 1918 г. возглавлял роту рабочих добровольцев; после освобождения Перми от белогвардейцев председатель Пермского губернского военревкома. В дальнейшем на партийной и хозяйственной работе. Автор книги «Пережитое» (Пермь, 1968).

102. *Елена Петровна* (1884—1962) — княгиня, урожденная королева, дочь сербского короля Петра I, жена князя Иоанна Константиновича. Последовала за мужем в ссылку. В Екатеринбурге была подвергнута аресту вместе с сербской военной миссией, после гибели мужа в Алапаевске находилась в пермской и московской тюрьмах до конца 1918 г. и только благодаря вмешательству норвежского посольства была освобождена. Эмигрировала из России в 1919 г.

103. *Смирнов Сергей Николаевич* — секретарь и управляющий делами княгини Елены Петровны, дочери сербского короля Петра I, и ее супруга князя Иоанна Константиновича. Эмигрировал в Югославию, где написал книгу об известных событиях на Урале.

104. *Горшков-Касьянов М. Ф.* — активный участник установления Советской власти в Прикамье, председатель Усольского ревкома и укома РКП(б), делегат IX съезда партии.

105. *Нахтман Роман Михайлович* (1867—?) — почетный гражданин г. Чнты, католик, допрашивался белогвардейским следствием по делу исчезновения великого князя Михаила Александровича.

106. *Вяземский Владимир Алексеевич* — князь, бывший адъютант великого князя Михаила Александровича.

107. *Брешко-Брешковский Н.* — племянник «бабушки русской революции» эсерки Е. К. Брешко-Брешковской, писатель; в романе, изданном им в Германии, поведал о том, что головы казненных императора и императрицы якобы были представлены Юровским и Ермаковым в июле 1918 г. Президиуму ВЦИК (Касвинов М. Двадцать три ступени вниз. — М., 1987. — С. 497—498).

108. *Фрейберг Эрин Георгиевич* — представитель атамана Семенова в Германии.

109. *Семенов Григорий Михайлович* (1890—1946) — генерал-лейтенант. Из семьи казака Забайкальского казачьего войска. Участник первой мировой войны. В июне 1917 г. один из комиссаров Временного правительства в Забайкалье. С августа 1918 г. возглавил борьбу с большевиками в Забайкалье и был назначен Сибирским правительством командующим местными войсками. В начале 1919 г. провозгласил себя атаманом Забайкальского казачьего войска, затем принял у Колчака всю полноту власти на восточной окраине России; в 1920 г. подчинился правительству генерала Врангеля как Всероссийскому правительству. Эмигрировал в сентябре 1921 г. и в жизни русской дальневосточной эмиграции играл значительную роль, продолжая бороться против Советской власти. В 1945 г., в Маньчжурии, был захвачен советскими войсками и 30 августа 1946 г. казнен по приговору Верховного суда.

110. *Унгерн фон Штернберг Роман Федорович* — барон, один из ближайших сподвижников атамана Семенова, от которого в 35 лет получил чин генерал-лейтенанта. В августе 1920 г. Азиатская конная дивизия барона Унгерна отделилась от семеновцев и ушла из Забайкалья в Монголию, где в феврале 1921 г. заняла Ургу (Улан-Батор), однако вскоре была разбита Красной армией, барон был взят в плен и 15 сентября 1921 г. по приговору Сибирского революционного трибунала расстрелян в Новониколаевске (Новосибирске).

111. *Торопов Сергей Афанасьевич* (1928—1990) — крупнейший краевед Перми, автор целого ряда путеводителей по Уралу и Пермской обл.

112. *Аликина Надежда Алексеевна* (р. 1926) — заслуженный работник культуры РСФСР. В 1950—1981 гг. директор партийного архива Пермского обкома КПСС (ныне — областной государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений). Автор нескольких десятков книг по истории революционного движения в Прикамье, составитель многотомной «Пермской Ленинаны». В настоящее время на пенсии, живет в Перми.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агафуровы 98
 Аксельрод Т. Л. 87
 Аландер Г. П. 130
 Алгасов (Бурдаков) В. А. 87
 Александр I (император) 223
 Александр II (император) 221
 Александр III (император) 11, 14, 218—220, 225, 229
 Александр Михайлович (вел. кн.) 77, 99, 219, 225
 Александра Георгиевна (греческая королева) 219
 Александра Федоровна (императрица) 64, 79, 218—224, 226, 230, 231
 Александров Н. А. 69, 70, 74, 75
 Алексеев М. В. 17, 35, 41, 44, 45, 53, 55, 217, 220, 225, 229
 Алексей Николаевич (цесаревич) 18, 40, 44, 53, 63, 79, 217, 220, 224, 225, 233
 Алеша 102
 Аликина Н. А. 198, 235
 Алин 102, 209, 228
 Алина Т. А. 95, 228
 Алины 101, 102, 118
 Альбенский А. В. 198
 Альман-Бридяц 82
 Анастасия Николаевна (царевна) 83
 Анастасия Николаевна (вел. кн.) 221, 226
 Андреев 100
 Андреевская 103
 Андрей Владимирович (вел. кн.) 44, 221
 Андроник (архиепископ) 25, 94, 134, 135, 215, 228, 231
 Артемов Е. И. 193
 Артемов С. 207
 Афанасьев (см. Марков А. В.)
- Бадмаев (Жамсарайн) П. А. 71, 225
 Балашева 175
 Барандохин М. Ф. 122—124, 211
 Бармян 98
 Башкиров 123
 Безенкович Г. П. 130
 Белобородов А. Г. 107, 127, 180, 181, 209, 229
 Бенкендорф П. К. (граф) 20, 64, 80, 81, 224
 Бенкендорфы 63, 64
 Березин И. А. 137
 Берзин (Берзиньш) Р. И. 128, 230
 Берснев (Береснев, Берестнев) И. П. 135, 231
 Бехтерев Н. В. 137
 Барюков 67
 Блохин Е. С. 72
 Богданова М. С. 113, 114
 Бонч-Бруевич В. Д. 21, 23, 87, 90, 91, 127, 227
 Борегар 94—98, 100
 Борунов П. Я. 22, 25, 94, 95, 97, 98, 106, 108—110, 112—114, 120, 132, 136—138, 177, 183, 194, 195, 210, 228
 Борчанинов А. Л. 143, 168, 180, 232
 Боткин Е. С. 168, 233
 Брасов Г. М. 15, 16, 31, 86, 219
 Брасова (Шереметьевская, Мамонтова, Вульферт) Н. С. (графиня) 14—18, 20, 22, 25, 26, 31, 38, 39, 47, 50, 66, 76, 86, 93—98, 101, 102, 104, 120, 132, 136, 183, 185, 186, 217, 219
 Брешко-Брешковская Е. К. 235
 Брешко-Брешковский Н. 184, 235
 Брикнер 174

Бриен 99
Бубликов А. А. 52
Бужегвден С. К. 64, 224
Бульгин 185, 186
Булгаковская В. И. (см. Ку-
леш В. И.)
Бурмакин Д. А. 129
Быковский А. И. 198
Бьоженин Д. У. 22

Венштейн А. А. 130
Виктория Федоровна (вел. кн.)
89, 219
Вильтон Р. А. 25
Виноградов В. Д. 87
Владимир Александрович (вел.
кн.) 221, 223
Власов А. М. 86, 89, 91
Власов В. Н. 103, 116, 119
Волков А. А. 28, 130, 173, 174,
175, 177—179, 212, 230
Воробцов 123, 124, 125, 207
Воробьев В. А. 128, 129
Воронцова-Дашкова Л. (графи-
ня) 14
Воронцовы 32
Вотгинов А. П. 112
Врангель Н. А. (барон) 61, 223
Врангель П. Н. (барон) 221,
235
Второв П. Н. 25, 94—96
Вульферт В. В. 14
Вульферт Н. С. (см. Брасо-
ва Н. С.)
Вырубова (Танеева) А. А. 64,
71, 224
Вяземская А. Г. (кн.) 185, 186
Вяземский В. А. (кн.) 183, 234
Вяткин 125

Гендрикова А. В. (кн.) 64, 130,
173—175, 179, 180, 212, 224,
231
Георгий (греческий принц) 11
Георгий Александрович (вел.
кн.) 14
Георгий Михайлович (см. Бра-
сов Г. М.)
Герасимов А. В. 16
Герингер 65
Гесс 99
Гильков А. А. 130
Гинберг 89

Глинка-Янчевский С. 71
Гогенфельзен О. В. (графиня)
(см. Палей О. В.)
Голицина 26, 123, 124, 126, 127
Голицын 231
Голицын Н. Д. (кн.) 35, 54, 217
Голощекин 209
Горев (Гольдман) Б. И. 85
Горшков-Касьянов М. Ф. 180,
234
Горький М. (Пешков А. М.)
102
Гофман 188
Гребенщиков 72
Григорьев 138
Грэй П. 15
Гуковский И. Э. 87
Гурко В. О. 71, 72
Гусев С. И. (Драбкин Я. Д.)
89
Гучков А. И. 19, 41, 42, 46—48,
50, 54, 55, 220, 222

Дворжицкий 102
Деникин А. И. 218
Дедов В. П. 211
Джонсон Н. Н. 22—28, 30, 31,
49, 55, 86—105, 108—114,
117—120, 131, 136, 137, 140—
143, 147, 151, 152, 154—156,
158, 162, 165, 177—179, 182—
184, 194—197, 199, 208, 210—
213, 217, 231, 233
Дзержинский Ф. Э. 92, 105, 127,
172, 211, 227
Дмитрий Павлович (вел. кн.)
61, 62, 68, 223
Дмитриков И. И. 54
Добрин М. П. 24, 141
Добродня А. М. 97, 117
Добротин 99
Добротины 99
Долгоруков В. А. (кн.) 65, 83,
223, 224
Дробинин А. К. 130
Дрокин В. А. 29, 146, 147, 152,
154—157, 196, 233
Дутов А. И. 232
Дюпин М. П. 130

Егоров 122
Егоров И. Г. 87, 88
Егоров Ф. Н. 129

Екатерина II (императрица) 174
Екатерина Даниловна 96, 183
Елена Константиновна 97
Елена Петровна (кн.) 173, 234
Елизавета Федоровна (вел. кн.)
127, 209, 230
Елизаров М. Т. 87
Елисеев 121
Ермаков 108, 235
Ерофеев М. 121, 122
Ерьянц Г. А. 130
Ефремов И. Н. 222

Жильяр Пьер 77, 225
Жужгов Н. В. 29, 30, 135, 145—
149, 152—156, 159, 163—166,
169, 171, 195—197, 200, 203,
206, 213—216, 228, 231, 232
Жуковский С. А. 31

Заалов 121
Загорский (Лубоцкий) В. М.
85

Зиновьев (Радомысльский) Г. Е.
27, 85, 105, 229

Знамеровская В. М. 96, 111,
115, 116, 132, 174, 209, 227

Знамеровские 25, 94, 210

Знамеровский А. Л. 115, 116

Знамеровский П. Л. 26, 88, 89,
91, 96—102, 104, 106, 108, 112,
113, 115, 117—119, 132, 136—
138, 162, 173, 174, 184, 209,
227

Золотилов 125

Зорин 181

Ибсен Г. 98

Иванов 87, 232

Иванов Н. И. 36, 52, 53, 218

Иванов Н. Н. 17, 38, 219

Иванова Е. И. 130

Иванченко В. А. 29, 145—149,
151—158, 160, 163—167, 169,
171, 195, 196, 200, 202, 203,
215, 233

Ивачев Н. Д. 130

Ивонин 207

Игорь Константинович (кн.) 209

Иоани Константинович (кн.)
209, 234

Иоффе Г. З. 195

Казаков И. М. 130

Казаровский 101

Каменев (Розенфельд) Л. Б. 85

Каменских К. П. 135

Карахан Л. М. 87

Карелин В. А. 87

Карнаухова В. Н. 138, 140, 179

Карнович О. В. (см. Палей
О. В.)

Карпов 89

Касвинов М. К. 194, 235

Квятковский 89

Керенский А. Ф. 19—21, 46—
52, 54—57, 60, 63, 64, 67, 68,
70, 75—77, 79—82, 128, 218,
222

Кирилл Владимирович (вел.
кн.) 18, 37, 38, 60, 61, 218,
219

Кирста А. Ф. 134, 231

Кирюша 98, 101, 102

Клевезаль 102

Клуш И. А. 130

Кобяк 95, 102, 103, 137, 229

Кобяк В. К. 136—138

Кобяк Г. И. 102, 136, 209, 229

Кобяков С. С. 129

Козельский В. 93

Козерстая В. А. 103

Козловский Г. А. 140

Козубенко М. А. 130

Козьмин 21, 67, 68, 76

Козьмин П. А. 118

Колпаков М. Н. 94

Колпащиков И. Ф. 29, 30, 145—
149, 152—154, 156, 161, 165—
167, 169, 171, 195—197, 203,
232, 233

Колчак А. В. 28, 145, 160, 169,
170, 215, 235

Коновалов А. И. 222

Константин Константинович
(вел. кн.) 209

Константин Константинович
(кн.) 209

Коринков Л. Г. 82, 217, 226

Коробейников В. Ю. 213

Королев В. И. 92, 140, 153, 177,
193

Коршунов 184

Котон 103, 119

Кочева А. В. 206

Краснова П. Н. 103, 222

Кромвель О. 47

Крумминс 140, 203, 204

Крупский С. А. 129
Крыленко Н. В. 87
Ксения Александровна (вел.
кн.) 39, 76, 77, 83, 95, 219,
220, 225
Кузнецов П. Е. 130
Кулеш А. 122
Кулеш В. И. 26, 120, 126, 127
Куликовский Н. А. 229
Куприя А. И. 188
Кшесинская М. Ф. 221

Латкин 172
Лбов А. М. 160, 214, 231
Лебедь Г. С. 129
Лебедева С. С. 111, 115, 116,
132, 210
Лейнгарт 89
Ленин (Ульянов) В. И. 21—23,
25, 30, 79, 85, 87, 88, 90, 143,
144, 149, 162, 171, 201, 202,
211, 222, 225, 226, 229, 231,
233
Леп 187
Лепковский 141
Лубяненко М. П. 129
Луговской В. А. 193
Лукоянов (Маратов) Ф. Н. 92,
106, 107, 138, 139, 179, 181,
227
Луначарский А. В. 87, 91, 227
Львов Г. Е. (кн.) 35, 42, 45, 46,
48, 50, 51, 53, 55, 57, 218
Любимов И. И. 170
Любимова Е. И. 170
Ляк 139, 140, 232

Макаров П. М. 80
Макаров С. О. 218
Малков П. И. 23, 28, 29, 109,
110, 123, 124, 131, 134, 143,
146, 153, 154, 168, 169, 172,
173, 195, 196, 203, 207, 230
Мальц 185
Мальцев 132
Мямотов С. 14
Манасевич-Мануйлов И. Ф. 71
Маришен 92
Мария (Марица) 198
Мария Николаевна (царевна)
83, 226

Мария Павловна (младшая,
вел. кн.) 62
Мария Павловна (старшая, вел.
кн.) 17, 221
Мария Федоровна (вдовствующая
императрица) 14, 39, 67,
217, 220, 225, 229
Марков А. В. 28—30, 144, 146,
149, 152—158, 161, 163—167,
169, 171, 196—203, 206, 207,
210, 232
Маркова (Нечаева) А. Н. 171,
199, 234
Мартов (Цедербаум) Ю. О. 85
Мартын Т. Л. 129
Матвеев 46, 49, 120
Матвей (архимандрит) 94, 228
Маширова Е. В. 114, 115
Маяковский В. В. 193
Медведев 143
Менгель 89
Менген 180, 224
Менжинский В. Р. 87, 88
Мень 103
Меньщиков П. Ф. 106—108, 111,
117, 125
Метелев П. З. 138
Меховский 85
Мещковский (Гольденберг)
И. П. 85
Миков А. А. 168, 169, 203, 233
Мильчаков А. И. 198
Милкоков П. Н. 19, 46, 47, 50,
54, 55, 58, 221—223
Мисюрева Л. И. 116, 117
Митревела Г. Ф. 177
Михаил Александрович (вел.
кн.) 11—32, 35—50, 52—68,
70, 72, 74, 76, 78, 80—83, 85—
93, 105—120, 123, 124, 126—
128, 130—132, 136—140, 142—
158, 161—173, 175, 177—189,
193—203, 207—210, 212, 213,
215, 217, 219, 222, 223, 227—
229, 231—234
Михаил Николаевич (вел. кн.)
223
Мордвинов А. А. 13
Мясников Г. И. 29, 30, 135, 140,
145, 146, 148, 149, 152, 153,
157—169, 165, 166, 168, 169,
171, 179—181, 195, 196, 199—
201, 203, 207, 215, 231, 232

- Набоков В. Д. 46, 48, 56, 57, 222, 223
 Нагорский 26, 103, 104
 Накориков Н. Н. 198
 Нарышкин А. Д. (кн.) 224
 Нарышкина Е. А. (кн.) 17, 64, 224
 Наумов 92, 106, 107
 Нахтман Р. М. 183, 184, 234
 Неволин 109
 Некрасов Н. В. 46—48, 54, 56, 57, 222, 223
 Ниголь А. К. 130
 Николаев Г. С. 118
 Николаева А. П. 117
 Николаевы 99
 Николай I (император) 221, 223, 225
 Николай II (император) 11, 12, 14, 16—20, 24, 27, 28, 37, 39—42, 44, 45, 52, 54, 58, 59, 63, 64, 73, 76—78, 83, 140, 144, 158, 179, 193, 195, 198, 201, 207, 208, 212, 213, 217—224, 226, 233
 Николай Михайлович (вел. кн.) 60, 66, 223
 Николай Николаевич (младший, вел. кн.) 42, 45, 46, 53, 59, 221
 Нязм 86
 Нобель 29, 147, 200, 204—206
 Новиков В. И. 130
 Новоселов И. Г. 148, 163—167, 233
 Нольде Б. Э. (барон) 46, 48, 56, 57, 223
 Нуланс 221
 Обыденев М. П. 100, 219
 Овчинников М. 201
 Ольга Александровна (вел. кн.) 12, 95, 229
 Ольга Павловна 97, 98, 100, 102
 Ольденбургский П. А. (принц) 229
 Ольховская К. Г. 167, 199
 Павел Александрович (вел. кн.) 18, 20, 37—39, 61, 68, 70, 72, 74, 76, 219, 223
 Павлов 138, 174
 Падалка В. А. 118
 Палей В. П. (кн.) 21, 76, 209, 219
 Палей О. В. (кн.) 20, 38, 68, 76, 219
 Палеолог М. 46, 48, 221
 Пашкин В. П. 129
 Пелевин 87
 Пенчук В. С. 130
 Перескоков Л. В. 203
 Петр I (сербский король) 234
 Петр Николаевич (вел. кн.) 99
 Петровский Г. И. 87
 Пистолькорс О. В. (см. Палей О. В.)
 Платонов О. А. 203, 206
 Плешков А. И. 29, 30, 135, 166, 167, 231
 Подвойский Н. И. 87
 Полковников Г. П. 65, 66
 Поляков Н. С. 100
 Пономарева Е. И. 113
 Постаногов А. 168, 214
 Потапов М. Ф. 143
 Престон Т. 187
 Приемских Н. Н. 129
 Прошьян П. П. 87
 Путятин Н. С. (кн.) 188
 Путятин П. П. (кн.) 17, 19, 46, 56, 116
 Путятинна (кн.) 55
 Распутин (Новых) Г. Е. 64, 223, 224
 Ребухин (Рябухин) А. С. 29, 134, 231
 Рее 25, 94
 Рейнек Э. 129
 Решетняков В. И. 168, 234
 Родзянко М. В. 17, 18, 38, 39, 41, 42, 44, 46—50, 54, 55, 57, 67
 Ромадин 72
 Романовы 13, 19, 28, 31, 58, 59, 63, 79, 127—129, 143, 158, 162, 164, 178, 195, 201, 211, 212, 218, 225, 226, 230, 233
 Росс Н. 134, 135
 Рошаль С. Г. 21, 85
 Русский Н. В. 41, 52, 53, 220
 Рябов Г. 194

Савельев 87
Савинков Б. В. (Ропшин В.) 65,
66, 224
Сазонов С. Д. 223
Самойлов 188
Сапожников И. Н. 106, 108,
109, 137, 229
Сафаров Г. 209
Свердлов Я. М. 79, 80, 127,
129, 144, 158, 161, 162, 171,
211, 225, 230
Сельтвссон 168
Семенов Г. М. 185, 186, 235
Сергей Александрович (вел. кн.)
230
Сергей Михайлович (вел. кн.)
66, 67, 209, 225
Сивков В. Ф. 23, 172, 173, 194,
234
Снягинин В. В. 130
Скоропадский П. П. 94, 95
Скуев 130
Смидга П. Т. 168, 234
Смирнов С. Н. 132, 173, 174,
234
Снегурочка 96, 102
Соколов Н. А. 28, 29, 136, 138,
177, 180, 183, 210, 212, 225,
232
Сорокин В. 109, 134, 146, 152,
153, 168
Соснонкин 182
Сотников А. 185, 186
Спешников А. Л. 129
Спридис Н. К. 186, 187
Сретенский И. М. 136, 138, 232
Сталин (Джугашвили) И. В. 87
Сталь А. Ф. 70, 74
Стасюк 108
Стеклов (Нахамкис) М. Ю. 85
Степанов А. Г. 193
Степанов М. Н. 203, 205
Степанова К. А. 137
Стогов И. Е. 137
Сутурин 72
Суханов (Гиммер) Н. Н. 85

Тата 86, 97, 103
Татищев И. Л. 63, 64, 223
Татьяна Николаевна (царевна)
123
Татьяна Павловна 99
Темников 232
Терещенко М. И. 222

Токачев Е. Е. 129
Толмачев 143
Торопов С. А. 193, 203, 207, 235
Трофимов А. В. 28, 92, 106, 107,
110, 168, 169, 207, 228
Трофимов В. 93
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 79,
80, 85, 105, 226
Трубецкая М. 77
Трутовский 87
Тупицын С. В. 94, 95, 97, 98,
103, 117, 118, 120, 209, 228
Тупицына О. 94
Тупицыны 25, 92, 93, 98, 100,
102, 111, 116—118, 228
Туркин М. П. 158, 168, 233

Умберто 103
Унгерн фон Штернберг Р. Ф.
185, 186, 235
Урицкий М. С. 22, 23, 87, 90,
91, 173, 211, 226

Фаддеев И. О. 130
Федосеев И. А. 130
Федотов Ф. П. 130
Фрейберг Э. Г. 185, 235
Фролов 70, 74

Хабалов С. С. 52, 223
Харламов В. И. 130
Хитрово Л. В. 70
Хитрово М. С. 20, 70, 74, 225
Христиан IX (датский король)
12, 220

Цезарь Ю. 44
Циквирашвили 122

Чавчавадзе Д. 12, 15
Чельшев В. Ф. 22, 24, 28, 97,
98, 102, 106, 108, 109, 110,
112—115, 120, 130, 136—138,
174, 177, 178, 183, 194, 209,
210, 212, 229
Чердынцев А. Н. 129
Чехович 49
Чечулин А. М. 137
Чнкярисов Ф. И. 198
Чуцкаев 209

Шамарин А. 171
Шардаков Н. А. 129
Шатунов В. И. 130
Шварц 89
Шебуев 95
Шейфлер 101, 103
Шелковский П. И. 129
Шервашидзе Г. Д. 99, 229
Шереметьевская Н. С. (см. Бра-
сова Н. С.)
Шереметьевский С. 14
Шингарев А. И. 46, 223
Шипицын В. П. 26, 104, 229
Шарникова С. Е. 114
Шляпников А. Г. 42, 87
Шнейдер Е. А. 130, 173—176,
179, 180, 212, 224, 231
Шонкман 142
Шопен 84

Шульгин В. В. 41, 42, 46, 50,
54—56, 220, 223

Эверт А. Е. 42, 221
Эглит 89
Эликс 89
Эльвенгрен Г. 71
Эльжановский 25, 93
Эрст Гессен-Дармштадтский
(герцог) 219
Эссен Э. Э. 21

Юлия Владиславовна 101
Юровский Я. М. 209, 211, 235

Яблоновский 99
Ярославцев Б. Н. 133, 134

БИБЛИОГРАФИЯ *

1. *Алексеев В. В.* Гибель царской семьи: мифы и реальность: Новые документы о трагедии на Урале.— Екатеринбург, 1993.
2. *Аликина Н. А.* Взвесить на весах истории//Веч. Пермь.— 1990.— 3 февр.
3. *Аксакова Т. А.* Дочь генеалога: Воспоминания//Минувшее: Ист. альманах.— М., 1991.— Вып. 4.
4. *Анфертьев И. А.* В лихольетъ//От первого лица.— М., 1990.
5. *Артемов С.* Михаил Романов: «побег» и его последствия//Зеркало.— 1990.— № 9 (12), 12 (15).
6. *Багдачев Л.* Последнее пристанище великого князя//Урал. рабочий.— 1992.— 25 янв.
7. *Валенкин Б.* Гаяька//Отонек.— 1990.— № 21.
8. *Беликов Ю.* Где та сосна, на которой буквы В. К. М. Р.?!//Мол. гвардия.— 1992.— 3 февр.
9. *Беляев А. И.* Семья Романовых в марте—июле 1917 года: Дневник протоиерея//Ист. архив.— 1993.— № 1.
10. *Буранов Ю., Хрусталева В.* Гибель императорского дома.— М.: Прогресс, 1992.
11. *Буранов Ю., Хрусталева В.* Похищение претендента: Незвестный дневник Михаила Романова//Совершенно секретно.— 1990.— № 9.
12. *Быков П. М.* Последние дни Романовых.— Свердловск: Урал-книга, 1926; То же: М., 1991; Алма-Ата, 1991.
13. *Валитов Р., Светлова Е.* Царевна Анастасия//Совершенно секретно.— 1994.— № 1.
14. *Виноградов В. К.* «Я часто думаю, за что его казнили...»//Независимая газета.— 1994.— 29 апр.
15. *Волков А. А.* Около царской семьи.— Париж, 1928.
16. *Вырубова А.* Рядом с царской семьей//Нева.— 1994.— № 2.
17. *Вырубова А.* Узница Трубецкого бастиона//Слово.— 1989.— № 9; 1990.— № 1.
18. *Гаврилов Д.* «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали»//Урал.— 1993.— № 12.
19. Гибель царской семьи: Сб. документов/Сост., ред., коммент. Н. Росса.— ФРГ: Изд-во «Посев», 1988.
20. *Гладышев В.* «Вспомни о Марии Антуанетте!»//Веч. Пермь.— 1991.— 25 сент.
21. *Гладышев В.* Пропавший пистолет, к счастью, не выстрелил: О приезде на Урал представителей династии Романовых//Перм. новости.— 1993.— 30 июля.
22. *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии.— М.: Воен. изд-во, 1992.

* Составитель — Т. И. Быстрых, зав. отделом краеведения Пермской областной библиотеки им. М. Горького.

23. *Дитерихс М. К.* Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале.— М.: Скифы, 1991.
24. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты.— Париж, 1922.
25. *Деко А.* Анастасия//Вокруг света.— 1993.— № 11, 12.
26. *Дорно де Дзуллини М.* Царская семья: Последний акт трагедии/Пер. с итал.— М.: Худож. литература, 1991.
27. Дневники императора Николая II.— М., 1991.
28. *Думова Н. Г.* Морганатическая супруга//Домовой.— 1995.— № 1.
29. Жертвы террора//Закамская сторона.— 1991.— № 11.
30. Заговор против века//Родина.— 1993.— № 1.
31. *Иванов Вс. Н.* «...Минуты роковыя»: Повествование о времени и о себе//Дальний Восток.— 1993.— № 10, 11/12.
32. *Иоффе Г.* Дом особого назначения//Родина.— 1989.— № 4, 5.
33. *Иоффе Г.* За последней чертой: Вымыслы и правда о конце династии Романовых//Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель.— М., 1989.
34. *Касинов М. К.* Двадцать три ступени вина.— М.: Мысль, 1989.
35. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары/Пер. с англ.— М., 1993.
36. *Коробейников В. Ю.* Приведено в исполнение//Веч. Пермь.— 1990.— 4 апр.
37. *Коробейников В.* С Пермью Романовым не поведало//Местное время.— 1993.— 12 янв.
38. *Кривых А.* История по имени ностальгия//Эхо планеты.— 1992.— № 45.
39. *Крылов А.* Милый Миша//Россия.— 1995.— 19/25 июля.
40. *Куприн А. И.* Шестое чувство//Юность.— 1988.— № 3.
41. *Лаврин А. П.* 1001 смерть.— М.: Ретекс, 1991.
42. *Мазилкина И., Орлицкий Ю.* Заговор против века//Звезда.— 1993.— 23 июня.
43. *Мамышева Н.* Ошиблась ли история?//Слово.— 1994.— № 7/8, 9/10.
44. *Мясников Г.* Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова//Мянувшее: Ист. альманах.— М.— СПб., 1995.— Вып. 18.
45. *Никулина М.* Версий может быть сколько угодно//Наука Урала.— 1990.— 12 июля.
46. *Нольде Б. Э.* Далекое и близкое: Истор. очерки.— Париж, 1930.
47. *Павлова Т., Хрусталева В.* Скорбный путь Романовых//Урал следопыт.— 1992.— № 1, 3.
48. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции: Реприент. воспр. изд. 1923 г./Пер. с фр.— М., 1991.
49. *Перескоков Л.* Могила в Красном логу//Перм. новости.— 1995.— 4 авг.
50. *Платонов О.* Убийство царской семьи.— М.: Сов. Россия, 1991.
51. *Платонов О.* Царубийцы//Литерат. Россия.— 1990.— № 38—42.
52. Похищение и гибель Михаила Романова//Россияне.— 1994.— № 4/5/6.
53. *Присяжный А., Суриков А.* Фрейлина императрицы//Эхо планеты.— 1990.— № 35/36.

54. Рабочая революция на Урале: эпизоды и факты 1917—1921.— Екатеринбург, 1921.
55. *Радзинский Э. С.* «Господи... спася и усмири Россию».— М.: Вагриус, 1993.
56. *Радзинский Э.* Расстрел в Екатеринбурге//*Огонек*.— 1989.— № 21; 1990.— № 2, 22.
57. Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье.— Пермь: Кн. изд-во, 1968.
58. *Резанов Г., Хорошлова Т.* Последние дни Романовых//*Комс. правда*.— 1990.— 16 сент.
59. Романовы и наш край: Библиогр. указ.— Тюмень: Тюменская обл. науч. б-ка, 1994.
60. *Рябов Г.* Последний акт...//*Родня*.— 1996.— № 1.
61. *Рябов Г.* «Принуждены вас расстрелять...»//*Родня*.— 1989.— № 4—5.
62. Самосуд: Убийство великого князя Михаила Романова в Перми в июне 1918 года: Докум. и публикации/Сост. Т. И. Быстрых.— Пермь, 1992.
63. *Светлаков В. Г.* Пусть говорят документы//*Повиния*.— 1990.— № 17.
64. *Сизков В. Ф.* Пережитое.— Пермь: Ки. изд-во, 1968.
65. *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи.— М.: Скрип; Сов. писатель, 1990.
66. *Соловьев В.* Убийство царской семьи//*Огонек*.— 1995.— № 11.
67. Судьба Михаила Романова//*Вопр. истории*.— 1990.— № 9.
68. *Теплов И.* Последний император//*Смена*.— 1995.— 17 июня.
69. *Торопов С. А.* Самосуд//*Веч. Пермь*.— 1990.— 15 янв.
70. *Торопов С. А.* Ставить ли свечку...//*Веч. Пермь*.— 1990.— 23 мая.
71. Убийство царской семьи Романовых.— Свердловск: Урал—Советы, 1991.
72. *Хрусталева В.* Похищение и гибель Михаила Романова//*Россияне*.— 1994.— № 4/6.
73. *Чавчавадзе Д.* Великие князья.— Нью-Йорк, 1990.
74. *Шахгеданови Н.* Загадка княжны Агатагосип//*Неделя*.— 1994.— № 34.
75. *Шляпников А. Г.* Семнадцатый год.— М.— Л., 1925.
76. *Юзефович Л.* Феномен самозвешивания//*Перм. новости*.— 1995.— 8 сент.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

- ф. 130 Совет Народных Комиссаров РСФСР (Совнарком РСФСР, СНК РСФСР)
- ф. 391 Российское телеграфное агентство (РОСТА) при ВЦИК
- ф. 393 Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР)
- ф. 539 Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР
- ф. 1235 Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК)
- ф. 1236 Военно-революционный комитет (Петроградский ВРК) при ВЦИК
- ф. 1779 Канцелярия Временного правительства
- ф. 5881 Коллекция отдельных документов эмигрантов
- ф. 6851 Российское посольство в Париже

Личные фонды:

- ф. 601 Император Николай II
- ф. 622 Графиня Брасова Наталия Сергеевна
- ф. 644 Великий князь Павел Александрович
- ф. 650 Великий князь Андрей Владимирович
- ф. 662 Великая княгиня Ксения Александровна
- ф. 668 Великий князь Михаил Александрович

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)

- ф. 588 Коллекция отдельных историко-партийных документов
- ф. 70 Коллекция истпарта

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ)

- ф. р-95 Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт)

Государственный архив Пермской области (ГАПО)

- ф. р-1595 Личный фонд К. С. Махавька (1901—1977); доктора исторических наук, декана истфака Пермского государственного университета

Центр документации новейшей истории Свердловской области (ЦДНИСО)

- ф. 41 Коллекция истпарта

Пермский областной государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений (ПОГАНИиОПД)

- ф. 90 Коллекция документов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Судьба претендента на Российский престол великого князя Михайла Романова. <i>Историко-публицистический очерк</i>	9
Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания	33
Раздел I. Испытание треном	35
Раздел II. Между двумя революциями	58
Раздел III. Скорбный путь на Голгофу	82
Раздел IV. По следам преступления	105
Раздел V. За призракной тенью	182
Самосуд. <i>Современные публикации местных журналистов и краеведов</i>	191
Комментарии	217
Указатель имен	236
Библиография	243
Перечень использованных архивных фондов	246

**СКОРБНЫЙ ПУТЬ МИХАИЛА РОМАНОВА:
ОТ ПРЕСТОЛА ДО ГОЛГОФЫ**

Художники *А. М. Михайлищева, С. П. Москаева*
Фотографы *А. А. Вотинков, В. Г. Дорофеев*
Редактор *И. В. Остапенко*
Технический редактор *Л. А. Писарева*
Корректоры *О. А. Кирьянова, Т. В. Конькова*

С44 Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания/Сост. В. М. Хрусталева, Л. А. Лыкова.— Пермь: Изд-во «Пушка», 1996.— 248 с.

Сборник архивных документов, воспоминаний, дневников, писем, газетных сообщений, свидетельских показаний и других материалов, освещающих эпизоды жизни младшего брата императора Николая II — великого князя Михаила Александровича — от мятежных дней Февральской революции до тайного похищения и убийства его в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. под Пермью.

С 5030209010—96

ББК 63.3(2)

Сдано в набор 10.04.96. Подписано в печать 22.07.96. Формат 84×108^{1/2}. Бум. офсетная № 2. Литературная гарн. Печать высокая. Условн. печ. л. 13,02+1,68 (вкл.). Тираж 10 000 экз. Заказ № 1257.

Издательство «Пушка».
614000, г. Пермь, ул. Ленина, 27, оф. 10.
АО «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.